

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 19

**Москва
2001**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. —
Вып. 19. — 164 с.

ISBN 5-317-00302-4

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в
1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в
2000 г., выпуски 16, 17, 18 – в 2001 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00302-4

© Авторы статей, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Красных В.В.</i> Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору)	5
<i>Лютикова Е. В.</i> Суггестивный дискурс: к гипотетической реконструкции оптимальной аудитории (опыт поискового семиосоциопсихологического исследования на материале историографических текстов)	20
<i>Малюга Е. Н.</i> Причины употребления вопросительных форм в англоязычных газетах	39
<i>Мешкова Е. М.</i> «Глоттальный взрыв» и «глоттализация» в германских языках	46
<i>Иванова И. Е.</i> Анафорические элементы в системе свободной пунктуации (на материале сербского языка)	72
<i>Антонова И. А.</i> К вопросу о синтаксической парадигме. Парадигма предложений со значением эмоционального состояния/отношения в русском языке	78
<i>Виноградова Е. Н.</i> К вопросу о трансформационной парадигме сложного предложения (на материале предложений, выражающих причинно-следственные отношения)	88
<i>Ю Джун Хи (Республика Корея)</i> Бытийные предложения с у-локализатором (логический тип): характеристические предикаты	94
<i>Зильберт А. Б.</i> Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности)	103

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

<i>Малюга Е. Н.</i> Разделительные вопросы в речи британских женщин и мужчин	113
<i>Брилева И. С.</i> Представления о грехе в народной традиции	123

ЛИНГВОПОЭТИКА

Москвин Г. В. FINITA LA COMEDIA (Об иноязычном дискурсе в прозе Лермонтова).....130

Хайлова (Доронова) Е. Г. Пунктуационное оформление композиции в стихах И. Анненского 138

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Нистратова (Италия) С. Л. Автобиография и заявление как жанры официально-делового стиля русского языка (лингвистические особенности и методика обучения).....144

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Глеб Арсеньев. Литературные опыты..... 161

ЛИНГВИСТИКА

Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору)

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2001

Давайте задумаемся, что есть культура для каждого конкретного человека, как она хранится в его сознании, как фиксируется в языке и языковом сознании, как проявляется в поведении человека, в том числе в коммуникативном и речевом, как «реализуется» в дискурсе, обуславливая национально-культурную специфику последнего. Зачастую это «культурное содержание» не осознается и не рефлегируется самим представителем той или иной культуры. Все это создает дополнительные трудности при исследовании и описании базового культурного пласта, который является неотъемлемой частью структуры любого человека говорящего.

Попытаемся прежде всего понять и определить такое понятие, как *код культуры*, и посмотреть, как коды культуры фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе.

Код культуры может быть определен как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют».

Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированны и обуславливаются конкретной культурой. Очевидно, можно, хотя и очень осторожно, говорить о том, что условно универсальный характер носят также и некоторые базовые метафоры. Я имею в виду не конкретные метафоры, а некоторый тип, например, антропоморфные соматические метафоры, используемые для структуриации и описания окружающего мира¹. Однако подчеркну еще раз, что в данном случае можно говорить только об «условно», гипотетически возможных универсалиях, поскольку для более категоричного утверждения необходимы широкие моно- и межкультурные исследования.

---

¹ См., например, *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1990.*

Рассуждая о кодах культуры, мы должны иметь в виду, что исследователи говорят о различных кодах, таких, например, как анатомический, соматический, зооморфный, растительный, предметный, пищевой, аксиональный и т. д. Сейчас я мы очень коротко остановлюсь лишь на тех кодах, которые являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры, о тех кодах, в которых фиксированы наивные представления о мироздании. Таких кодов, на мой взгляд, по определению не может быть много. Выделим и будем иметь в виду следующие коды культуры:

1. соматический (телесный);
2. пространственный;
3. временной;
4. предметный;
5. биоморфный;
6. духовный.

Почему соматический код стоит на первом месте? Потому что он является, пожалуй, наиболее древним из существующих (хотя однозначно утверждать или опровергать это положение представляется едва ли возможным). Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и окультурация человеком окружающего мира. В результате, завершив этот «герменевтический круг», человек пришел к необходимости опять познавать себя, но уже на другом этапе, на новом витке. Таким образом, в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же. Иначе говоря, через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафиксированным в соматическом коде культуры). Через окультурирование и осознание окружающего мира человек вернулся к описанию самого себя, «применяя», «применяя» и «накладывая» на себя знания об окружающем мире.

Между кодами культуры нет и не может быть жестких границ. С точки зрения филогенеза и процесса окультурации человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный, пространственный «наложился» на временной, в значительной степени его обусловив. Как мы с Вами увидим чуть позже, соматический код используется, например, для описания пространства, а пространственные отношения переносятся на временные. В сознании пространство и время неразрывно связаны, что находит свое отражение и в языке. Предметный код, в который входят и такие понятия, как, например, *дом*, *род*, *семья*, непосредственно связан с социальными отношениями. Причем связь эта представляет собой двунаправленную зависимость: предметный код «проникает» в социальные отношения, во многом их предопределяя, с одной стороны, и отражая – с другой, а

социальные отношения пронизывают многие базовые понятия предметного кода. Таким образом, предметный код в некоторой степени предопределяет и код духовный, первичен по отношению к нему.

В целом можно сказать, что существуют три основных объекта познания и описания, принадлежащие миру Действительность: 1) сам человек, 2) окружающий мир (пространство и заполняющие его предметы – в самом широком смысле), 3) время. Две небольших оговорки. Во-первых, познавая и осознавая себя, человек переходит к познанию и осознанию себя в мире себе подобных и, таким образом, вступает в мир людей. Во-вторых, осознание времени необходимо ему для того, чтобы разместить события на временной оси относительно друг друга.

Рассмотрим указанные коды культуры чуть более подробно.

Итак, **соматический (телесный) код**. В соматическом коде особое место занимают символичные функции различных частей тела. Например, в роли *символа человека* как такового или через его характеристику, признак могут выступать: *голова (считать по головам; ну, ты голова!)*, *плечи (на ее плечах лежала большая ответственность)*, *рука (не хватает рабочих рук; мастер – золотые руки; правая рука; он остался с маленьким ребенком на руках; отдам в хорошие руки; через мои руки проходит вся почта)*. Отмечу, что *рука* может выполнять функцию символа не только человека, но и *символа власти (взять регион в свои руки, держать в руках весь город), обладания (иметь в руках, получить на руки), инструмента (ручная работа)* и др.

Пространственный код связан с членением пространства. Собственно пространственный код трудно развести с соматическим кодом культуры в той части, которая касается устройства мира, поскольку многие антропоморфные метафоры (изначально принадлежащие коду соматическому) «обслуживают» пространственный код, свидетельствуя об определенном членении пространства. Посмотрим, как же соматический код наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека и структурирование окружающего мира. Приведу всего несколько примеров.

Под рукой – в пределах досягаемости, в непосредственной близости; человек может воспользоваться предметом, не меняя своего местоположения в пространстве (*это всегда должно быть под рукой*).

Рукой подать – недалеко, близко, совсем рядом; человек может быстро добраться от начального пункта следования до конечного (как поется в песенке из популярного фильма: *Мне от Брайтон-Бич до Дерибасовской через океан подать рукой*).

Рассмотрим один из вариантов пространственной модели мира, созданной человеком, т. е. попытаемся разобраться в том, как выглядит окультуренное человеком пространство. Следует отметить, что окультуривание человеком окружающего мира и в филогенезе, и в онтогенезе

происходит, очевидно, параллельно с осознанием категорий «свой – чужой», с членением пространства на «свой» мир и мир «чужой».

Общая структуризация мира может быть представлена следующим образом:

1. *внутренний мир* человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами; здесь очень важным оказывается соматический (телесный) код культуры, т. к. универсальными единицами измерения пространства с древнейших времен являлись параметры тела человека;
2. фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство, образуя *личную зону*;
3. фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, но осознаваемый как *близкий, свой, родной*;
4. фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается как *чужой, чуждый, враждебный*.

Внутренний мир располагается внутри телесной оболочки, представляет собой вместилище (локус) мыслей, чувств, эмоций и т. д. Особую роль здесь играют различные органы и части тела человека, главнейшими из которых являются *сердце* и *душа* как локус чувств (*в сердце закралась тревога, в душе шевельнулась жалость, скрепя сердце, камень на сердце, на душе, в глубине души*) и *голова* как локус мыслей (*в голову пришла мысль, держать информацию в голове, выскочило из головы*).

Личную зону очерчивают руки человека (см.: *под рукой, рукой подать*). Граница личной зоны проходит по той линии, которую могут провести руки. Таким образом, эта зона образует некий полукруг-овал: от боков и вперед. То, что находится за спиной человека, ему уже не принадлежит. Эта сфера находится вне зоны видимости, вне достижимости, вне зоны сознательного тактильного или визуального контакта. И раз она невидима и недостижима, то она неведома, непонятна и опасна. Здесь идет пересечение с миром чужих, миром мертвых. Кроме того, эти пространственные отношения, как мы увидим, переносятся и на отношения временны□е.

Важным мерилom мира, прилежащего к личной зоне, является *шаг* – минимальная единица, связанная с действием, с переходом за границу личной зоны, выходом во внешний мир. Это не так просто, как кажется, отсюда и возможность существования таких единиц, как *решиться на шаг, быть способным или не способным на тот или иной шаг* и т. д. (см. работы И. В. Захаренко).

Свой, близкий, родной мир – исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых.

Чужой мир находится, как правило, далеко, *за три девять земель, в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве, у черта на рогах.*

Выскажу самую общую идею, почерпнутую мною из работ В. Я. Проппа: мир чужих, мир мертвых, тридевятое, «иное» царство в русской волшебной сказке «может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко или глубоко по вертикали». Но все-таки в русском пространстве доминантным, на мой взгляд, будет расположение по горизонтальной оси: мир чужих находится «за морем-океаном», «за лесами, за долами, за высокими горами». Отсюда и одна из базовых оппозиций: «родная земля – чужая сторона (страна)». Об этом же свидетельствуют и границы между миром живых и миром мертвых: поле, лес, река, горы, т. е. то, что само по себе может иметь вертикаль (как лес или горы), но располагается на горизонтали. В этой связи весьма интересными являются противопоставления «земля – страна», «свет – мир», «этот свет – тот свет».

Столь же важной в пространственной модели является оппозиция «верх – низ». По свидетельству В. В. Колесова, к началу древнерусской эпохи, к X веку, уже существовало в основном разработанное представление о вертикальном пространстве дома – от чердака до подвала, т. е. уже была некоторым образом на материале места обитания «овеществлена» оппозиция «верх – низ». Но эта оппозиция оказывается релевантной и для человека. В качестве примера приведу идиому *с головы до ног* (оглядеть, вооружить; испачкаться; одарить). Что мы можем получить, проанализировав данную единицу с точки зрения лингвокультурологического подхода? Во-первых, образ данной идиомы соотносится с архетипическим представлением человека в его вертикальном измерении и противопоставлением «верх – низ». Во-вторых, целостное восприятие в данном случае построено на древнейшем метонимическом приеме: человек в его целостном виде или состоянии измеряется неотъемлемыми его частями, которые для человека служат эталонами, т. е. мерой его вертикального измерения. Крайние точки этой шкалы могут быть представлены как *голова, макушка*, с одной стороны, и, с другой – *ноги, обувь, каблуки* или – как более точное определение нижней точки, точки непосредственного соприкосновения человеческого тела с землей – *пята (пятка)*. Другие единицы, изначально связанные с этим образом, типа *поставить, перевернуть с ног на голову*, свидетельствуют о принципиальной возможности экстраполировать представления о человеке на предметы внешнего мира (*они перевернули все в доме с ног на голову; с ним невозможно разговаривать: он вечно все переворачивает и ставит с ног на голову*).

Как мы уже с Вами говорили, пространственный код, реализующийся в том числе в антропоморфных метафорах, изначально принадлежащих соматическому коду, неразрывно связан с кодом временны́м.

Во-первых, потому, что пространственные отношения накладываются на временные. Это обуславливается, очевидно, тем, что окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени. Во-вторых, потому, что пространство и время тесно связаны в сознании человека. Это проявляется, например, в использовании пространственных предлогов для выражения временных отношений (т. е. фактически имеет место погружение времени в пространственный контекст): *со дня на день, изо дня в день, время от времени, до поры до времени, через неделю, сквозь годы* и т. д. Кроме того, пространство может измеряться с помощью временных единиц, а время – с помощью единиц пространственной сферы: *в двух минутах отсюда, в трех часах езды; в шаге от победы, на краю гибели, за плечами годы работы*.

Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени.

Современные русские движутся по временной оси лицом вперед, что закреплено в языке: то, что *за спиной, за плечами*, относится к прошлому, а то, что *на носу* принадлежит будущему (*за спиной опыт прошлых лет, годы учебы остались за плечами; на носу экзамены*). Это подтверждают и соответствующие жесты из языка глухих: показывая себе за спину (за плечо), человек относит описываемые события к прошлому, выражая тем самым грамматическую категорию времени или передавая значение «раньше».

А как мы воспринимаем время? Как членим его? Первое, что нужно отметить, это то, что мы можем делать со временем разные, в том числе и весьма неприятные, вещи: мы можем его *тратить, проигрывать и выигрывать, терять и находить, тянуть и подгонять*, вообще *не уважать, не считаться* с ним и даже *убивать* (отсюда и *битый час*).

Время для нас может быть недискретным: выступает просто как *время*, возможно в паре с *пора*: *время от времени, до поры до времени*. Но вместе с тем, время для нас и дискретно: в нем выделяются отдельные единицы измерения – от входящих в единую метрическую систему (например: *год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда* и далее – *десятые, сотые* и т. д.) до достаточно «субъективных» единиц, обозначающих либо минимальные (*миг, мгновение*), либо максимальные промежутки времени (*век, вечность*).

Если мы говорим о «бытии» человека (как в мире Действительное, так и в мире Идеальное), то для нас окажется важным противопоставление мира, для которого релевантно реальное время, и мира «вневременного». Это противопоставление категоризируется и проявляется, в частности, в оппозиции «век – вечность». Остановимся на этом чуть подробнее.

Но сначала одна цитата: «В древней Руси разделяли “временные формы на те, которые выражают *бытие*, и те, которые выражают *предбытие*... Если выразить эти мысли современной терминологией, то... формы перфекта и будущего времени выражают действие, ограниченное во времени, в то время как формы аориста и настоящего времени выражают действие без отношения к границе времени, и поэтому они одни способны выражать действия, имеющие по теоретическим представлениям христианской религии атрибут вечности”². [...] Латинствующие не различали в своей литературной практике “бытия” и “предбытия”, бренности и вечности» (А. М. Панченко) (разбивка моя. – В. К.).

А теперь вернемся к паре «век – вечность».

В окультуренной человеком метрически-эталонной сфере *век* относится к временной сфере, являясь единицей точного измерения времени (100 лет, столетие, отсюда – *прошлый век*, XXI век). Поскольку этот период, как правило, превышает продолжительность жизни человека, век может обозначать период, объективно продолжительный, соотносимый с эпохой (*каменный век*, *Серебряный век*) или субъективно воспринимаемый как долгий (*Сколько можно тебя ждать? Я уже целый век здесь торчу!*). По данным АТРЯ³, век ассоциируется с прошлым и старостью (*мудрый, седой*).

По В. Н. Лосскому, мир в христианстве тварен (создан, сотворен Богом), т. е. имеет начало (и будет иметь конец). Век воспринимается как категория «тварного» (сотворенного) мира, связанная как с бытием самого мира, так и с жизнью человека (*на мой век хватит, повидал на своем веку, век бы его не видеть*). Будучи связан с человеком, бытием, тварным миром, век ограничен, он имеет начало и конец, ср.: *во веки веков* – во все время бытия мира, от его начала до его конца; *до скончания века* – до конца мира; *отныне и до века* – с этого мгновения и до конца мира (все эти выражения пришли из церковного дискурса и связаны с тварным миром). «Отправная точка» века – момент создания мира, начало его бытия (отсюда *от века – изначально*).

Таким образом, в русском языковом сознании век, с одной стороны, конечен (100 лет, эпоха, долгий отрезок времени, жизнь), а с другой – бесконечен (смыкается с вечностью).

Вечность также относится к окультуренной человеком метрически-эталонной сфере, являясь выражением неограниченно длительного, бесконечного периода времени. Изначально восходя к веку, вечность, по данным АТРЯ, обозначает то, что 1) есть после века (жизни), за пре-

---

² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 116-117.

³ Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. В 6-ти томах. Т. I. М., 1996.

делами века; связана с *душой, духом, с памятью и забвением*, с противопоставлением *бытия, жизни и смерти, бессмертия*; 2) находится за пределами мира, жизненного пространства; ассоциируется с тем, что за горизонтом и чему нет конца, с *бесконечностью, неизмеримостью, с космосом, вселенной и звездами, с небом, Богом, чем-то неземным*; связана с противопоставлением *мира и пустоты*. Век нейтрален, вечность (за пределами «ареала» человека) аксиологична: может быть пугающей (ассоциируется с *мраком, опасностью, пустотой, горем*; может быть *страшной, туманной*), но, будучи связанной с Богом, она также может восприниматься возвышенно-позитивно (ассоциируется с *раем, истиной, счастьем, святостью*).

Восходя к библейскому дискурсу, вечность понимается в христианстве двояко: 1) как вечность сотворенного (тварного) мира, который имеет начало и будет иметь конец, здесь вечность выступает синонимом века; 2) как вечность Бога.

Отмечу, что во фразеологизмах, связанных с веком и вечностью отражено древнейшее представление о непосредственной связи пространства и времени. Так, во внутренней форме фразеологизма *от века* век в сочетании с предлогом *от* предстает как точка *отсчета, отправная* точка движения, в том числе и движения по временной оси. В образе указанного фразеологизма данное представление погружено в пространственный контекст (ср.: *навеки, на века, извечный*). Внутренняя форма фразеологизма *навечно* содержит противопоставление и сочленение тварного и Божественного. Будучи погруженным в пространственный контекст, данное представление в сочетании с предлогом *на* указывает на продвижение вперед по оси времени (ср.: глагол движения + *на* спектакль, *на* выставку; *на* стадион).

Таким образом, анализируя конкретные фразеологизмы, мы нашли подтверждения высказанным ранее положениям: мы движемся по оси времени лицом вперед и время и пространство тесно связаны в нашем сознании.

Предметный код культуры – относится в первую очередь к миру Действительное и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Предметный код обслуживает, в частности, метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира.

Так, например, в русском языковом сознании *капля, капелька* – один из эталонов метрической сферы, самое малое количество чего-либо, соотносимого с жидкостью или жидкими субстанциями: *вода, море, озеро, океан, дождь – ливень – лужа, роса; кровь; вино, водка* (АТРЯ), ассоциируемая с такими единицами, как *крошка, малая часть, мизер, чуть-чуть* (АТРЯ). Отсюда и *до (последней) капли, и капля в море*. Существует древнейшее представление о чувствах, свойствах,

времени как о чем-то жидком, текучем: чувство может переполнить человека (*последняя капля переполнила чашу терпения*), может не остаться ни капли чувства (ср.: «Но Вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня...», А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»). Соответственно, в окультуренной человеком метрически-эталонной сфере капля – один из визуально освоенных универсальных архетипов сознания, имеющих принципиальное значение для принятия решения о наличии / отсутствии чувства или свойства: если осталась хоть капля какого-либо чувства (любви, жалости, страха), то есть и само чувство. Если в теле есть хоть капля крови, человек жив, поэтому и полное самопожертвование заключается в том, что человек отдает себя всего, без остатка, *до последней капли крови*: «Если играют в “ЧГК” [Что? Где? Когда?] – это должно быть достойно. Надо держать марку, класс, уровень. Либо играйте в интеллектуальные игры под другим названием. Мне подделки не нужны. Сейчас, после смерти Ворошилова, я буду за это биться до последней капли крови» (МК, 2001).

Как мы уже с Вами говорили, предметный код тесно связан с духовным кодом, в частности, через социальные отношения. Очень коротко покажу это на одном примере – на примере понятия *дом*. Сразу оговорюсь, что в данном случае я опираюсь на материалы словаря «Славянские древности» и исследования В. В. Колесова.

В родовом быту, как пишет Колесов, дом – это населяющие его люди. Позднее, в Древней Руси главным в образе *дома* было представление о хозяйстве, т. е. имуществе и богатстве, материальном обеспечении рода. В основе такого народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то *созданном, постоянном, общем* для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома. В более позднее время дом – это здание, в котором скрываются люди, имущество, сама жизнь. Ср.: у В. И. Даля дом – родной кров, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами. Таким образом, *дом* изначально так или иначе был связан с людьми, в нем обитающими.

Кроме того, понятие дома имеет принципиально важное значение и для оппозиции «свой – чужой». Дом – это место, где «свои». У современных русских сохранились не всегда осознаваемые и объяснимые рефлексивные древнейших представлений, связанных с домом. И сохранились они в некоторых стереотипах поведения: так, например, нельзя через порог здороваться или что-то передавать. Спросите у русского почему? Я не уверена, что все сразу и легко ответят на этот вопрос. Скорее всего ответ будет: «Не приятно». А почему не принято? А потому, что границы дома воспринимаются как граница между миром «своих» и миром «чужих». И не надо «нарушать» эту границу «всему», поскольку преодоление этой границы, по народным представлениям,

опасно для человека и требует особой регламентации и предупредительных мер. Кроме того, дверь и, прежде всего, порог – это объект и место магических действий, прежде всего – защитных. Отсюда и предметы-обереги, которые втыкаются или вешаются над дверью со стороны улицы (обломки серпов и кос, подковы и др.), и охранительные знаки, которые рисуются там же. Отсюда и неприятие некоторых действий, связанных с выходом за границы дома: *выносить сор из избы*, *уходить на ночь глядя* (в последнем случае, как показывают исследования И. В. Захаренко, работают еще и представления о ночи, также связанные с оппозицией «свой – чужой») и др. Но, как пишет Колесов, дом – это не всегда последняя черта, за которой начинаются «чужое»: родные в дому, близкие (дружина) во дворе. Двор – часть «большого дома» (хором). И если дверь – выход из дома во двор (относится к границе жилого пространства), то ворота – выход в мир (относится к границе между миром «своих» и миром «чужих»). Двор, имеющий ограду или хотя бы условное обозначение границы, защищает дом от вредоносных внешних сил. Но вместе с тем двор примыкает к внешнему, «чужому» миру, представляет собой пространство, в котором может стираться граница между «свои» и «чужим» мирами, а потому может быть опасным для живущих в доме, особенно в определенное время и в некоторые календарные периоды. Со временем представление о «своих» из дома («вышло») во двор, а затем – и за пределы двора. Важным для нас оказывается то, что «конкретность славянского мировосприятия не делала разницы между разными степенями отвлеченности в представлениях “дома” как совокупности зданий и как населяющих здания лиц» (В. В. Колесов).

Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне, пересекаясь с двумя указанными мирами. Этот код культуры связан в первую очередь с бытующими стереотипами.

Как биоморфный код культуры бытует в языковом сознании и проявляется в языке и дискурсе? Рассмотрим два конкретных зооморфных примеров⁴: *змея* и *лошадь*.

Змея. Это один из ключевых персонажей в системе представлений о животном мире, отражает основные характерные особенности гадов. Змея – неоднозначный персонаж: она сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала («Жена да муж – змея да уж», В. И. Даль); она ядовита и целеб-

---

⁴ Представленные в статье комментарии составлены на основе материалов словарей и энциклопедий, указанных в списке литературы.

на. Змея – и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помогать человеку. В Библии змея выступает как олицетворение сатаны (Быт. III, 1 и след., II Кор. XI, 3, Откр. XII, 9, 14, 15), отличается хитростью (Мф. X, 16), злобой (Мф. XXIII, 33), свирепостью (Пс. LVII, 5, Притч. XXIII, 32) и коварством (Быт. XLIX, 17). Но в то же время отправиться в пустыню Моисею помогает жезл, превратившийся в змею и обратно.

О каком стереотипе змеи у современных русских можно говорить? Змея холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает ее оцепенение. Бытует представление о ее необыкновенной живучести: убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (она периодически сбрасывает кожу). Бытующее о змее представление помещает яд в змеиный язык – *жало* (< жалить), который и считается смертельно опасным. Готовясь к нападению, змея издает звуки, похожие на шипение. Под влиянием христианства З. приписывается нечистая, дьявольская природа. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар (*пригрел змею на своей груди, змея подколотная*). Иногда змее приписывается мудрость («И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой.» А. С. Пушкин).

Современные русские могут обращаться к образу змеи при характеристике: 1) коварного человека, способного на предательство, холодного, расчетливого («Подозреваемую в убийстве... – повторила про себя женщина. – Уж не ту ли молодую красавицу, которую Маяковский этим утром привез к себе? Так, кроме нее, у него сегодня вроде никого и не было... Значит, эта *змеюка* и застрелила жильца. Хорошо еще, что сбежать не успела. Ну ничего, следователи ее выведут на чистую воду. От правосудия она не отвертится...», АиФ, 2001); 2) человека по его отношению к окружающему миру (*не язык, а змеиное жало*); 3) человека по его поведению в определенных ситуациях, соотносимому с поведением змеи (*ну, зашипела, [как] змея*); 4) предмета, чувства, эмоции, уподобляемых змее, или ситуации, которая вызывает ассоциации с одним из проявлений змеи («И в сердце ее *холодной скользкой змейкой* заползла тревога.» М. Юденич, Стремление убивать). В современном русском языке существует целый ряд выражений, связанных со змеей, например: *змея подколотная, зеленый змий, змей (змий)-искуситель, мудрый змий, пригреть змею на груди*.

Лошадь (конь). Это одно из самых мифологизированных животных. Подобно многим другим животным, конь амбивалентен: связан одновременно и с плодородием, и со смертью. Издревле использовался как основное транспортное животное, в силу чего воплощает связи с потусторонним миром, воспринимается как проводник на тот свет. В сказках

конь часто выступает не только как атрибут положительного героя, но и как его помощник (например, Сивка-Бурка). Может представлять как вещее животное (легенда о коне Ивана Грозного, павшем в Пскове, после чего царь отказался от расправы над псковичами). Он может нести смерть своему хозяину: змея, выползшая из черепа коня, убивает героя («Повесть временных лет»; «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина). Вместе с тем, конь и особенно всадник – герой или святой – выступают основными противниками змеи как воплощения зла (см. иконы «Чудо Георгия о змие»). Конь белый или огненный – атрибут Ильи-Пророка, разъезжающего по небу, соответственно, гром – топот копыт и ржание коней. Всадники Апокалипсиса появляются также на конях четырех мастей (Откр. VI, 2-8). Конь может осознаваться и как символ счастья (отсюда и конек на крыше деревянного дома; см. также песню А. Розенбаума о «сером в яблоках коне»). От прежних магических представлений, связанных с конем и лошадью, сохранилось устойчивое представление о подкове, приносящей счастье, удачу.

Стереотипный образ лошади и коня многогранен. С одной стороны, это – грациозное, сильное, свободное и быстрое животное, с длинной гривой и хвостом (отсюда и вид прически – *конский хвост*). Конь (лошадь) и особенно жеребенок радуется свободе и просторам. С другой стороны, лошадь воспринимается как рабочая сила (аналогично волу). Лошадь (конь) издает особые звуки – ржание (*ржать как лошадь*). У этого животного крупные зубы (отсюда *лошадиная улыбка, лошадиная физиономия*).

Современные русские могут обращаться к образу этого животного при характеристике: 1) девушки или молодой женщины, крупного телосложения, крепкой и сильной физически (*лошадь, кобыла*); 2) человека, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади (*лошадиная физиономия*); 3) человека, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращения к образу *жеребенка*) («Резкая, размашистая Таня двигалась шумно, с невоспитанной свободой *жеребенка*. Садясь за парту, она сдвигала ее так, что Яся слегка подпрыгивала своей легкой головкой.» Л. Улицкая, Сонечка). В современном русском языке существует целый ряд слов и выражений, связанных с образом лошади, коня, например: *быть на коне, въезжать / въехать на белом коне, жеребец, ломовая лошадь, лошадиная доза, лошадиная сила, работать (пахать) как лошадь, рабочая лошадка, (старая) кляча, темная лошадка*.

В целом можно утверждать, что зооморфный мир дал нам определенную, очень богатую систему эталонов: *осел* – упрямый, *баран* – упрямый и глупый, *курица* – глупая, *овца* – покорная и глупая, *лиса* – хитрая, *змея* – коварная, *бык* – здоровый и сильный, *медведь* – неуклюжий и сильный, *волк* – хищный, голодный, одиночка, *крыса* – отвратитель-

ная, опасная, *паук* – противный, коварный кровосос, *муха* – надоедливая, *рыба* – молчаливая, холодная и т. д. и т. п.

Подобным образом «ведут себя» и представители растительного мира. Посмотрите, какое место в русской (и шире – в славянской) культуре занимает, например, *дуб*. В традиционной культуре славян дуб – самое почитаемое дерево, занимающее первое (во всех смыслах) место в славянском дендрарии (*Царь Дуб*), одно из самых значимых в культуре (не случайно, кстати, у А. С. Пушкина, воспитанного Ариной Родионовной на русских сказках, «у Лукоморья» именно «дуб зеленый», а не какое-то другое дерево). Дуб с древнейших времен воспринимался как культовое дерево, служил местом совершения языческих и христианских обрядов. Существовал строгий запрет рубить священные дубы, нарушение этого запрета грозило серьезными неприятностями и несчастьями не только самому «злоумышленнику», но и вообще всем живущим поблизости. Дубы считались местом обитания мифологических персонажей (ведьм, русалок – вспомним Пушкина: «*русалка* на ветвях сидит» на дубе у Лукоморья), пограничем между миром «своих», миром живых и миром «чужим», миром потусторонним. Но в первую очередь дуб связан с богом-громовежцем (Перуном). В фольклоре дуб выступает в образе трехчастного мирового дерева, моделирующего вселенную с ее тремя мирами. Дуб, стоящий, например, на острове, на горе, посреди океана, обозначает центр мира, сам мир и идеальный иномир. Рядом с дубом или на нем находятся царь, царица, Бог, Богородица и святые, а в его корнях или на листьях лежит змея. Сам дуб соотносится с верхним миром, ему приписываются положительные значения. Как мировое дерево дуб связан с рождением и смертью (см. *дать дуба*, *гроб дубовый*). Отсюда и широкое использование дуба в похоронных обрядах, и ряд запретов (например, запрет сажать дубы, что связано с представлением о том, что дуб, сравнявшись по высоте с человеком, забирает его силы и в конце концов приводит его к смерти). Дуб связан с мужской символикой, выступая символом мужского начала (в то время как береза – женского). Помимо этого дуб символизирует силу и крепость (в свое время считался едва ли не самым крепким деревом). Правда, твердость и негибкость этого дерева сыграли с ним злую шутку: сегодня «дубом» русские называют непроходимо глупого человека.

Важную роль в русской картине мира играют и другие деревья: береза, ива, верба. Из этого «древесного мира» мы тоже получили некоторые эталоны (например, *крепкий как дуб*, *молодой дубок*, *стройная как березка*). Не меньшее значение имеют и травы и цветы: и обжигающая *крапива*, и *роза*, нежная и колючая красавица, и *ромашка* (наивная «девочка-ромашка»), и *василек* (васильковый цвет), и мак (маков цвет), и другие.

Бестиарии принадлежат «вторичной реальности» русского фольклора и входят в действительность, являясь неотъемлемыми элементами культурного пространства. Подобно представителям мира флоры и фауны, бестиарии не только бытуют в культуре как персонажи и/или элементы фольклора, но и обладают стереотипами, что делает возможным апеллирование к их образам в дискурсе. Приведу только один пример.

Домовой – один из древнейших мифологических персонажей. Это домашний дух, хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие. Исторически он связан с домашним скотом (лошадьми, коровами и т. д.), он может «обеспечивать» его благополучие, здоровье и плодовитость, а может и мучить животных, если они ему чем-то не нравятся. У домового, который, как правило, является мужским образом, могут быть и парные женские образы: или жена и дочь, или самостоятельная хозяйка дома.

Домовой – старик, небольшого роста, с бородой. Существует поверье, что в богатом доме домовый лохматый, а в бедном – лысый. У домового ладони и подошвы покрыты шерстью. Бытует представление, что домовый есть в каждом доме, причем даже в современном доме, в городской квартире.

Обычно домовый невидим. Он показывается как предвестник будущего: может предупреждать об опасности, отводить беду от дома. Как правило, появляется во сне или при гаданиях. Если предвещает добро, он смеется, гладит лохматой или теплой рукой, если же он предупреждает о чем-то плохом, то воет, стучит, хлопает дверями, гладит холодной или голой рукой.

Домовой изначально не враждебен человеку и не представляет опасности для живущих в доме. Если он любит семью, с которой он живет в одном доме, он помогает по хозяйству, заботится о животных, предупреждает об опасностях и охраняет дом. Но если его рассердить, то он может и вредить (например, бить посуду, прятать вещи, шуметь и т. д.). Чтобы не ссориться с домовым, нужно соблюдать определенные запреты и предписания (например, членам семьи нельзя ругаться и ссориться, нельзя занимать его любимое место и т. д.). Хорошо делать ему подарки и подношения (например, молоко, конфеты).

С домовым связаны некоторые ритуалы и стереотипы поведения. Например, если в доме потерялась какая-то вещь, нужно сказать: «Сам, сам, поиграй да отдай». Считается, что после этого потерянная вещь находится сама собой. До сих пор, переезжая в новый дом или новую квартиру, русские первой в новое жилище запускают кошку. По поверьям, именно кошка связана с домовым: она легко находит с ним общий язык, и именно на кошке он въезжает в новое жилище. Кстати, домовый не может покинуть свой старый дом без приглашения, поэтому, когда семья меняет место жительства, она должна позвать с собой и своего до-

мового, иначе он, оставленный в старом доме, будет плакать и мстить новому хозяину дома, а семью, которая не позвала домового, ждут всякие несчастья. Есть и еще одна традиция: когда начинают строить новый дом, то в основание дома, в его фундамент кладут монетку как своеобразный подарок домовому, который в этом доме будет жить.

Современные русские вспоминают домового, если в доме неожиданно «пропадают» какие-то мелкие предметы или раздаются странные звуки. Например, при рассказе о загадочно исчезнувших вещах русский может сказать: «*Домовой шалит*».

И наконец, последний из предложенного списка код культуры, на который фактически «работают» все коды, рассмотренные только что, – **духовный код культуры**. Его составляют нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие, как, например: «добро – зло», «хорошо – плохо», «плюс – минус», «верх – низ». Этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру. Этот код заслуживает отдельного большого разговора, поэтому в данной статье я позволю себе не останавливаться на нем сколь-нибудь подробно, отложив на будущее его рассмотрение.

Итак, коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Надеюсь, что приведенные (хотя и не слишком многочисленные) примеры смогли это некоторым образом проиллюстрировать. Все представленные коды культуры задают и предопределяют метрически-эталонную сферу, участвующую в структуризации и оценке материального мира.

И последнее. Данная статья никоим образом не претендует на то, чтобы раз и навсегда ответить на все вопросы, связанные с рассмотренными проблемами. Напротив, я приглашаю к разговору всех коллег, кого интересует серьезное научное обсуждение лингвокультурологической темы.

Л и т е р а т у р а

1. *Библейская энциклопедия*. М., 1891 (репринт – 1990).
2. *Бидерман Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.
3. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
4. *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2000.
5. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000.
6. *Полный православный энциклопедический словарь*. В 2-х тт. М., 1891 (репринт – 1990).
7. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. М., 1969.
8. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. / Под ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1, 2. М., 1995, 1999.
9. *Топоров В. Н.* Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.

**Суггестивный дискурс: к гипотетической
реконструкции оптимальной аудитории
(опыт поискового семиосоциопсихологического исследования
на материале историографических текстов)**

© кандидат филологических наук Е. В. Лютикова, 2001

Часть I

Данная статья представляет собой очерк результатов анализа, целью которого было реконструировать возможное непротиворечивое восприятие потенциально суггестивных элементов текста (на материале российских и американских историографических текстов), тем самым реконструируя некоторые характерные черты гипотетического “портрета” аудиторий, оптимальных для рассматриваемых текстов.

Суггестивный текст¹ в предлагаемой статье рассматривается как нехудожественный текст, управляющий читательским восприятием, актуализируя в сознании читателя своего рода аксиомы познания (в том числе и социального), то есть те элементы, которые воспринимаются как “само собой разумеющиеся” и, раз устоявшись, весьма редко поверяются логикой и опытом. Такие аксиомы, будучи однажды усвоенными или сформировавшимися в сознании индивида или группы, затем в течение долгого времени могут служить базой для интерпретации определенных аспектов поступающей к ним – индивиду или группе – информации и переживаемого ими – индивидом или группой – опыта.

Таким образом, суггестивность какого-либо текста осуществляется только в восприятии соответствующей аудитории, когда текст актуализирует в сознании данной аудитории описанные выше аксиомы. До момента этой актуализации, на мой взгляд, можно говорить лишь о *потенциальной суггестивности* рассматриваемого текста. **Аудитория** же, которая способна непротиворечиво реагировать на коммуникативные программы², задаваемые потенциально суггестивными элементами какого-либо текста, может быть условно названа **оптимальной** для

---

¹ В основе методов, использованных при выполнении этой работы, лежит *семиосоциопсихологическая теория* Т. М. Дридзе, где *текст* определяется как “системно организованная” “единица коммуникации”, которая “представляет собой иерархию коммуникативно-познавательных программ, цементируемую общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) партнеров по общению, а текстовая деятельность оказывается одним из ключевых механизмов социокультурной регуляции...” [1; Кн. 2, 128; Кн.1, 21].

² Термин Т. М. Дридзе.

данного текста. Тогда “действующая”, актуализируемая в восприятии аудитории суггестивность может трактоваться как способ бытования текста в данном сообществе, как *социальное функционирование текста*. (Разумеется, тот или иной конкретный текст может включать в себя не только суггестивные элементы; в таком случае суггестивность следует рассматривать лишь как один из способов социального функционирования данного текста.)

При работе с текстами в качестве отправной точки используется принятый в семиосоциопсихологии метод интенционального анализа³, поскольку семиосоциопсихологические методы, на мой взгляд, по ряду причин весьма эффективны при решении подобных исследовательских задач. Прежде всего, современные прикладные стратегии текстологических исследований учитывают в основном тексты явно манипулятивного и пропагандистского типа и к исследованиям “промежуточных состояний” вроде суггестивного текста применимы лишь отчасти. Кроме того, в семиосоциопсихологии создание и восприятие текста трактуются как единый неразрывный процесс, что позволяет исследователю практически одинаково свободно перемещаться в любом направлении в пределах этого континуума. Фокус анализа, в зависимости от логики исследования, может быть направлен как собственно на текст, так и на особенности в работе сознания у создающих либо воспринимающих этот текст условных семиосоциопсихологических групп⁴ (далее – С-групп).

При анализе текстов, содержащих потенциально суггестивные элементы, подобная стратегия, в сочетании с дискурсивно-психологическим анализом позволяет определить степень значимости суггестии в построении и функционировании анализируемого текста. То есть, с одной стороны, это дает возможность оценить, какие аспекты работы сознания С-группы, включающей автора текста (авторской С-группы), обусловлены аксиомами познания; с другой стороны, это позволяет оценить степень потенциального участия суггестии в совокупном воздействии составляющих текста на восприятие С-группы реципиента, а также реконструировать условия непротиворечивого / оптимального воздействия суггестии на сознание С-группы реципиента.

Двухаспектный анализ текста – интенциональный и дискурсивно-психологический – позволил выделить те фрагменты, непротиворечивое восприятие которых может быть “маркировано”, то есть предполагает

---

³ Метод предложен Т. М. Дридзе и входит в прикладную часть разработанной ею концепции семиосоциопсихологии (см., напр., [2]).

⁴ Условные социоментальные, или шире – семиосоциопсихологические группы (далее в тексте: С-группы), – в концепции Т. М. Дридзе – “группы людей, сходным образом интерпретирующие текстуально организованную информацию...” [1; 29].

принадлежность реципиента к определенному типу сознания. Выделяемые в ходе анализа характерные условия восприятия позволяют в первом приближении реконструировать наиболее характерные черты “портрета” гипотетически оптимальной для данного текста аудитории.

Избранные для анализа тексты относятся к началу 1970-х гг.: в это время волевым решением “сверху”⁵ прекращается “последняя” (по определению В. В. Поликарпова⁶) дискуссия в советской историографии – об изучении и трактовке экономических и политических предпосылок революции октября 1917 г.; в это же время перед отечественными историографами ставится задача “наполнить конкретным содержанием” заданную партийными документами концепцию развития социализма – т. е. “облечь в плоть и кровь очередной идеологический миф”⁷; с другой стороны, это время между двумя этапными форумами историографов – XIII и XIV международными конгрессами исторических наук, первый из которых состоялся в Москве в 1970 г., а второй – в Сан-Франциско в 1975 г. В статье “Истоки несостоявшегося диалога” исследователь этого периода развития отечественной историографии М. П. Мохначева комментирует активное участие советских историков в различных симпозиумах и конференциях 1970-гг., в частности, как “показатель растущего стремления историков к преодолению идеологизации научных исследований” [10, 103]. Тем интереснее может стать, на мой взгляд, внимательное чтение и сравнительный анализ историографических работ того времени, отражающих действие противоположных, по определению, методов исторического исследования; тема же избранных работ – национальная история и национальные отношения в исторической перспективе – представляется вполне актуальной и для сегодняшнего дня⁸.

В интересах анализа текста применяется “взгляд стороннего наблюдателя”, отделенного от момента создания этих текстов значительным отрезком исторически насыщенного времени, но не утратившего память о характере тех устойчивых толкований, которые в анализируемых текстах использовались для знаков, номинировавших существенные для указанных текстов социальные представления и зарегистрированных в словарях. Только такая точка обзора позволяет различить в тексте суггестивные конструкции. Непосредственный адресат текста (в данном случае – оптимальная аудитория) не может различать эти конст-

⁵ Постановление Отдела науки ЦК КПСС, март 1973 [10, 376].

⁶ См. В. В. Поликарпов. “Новое направление” 50 – 70 гг.: последняя дискуссия советских историков. [10, 349].

⁷ См. Н. В. Иллерицкая. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица. [10, 185].

⁸ Предлагаемая вниманию читателя статья хронологически и методологически продолжает тему другой работы: Лютикова Е. В. Суггестивный дискурс как фактор псевдокоммуникации и информационного воздействия (опыт поискового семиосоциопсихологического исследования на материале историографических текстов). [11]

рукции, поскольку в этой неразличимости их смысл, иначе они перестанут действовать как суггестивные.

Для анализа русскоязычных историографических текстов взяты тексты полемические. Полемика – это “речь-поединок” [8, 69-70], можно сказать, кульминационный момент в репрезентации авторского мнения. Непротиворечивое восприятие такой репрезентации нередко требует от реципиента определенных качеств сознания. Выявление критических моментов в полемической репрезентации авторского мнения и реконструкция условий их непротиворечивого восприятия реципиентом позволяют дать очерк наиболее характерных признаков оптимальной для данного текста аудитории.

Оба русскоязычных текста, анализ которых приводится в предлагаемой статье, взяты из сборника 1972 г., изданного научными советами по проблемам зарубежных идеологических течений при АН СССР и АН Молдавской ССР по итогам научной сессии того же года, посвященной методологическим вопросам в изучении истории национально-государственного строительства в СССР. Заглавие первой статьи – “Об основных аспектах и некоторых приемах фальсификации современной истории Молдавии в буржуазной историографии” [12,154; текст: с.154-165] – вполне соответствует выделенной непосредственно из текста по методу интенционального анализа цели сообщения. Сама же цель сообщения располагается в конце статьи и фактически призвана являть собой подкрепленный всем предшествующим рассуждением конечный вывод (предикации I порядка): (а) “Для успешной борьбы с фальсификаторами истории народов СССР необходимо знать не только концепции наших идейных противников, их злобные намерения и грязную клевету на наш строй, но и приемы, технику их фальсификаторской деятельности. Это помогает нам в разоблачении их тщетных ухищрений, когда они пытаются использовать исторические знания в угоду своим хозяевам, в интересах эксплуататорского общества” [12,165]; (б) “И наш священный долг – постоянно разоблачать эту ложь и клевету” [12,165].

Отправной точкой в рассуждении служит основной констатирующий тезис, помещенный в начало статьи (предикация II порядка, уровень 1): “Одним из участков идеологической борьбы буржуазии против коммунизма является история народов СССР” [12,154]. На той же странице дана расшифровка этой исходной посылки (разъяснение основного тезиса; предикации II порядка, уровень 2): (а) “Фальсифицируя историю, буржуазные идеологи пытаются ослабить притягательную силу идей и практики социалистического строительства в Советском Союзе, исказить национальную политику нашего государства, противопоставить один народ другому, подорвать дружбу советских народов – источник могущества нашей страны” [12,154]; (б) “Не имея возможности подробно остановиться на всех проблемах истории Молдавии послеоктябрьского периода, которые нашли отражение в буржуазной историографии, рассмотрим лишь основные аспекты, подвергающиеся наибольшей фальсификации” [12,154].

Таким образом, уже по этой рамке, охватывающей все изложение, можно видеть, что в тексте задана очень четкая структура: изложение неукоснительно следует заданному плану логической связи предикаций, соответствующих уровню описания ситуации. Предикации этого уровня выстраиваются, отправляясь от основного тезиса и разъяснений к нему. Каждая из них, в свою очередь, сопровождается 1) предикациями, где приводятся факты, иллюстрирующие описание ситуации, и дана репрезентация точки зрения оппонентов автора; 2) предикациями уровня аналитической оценки ситуации, которые (так же, как и иллюстрации к этому уровню) репрезентируют точку зрения автора. Конечно, последние находятся в полемических отношениях к предикациям, иллюстрирующим описание ситуации (т. е. к точке зрения оппонентов). С предикаций, иллюстрирующих авторскую позицию, мы и начнем анализ, причем здесь и далее будут рассматриваться только предикации, маркированные суггестивными структурными элементами и требующие от оптимальной для данного текста аудитории характерных свойств восприятия.

1. Итак, иллюстрации к аналитической оценке, по замыслу автора, очевидно, должны содержать факты, опровергающие точку зрения оппонентов. Между тем, в иллюстрациях к аналитической оценке такого элемента ситуативно-событийного плана, как освещение в зарубежной историографии “основных вопросов революционной борьбы трудящихся Молдавии и становления Советской власти в крае” [12,154] отсутствуют ссылки на фактографические источники (предикация III порядка, уровень 1.4): “Трудящиеся Молдовы плечом к плечу со всеми народами нашей многонациональной страны активно участвовали в революционном движении против своих угнетателей и эксплуататоров, в том числе в революции 1905 года и в период Великой Октябрьской социалистической революции” [12,155]. Иллюстрация остается не подкрепленным фактами заявлением.
2. Далее, полемизируя с репрезентацией в зарубежных работах истории национально-государственного строительства в Молдавии, автор упоминает о “так называемых массовых выселениях молдаван из республики” (предикация III порядка, уровень 1.3) [12,155]. Утверждается, что эти данные противоречат данным о росте численности молдавской части населения (предикации II и III порядка, уровни соответственно 3.2 и 1.4): “Жизнь посмеялась над квазиучеными прогнозами господина Наку⁹ и ему подобных, показав их полнейшую несостоятельность. По данным переписей населения 1959 г. и 1970 г., количество лиц молдавской национальности, как и всего населения республики, не только не

---

⁹ Зарубежный историограф, очевидно, румынского происхождения, прогнозировавший в одной из своих работ значительное снижение численности молдавской части населения республики вследствие массовых выселений молдаван.

уменьшилось, а, наоборот, возросло” [12,155]. Упомянуты авторы работ, где приводятся такие данные, имеется сноска. Сноска [№ 4, с.155], однако, содержит не перечень работ упомянутых авторов, а указание на некие другие статьи, появившиеся в разное время в газетах "The Guardian", "Journal de Geneva" и "Figaro". Во всех случаях указан месяц и год выпуска соответствующего номера, однако не указаны ни сами номера (что существенно, поскольку все издания в списке – газеты), ни названия статей либо имена их авторов. Что же касается тех авторов зарубежных работ, имена которых упомянуты в самом тексте, а не в сноске, то остается только предполагать, что имеются в виду именно те их работы, которые уже указаны в предыдущих сносках на той же (с.155) и предшествующей страницах. В таком случае, как следует из предыдущих сносок, речь идет о работах 1958 года. Год указанных фактов депортации не приводится, однако представляется, что эти данные вовсе не обязательно будут противоречить факту увеличения численности населения в 1959 и тем более в 1970 году, который упомянут в предикации, иллюстрирующей аналитическую оценку [12,155]. Кстати, ссылка на документы, отражающие статистику переписи 1959 и 1970 гг., отсутствует, как и указания на факторы, за счет которых происходил наблюдавшийся прирост населения.

3. Далее автор рассматривает вопрос о закономерности определения “молдавская нация” и полемизирует с тезисом зарубежных авторов о том, “будто молдаванам были чужды идеи национально-государственного определения” (предикация II порядка, уровень 3.1) [12,155]. Несколько выше, где речь шла об истории “становления Советской власти в крае” (предикация III порядка, уровень 1.3) [12,154], указывалось однако, что “основной упор современные буржуазные авторы делают на то, будто трудящиеся Молдавии в 1917 году боролись не за социальные, а только за национальные права” [с.154]. Возможно, что в первом и втором случаях речь идет о работах разных зарубежных историографов; возможно, что в зарубежной историографии Молдавии, по крайней мере, на тот момент, существовали различные точки зрения на вопрос о факте и времени самоопределения молдавской нации. Тем не менее, на уровне текста это противоречие никак не объяснено и, таким образом, не снято. Можно также предположить, что здесь произошло наложение двух разных референций, и в результате возникла путаница в определениях. Если это предположение верно, тогда причина наложения, вероятно, в том, что понятие “нация”, “национальный” не является реально значимым для авторской С-группы. В этом случае то же можно сказать и об оптимальной аудитории, так как по определению необходимо, чтобы такая аудитория не различала указанного противоречия.

4. В продолжение иллюстраций авторской точки зрения сказано, что “советские историки на основе фундаментальных данных достаточно убедительно показали, что создание МА ССР¹⁰ было естественным процессом, что в этом историческом акте активно участвовали самые широкие массы трудящихся Молдавии” (предикация III порядка, уровень 1.4) [12,156]. Далее процитирована декларация об образовании МА ССР, принятая 12 октября 1924 г., которая ссылается на “твердо выраженную волю рабочих и крестьян Советской Молдавии” (предикация IV порядка, уровень 2.4) [12,156]. Между тем, в тексте статьи отсутствует указание на правовую процедуру, при помощи которой столь значительное количество людей смогло так определенно высказать свою волю. Хотя представляется, что такого рода указание, вероятно, должно присутствовать в тексте самой Декларации (правда, ссылка на сборник документов, содержащий текст Декларации, имеется). Данная ситуация может косвенно указывать на то, что вопросы правовых отношений и легитимности власти не относятся к обиходно значимым социальным представлениям, вероятно, как в сознании авторской С-группы, так и оптимальной аудитории.
5. Переходя далее к трактовке коллективизации сельского хозяйства Молдавии в зарубежной историографии, автор передает (и решительно отвергает) мнение одного из историографов, согласно которому “переход единоличного крестьянина на колхозный путь развития означает не смену форм крестьянского землепользования, то есть переход от индивидуальной формы к коллективной [авторская точка зрения. – *Е.Л.*], а лишение крестьян земли [точка зрения оппонента. – *Е.Л.*]” (предикация III порядка, уровень 1.3 – иллюстрация к ситуативно-событийному плану) [12,159]. Представляется, что подлинным основанием полемики и со стороны авторской С-группы, и со стороны оппонента (и его С-группы соответственно), являются не экономические категории (ибо в таком случае это спор о терминах), а аксиомы социального познания, свойственные той и другой С-группе. Аксиома С-группы оппонента, очевидно, заключается в том, что сознание крестьян не претерпело существенных изменений за годы становления новой власти и в процессе коллективизации. Следовательно, их отношение к указанным событиям в экономическом смысле могло принять только форму, соответствующую положению лишенных земли. Аксиома авторской С-группы состоит в том, что сознание крестьян изменилось и они воспринимают совершившиеся события действительно как переход от одной формы земельных отношений к другой, продолжая ощущать себя полноправными пользователями, не отчужденными от земли. Интересно, что при этом употребляется слово “землепользование”, а не “землевладение”. Трудно сказать, в ка-

---

¹⁰ Молдавской Автономной ССР.

кой мере уровень правового сознания авторской С-группы позволяет ей смешивать эти два понятия, но очевидно, что именно это смешение должен позволять уровень правового сознания оптимальной аудитории.

6. Polemica с мнением немецкого филолога К. Хайтмана (исследовавшего текст романа одного молдавского писателя и выразившего свое отношение к предвоенным (1940 г.) событиям молдавской истории) включает, в частности, следующую предикацию (III порядка, уровень 1.3 – иллюстрация к ситуативно-событийному плану): "... Автор достаточно преуспел в фальсификации не только проблем филологии, но истории молдавского народа" [12,165]. Однако весь предшествующий авторский анализ мнения немецкого автора не затрагивает вопросов филологии, а посвящен исключительно полемике с его "фальсификацией истории молдавского народа". Остается совершенно неясным, о какой "фальсификации проблем филологии" идет речь и что в принципе представляет собой подобная фальсификация. Кроме того, немецкий автор в процитированном в статье высказывании, на мой взгляд, не отрицает важные для авторской С-группы факты истории Молдавии – бедность бессарабских крестьян и освобождение Бессарабии в 1940 г., но указывает на роль пропагандистских элементов, с его точки зрения, присутствовавших в исследованном им тексте романа молдавского писателя и во многом определивших романную интерпретацию упомянутых событий. Однако представляется, что именно сомнение в интерпретации, оспаривание предлагаемого смысла факта (а не подмена факта) и есть фальсификация с точки зрения авторской С-группы и, очевидно, с точки зрения оптимальной аудитории.

По итогам анализа этого текста можно обозначить следующие характерные признаки его оптимальной аудитории. Так, например, отсутствие ссылок на фактографические и документальные источники, отмеченное в пп.1-2, косвенно указывает на то, что оптимальная аудитория должна воспринимать утверждения автора как нечто само собой разумеющееся, не требующее документальных и фактических подтверждений. То есть в сознании оптимальной аудитории эти авторские утверждения должны обретать силу аксиом, что дает некоторое представление об, очевидно, весьма влиятельном положении автора текста и его С-группы по отношению к оптимальной аудитории. По итогам анализа пп. 3-5 можно отметить некоторые почти безусловные социальные представления оптимальной аудитории в области права и государственного устройства. Так, понятия "нация" и "национальный", видимо, не являются принципиально значимыми для авторской и оптимальной С-групп (п.3). Невнимание к процедуре, закрепляющей легитимность власти может указывать на тот факт, что существующая на момент создания

анализируемого текста (и распространяющаяся на оптимальную аудиторию) власть воспринимается этой аудиторией как безусловно легитимная, т. е. ее легитимность, по сути, есть аксиома в сознании оптимальных реципиентов данного текста (п.4). Текст также, видимо, предполагает неразвитость правового сознания оптимальной аудитории там, где речь заходит о земельных отношениях. Очевидно, что оптимальная аудитория не должна четко различать понятия “землепользования” и “землевладения” (п.5). В п.6 можно найти косвенное указание на то, что принятая сознанием оптимальной аудитории интерпретация факта значимее самого факта, значимее собственно объемного действительного события. Таким образом, событию отказано в объеме, многоаспектности и многозначности, а возможным оппонентам отказано в праве представить другую интерпретацию рассматриваемого события. Последний вывод также подкрепляется анализом соответствующего фрагмента текста в п.6, из которого ясно, что точка зрения оппонента реально не дискутируется и не оспаривается, а просто помечается отрицательной коннотацией – словом “фальсификация”.

Во втором русскоязычном тексте цель сообщения прямо не заявлена, однако, по общим итогам интенционального анализа, на эту роль вполне может претендовать само заглавие: “Критика буржуазных фальсификаций истории советской Белоруссии” [12,117; текст: с.117-127]. Интенциональный анализ показал также, что основной констатирующий тезис состоит из следующих предикаций (II порядка, уровень 1): (а) “Непрерывно пополняются запасы антикоммунистической и антисоветской литературы, поступающей на вооружение империалистической пропаганды” [12,117]; (б) “Авторы таких работ обращаются к проблемам Советской Белоруссии, разумеется, не из добрых намерений и побуждений, не с целью объективного освещения героической истории белорусского народа, не для того, чтобы правдиво рассказать о процветании Белоруссии в братской семье народов СССР, а исходя из стремления осветить эти проблемы с антисоветских, антикоммунистических позиций” [12,117]. Этот тезис распространяется далее следующими утверждениями (разъяснение основного тезиса; предикации II порядка, уровень 2): (а) “Фальсифицируя подлинные исторические факты и искажая советскую действительность, современные реакционные “советологи”... отрицают активное участие широких трудящихся масс Белоруссии и их инициативу в борьбе с эксплуататорами за победу социалистической революции, за установление и упрочение Советской власти, за создание своей национальной социалистической государственности” [12,117]; (б) “Идеологические оруженосцы империализма проявляют большую активность в фальсификации всенародной борьбы советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов” [12,122]; (в) “... Современные реакционные историки пытаются скрыть от зарубежного читателя беспримерный героизм и мужество советских воинов в тяжелых оборонительных боях 1941 года” [12,123]. Далее анализ сосредоточен только на суггестивно маркированных предикациях, для восприятия

которых от аудитории, оптимальной для данного текста, требуются характерные свойства сознания.

1. Вначале рассмотрим подробнее одну из процитированных выше предикаций, относящихся к основному тезису (часть (б)) [12,117]. Здесь увязаны вместе оценочный эпитет “добрый” и категория из области эпистемологических концепций – “объективный”. То есть эпистемологические категории занимают свое место относительно системы коннотаций данного текста, и коннотации для них выбираются из сферы этического. Репрезентируемая таким образом авторская позиция напоминает систему религиозных взглядов, в которой способ познания может исходить от благого начала, а может и “от лукавого”.
2. Теперь обратимся к фрагменту одной из предикаций, составляющих разъяснение основного тезиса (предикация II порядка, уровень 2; часть (а)): “фальсифицируя подлинные исторические факты и искажая советскую действительность” [12,117]. “Советская действительность” – для неосведомленного читателя (“стороннего наблюдателя”) наводящий на размышления своей широтой термин, который в принципе можно понять и как “экзистенциальный”, вплоть до: “бытие совершенно особой природы”. В этом случае, будучи заведомо “иноприродными” этому бытию, американские и английские профессора, в самом деле, могут только “искажать” и “фальсифицировать факты”. Но тогда понять “советологов” равным образом невозможно для соприродных “советской действительности” историографов. Получается, что полемика заранее обречена как лишенная смысла. Тем не менее, с этой фразы в тексте фактически только начинается речь о предмете спора. Представляется, что на достаточно глубоком уровне оптимально воспринимающего данный текст сознания употребление сигнификата “советская действительность” может резонировать с ощущением, в конечном счете, непоколебимости баланса в системе коннотаций и соответствующей ей системе ценностей (любой полемический выпад иноприродных этим системам оппонентов будет непременно отражен) и с ощущением фундаментальной обоснованности их структуры и включенных в нее смыслов.
3. Предикации, иллюстрирующие описание ситуации (III порядка, уровень 1.3), начинаются с оценок (элемент предикаций II порядка, уровня 3.2): “Извращая историю белорусского народа, используя чистейшие вымыслы, они [зарубежные историографы. – *Е.Л.*] пытаются доказать, что население Белоруссии было настроено против строительства национальной жизни на советской основе...” [12,118]. Аналитическая оценка предшествует упоминанию самого факта, причем оценка состоит практически только из отрицания смысла высказывания оппонента и сниженной коннотации. Этому может быть несколько причин: во-

первых, смысл возражений оппонента еще до предъявления позиционируется в системе коннотаций, применяемой в данном тексте, и, таким образом, судьба возражения оказывается предрешена, так как в подтексте возникает референция с неизменной смысловой устойчивостью к любым сомнениям и критике, которую авторская С-группа, видимо, приписывает репрезентируемой данной системой коннотаций системе ценностей; во-вторых, для тех читателей из оптимальной аудитории, кто, возможно, нетверд в истории Белоруссии (такой, какой она представляется автору и его С-группе) или затрудняется с оценкой значимых событий, позиция предшествования оценки по отношению к факту задает ориентиры – через систему коннотаций – в нужной системе ценностей. То есть одна из функций такого позиционирования оценки может рассматриваться как дидактическая, обучающая.

4. Продолжая рассматривать предикации, иллюстрирующие описание ситуации, обратимся к следующему фрагменту текста (предикации III порядка, уровень 1.3): “Не брезгуя никакими средствами, стремясь оклеветать великое содружество социалистических наций и народностей нашей страны, буржуазные идеологи упорно навязывают своим читателям мысль, что СССР якобы не является свободным союзом добровольно объединившихся наций, что образование СССР явилось ничем иным как тактическим маневром “русского центра”, рассчитанным на “захват национальных республик”. Они настойчиво твердят о каком-то “советском колониализме”, о “доктрине русского руководства”, о том, что БССР в составе СССР потеряло независимость”, “не пользуется равными правами с РСФСР” и т. д.” [12, 118]. В этом фрагменте оценка (элементы предикаций II порядка, уровень 3.2) также предваряет факты, иллюстрирующие ситуацию, причем все три речевых элемента оценки фактически имеют один общий предмет референции – отрицание высказывания оппонента. “Тройная” структура оценки создает ритм вызова и закрепления (в сознании аудитории) соответствующей коннотации. Далее следуют, видимо, цитаты из работ оппонентов, приводимые, правда, без ссылок на источники. Цитаты фактически идут списком, во втором высказывании становясь в ряд однородных членов. Между тем предметы референции их явно различаются, так что здесь могла бы следовать и была бы интересна их расшифровка (развертывание смысла, вложенного в эти определения самим оппонентом) и авторская раздельная их оценка. Расположение их списком становится возможным, поскольку все они помечены общей коннотацией, то есть фактически задают итеративную конструкцию. Эта итерация, с одной стороны, закрепляет вызов определенного представления – смысла, особым образом расположенного (и маркированного) в системе коннотаций и порождающей ее системе ценностей; с другой стороны, не только нюансы референции в цитированных определе-

ниях оппонента снимаются за счет объединения их под общей коннотацией, но, в конечном счете, данная итеративная конструкция под общим коннотативным маркером обесценивает притязания высказываний оппонентов на полемическую ценность (в глазах оптимальной аудитории) и фактически снимает их референтный смысл. Вся эта конструкция вызывает и укрепляет в восприятии оптимальной аудитории ощущение общей бессмысленности цитируемых определений.

5. Обратим внимание на предикации, репрезентирующие авторскую аналитическую оценку (II порядка, уровень 3.2): “Буржуазные идеологи, оперируя этими грубыми клеветническими обвинениями, ставят своей целью дискредитировать советскую национальную политику, историю отношений между нациями в нашей стране, хотят отвлечь внимание народов от расовых и национальных конфликтов, достигших угрожающих размеров в капиталистических странах. Подобные вымыслы преследуют цель замаскировать агрессивную сущность политики империалистических государств” [12,118]. В функции этих предикаций просматривается, в том числе, перевод критики (и ответственности) на оппонента. При этом подразумевается, что именно оппонент осуществляет “перевод ответственности” (по сути, делает то же самое). Однако его действия в системе коннотаций помечаются знаком “минус” и должны восприниматься оптимальной аудиторией как “отвлекающие внимание”, “маскирующие” истину, тогда как такие же действия представителей авторской С-группы должны восприниматься как “разоблачающие маскировку” и “открывающие” истину. Защита строится на распределении коннотативных маркеров, логико-выводные отношения практически не используются, рассуждений фактически нет – так приходится строить защиту аксиом, поскольку их невозможно защитить логическими средствами.
6. Продолжая анализ предикаций, репрезентирующих аналитическую оценку к уровню описания ситуации, обратимся к оценке следующего элемента ситуативно-событийного плана (предикация II порядка, уровень описания ситуации – 3.1): “Стараясь вбить клин в братские отношения между белорусским и русским народами, посеять недоверие и вражду между ними, буржуазные фальсификаторы с большим рвением распространяют лживую версию о том, что якобы над белорусским народом совершается своеобразное “духовное насилие”” [12,118-119]. Аналитическая оценка этого элемента описания ситуации утверждает, в частности, что русский язык есть “средство приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры” [12,118]. Если под приобщением к мировой культуре посредством русского языка имеется в виду возможность ознакомиться, например, с шедеврами мировой словесности в русском переводе, то фраза имеет двоякий смысл: высказывание можно понимать и так, что переводы упомянутых шедевров на белорусский язык пока отсутствуют; и так, что, например, бело-

русский язык не вполне подходит для адекватного перевода таких шедевров. Справедлив этот последний вывод или нет, могут судить только в совершенстве владеющие белорусским языком; в любом случае, такой оттенок смысла представляется не вполне корректным не только с точки зрения национального достоинства белорусов, но так же с точки зрения возможного дальнейшего развития их языка и культуры. Что же касается русского языка как средства приобщения к “лучшим достижениям отечественной культуры”, то это положение подразумевает, в частности, что “лучшие достижения” в культуре страны почти непременно связаны с русским языком. Данное утверждение представляется еще более спорным, чем проанализированное выше. Более того, оно предполагает некоторый весьма специфический оттенок у смысла, вкладываемого в определение “отечественная культура”. Очевидно, здесь полемиста подводит жесткость структуры, свойственная принятой им системе коннотаций и проистекающая от некоторых характерных свойств репрезентируемой ею системы ценностей. Для непротиворечивого восприятия проанализированных предикаций оптимальная аудитория также должна воспринимать эту жесткость как нечто вполне естественное. В таком случае можно допустить, что подразумеваемая аудитория – прежде всего не белорусскоязычная. Однако аудитория, фактически заявленная уже в самом заглавии сборника, и участие в сборнике (как следует из тематики статей и фамилий авторов) специалистов из разных республик явно не предполагают исключения из круга потенциальных читателей белорусскоязычной составляющей. Учитывая все сказанное, следует признать, что в таком случае потенциальные белорусскоязычные читатели должны соответствовать, по характерным для них свойствам восприятия, оптимальной для данного текста аудитории. Тогда попытка автора опровергнуть вывод оппонента (источник не указан) о “духовном насилии” над белорусским народом [12,119] представляется еще менее убедительной. Впрочем, попытка эта, предпринятая фактически исключительно коннотативными средствами, – защита, как уже отмечалось выше, характерная в отношении аксиом.

7. Также обращает на себя внимание следующая иллюстрация к ситуативно-событийному плану (предикация III порядка, уровень 1.3): “Возрастающая роль русского языка в жизни белорусского народа, как показывает история, не только не препятствует развитию национального языка, но наоборот, создает предпосылки для его всестороннего развития” [12,119]. Если здесь имеется в виду все большее использование русского языка в различных сферах жизни, то такое использование одного языка нередко предполагает одновременное вытеснение либо изначальное неиспользование другого языка в этих сферах. Если в

документах возможен параллельный текст, то в речевом общении – в официальных случаях – его аналогом стал бы синхронный перевод, что, очевидно, будет сочтено излишним в ситуации, когда все коммуниканты понимают оба языка. Исходя из сказанного, не вполне очевидно, каким образом осуществляется заявленное в рассматриваемой предикации единство противоположностей. Тем не менее, понятно, что оптимальная аудитория не должна усмотреть здесь никакого противоречия.

8. Еще одна иллюстрация к ситуативно-событийному плану (предикация III порядка, уровень 1.3): “Используя приемы грубой демагогии, они [“буржуазные пропагандисты” [12,120] – *Е.Л.*] предлагают “улучшить” работу предприятий, “повысить” качество продукции... путем отказа от планового ведения хозяйства” [12,120]. Словом “демагогия” определяется вполне отчетливо сформулированное практическое предложение. То есть возражение строится на актуализации системы ценностей через систему коннотаций, что уже не раз можно было наблюдать выше. Однако в данном случае коннотативный маркер как контраргумент применительно к сфере практической деятельности косвенно указывает на возможное отношение к этой сфере у оптимальной аудитории: оценка практических действий и их результатов в сознании данной аудитории (т. е. соответствующей С-группы), вполне возможно, подчиняется строению и смыслам системы аксиом, в которых сформулировано содержание актуальной системы ценностей, смыслопорождающее положение которых определяет отношение оптимальной аудитории к практической деятельности.
9. Развивая положения основного констатирующего тезиса, автор полемизирует с зарубежными историографами по вопросам военной истории советской Белоруссии. Описание ситуации, сложившейся в зарубежной историографии в связи с исследованием этого периода, содержит, в частности, следующее утверждение (предикация II порядка, уровень 3.1): “Исход войны, по утверждению антикоммунистической пропаганды, решило не военное, экономическое, политическое и идеологическое превосходство СССР, не героизм и стойкость советского народа и его Вооруженных Сил, а цепь “роковых ошибок”, “просчетов” со стороны фашистской Германии, которые помешали ей выиграть войну” [12,122]. Аналитическая оценка элемента ситуативно-событийного плана занимает довольно значительный фрагмент текста общим объемом около 1 страницы данного издания и, в общем, сводится к следующей предикации (II порядка, уровень 3.2): “Несомненно, одной из причин повышенного интереса идеологов буржуазии к истории всенародной борьбы советских людей в тылу врага является стремление глубже изучить формы и методы борьбы советских патриотов, их тактику, обобщить опыт действий немецко-фашистских оккупантов, карателей, с тем, чтобы использовать его против национально-освободительного движения, против наро-

дов, борющихся за свою свободу и независимость” [12,122]. Фактическое подкрепление этих выводов содержит только 2 примера, причем оба взяты из изданий 1956 и 1957 гг. Следует заметить, что сам сборник, в который входит анализируемый текст, издан в 1972 г. Если указанная автором тенденция в работах оппонентов сохранялась до 1972 г., то здесь необходим и более свежий пример. Иначе нельзя исключить, что указанная тенденция могла быть уже не актуальна для работ оппонентов на момент создания рассматриваемого текста. Ситуация в целом дает основания предположить, что автор не счел нужным искать новейшие примеры, полагая, по умолчанию, что ход мысли и цели оппонентов не могли претерпеть изменений с 1956-57 по 1972 годы. Между тем, как следует из другой предикации уровня аналитической оценки (II порядка, уровень 3.2), – “перед лицом неоспоримых фактов, свидетельствующих о громадных успехах советских людей во всех областях экономики и культуры, империалистическая пропаганда вынуждена менять тактику” [12,120], – оппонентам не вполне отказано в способности пересматривать какие-то свои концепции.

10. Тему белорусской военной истории и ее интерпретации в зарубежной историографии продолжает следующий тезис (предикация II порядка, уровень 3.1): “Буржуазная пропаганда намеренно извращает исторические факты и возводит гнусную клевету на наш народ, утверждая, что население Белоруссии в начале войны якобы "доброжелательно" относилось к немецко-фашистским захватчикам и даже "приветствовало" вторжение немецко-фашистских агрессоров” [12,124]. В качестве контраргумента приводятся данные, характеризующие отношение населения республики к Красной Армии. Следует заметить, что одно полностью исключает другое только в том случае, если в рассматриваемый период (периоды) военной истории вся территория Белоруссия находилась либо под контролем немецко-фашистских захватчиков, либо под контролем Красной Армии. Если же соотношение соответственно контролируемых частей территории республики менялось, то данная ситуация вполне могла характеризоваться “единством противоположностей”, разумеется, в разные моменты времени и в разных районах, находившихся под контролем противостоящих друг другу армий. Здесь влияние системы коннотаций и, соответственно, системы ценностей и аксиом (социального познания) препятствует оптимальной аудитории оценить динамику и детали процесса. При этом, возможно, авторская С-группа вполне владеет информацией, но для подобной подачи фактов имеет свои причины, для реконструкции которых понадобится привлечь экстралингвистический контекст.
11. Обращает на себя внимание фрагмент текста общим объемом около полутора страниц данного издания, где содержатся аргументы, призванные опровергнуть точку зрения оппонентов и репрезентированные на уровне описания ситуации (см. анализ части этого фрагмента

в п.10). В этот фрагмент входят, в том числе, иллюстрации, которые объединяет следующий элемент ситуативно-событийного плана (предикация II порядка, уровень 3.1): “Многие буржуазные авторы стремятся рассматривать борьбу советских людей в тылу врага не как составную и неотъемлемую часть Великой Отечественной войны, а изолированно, в отрыве от общего хода событий на советско-германском фронте. Борьбу советских людей в тылу врага буржуазная историография трактует только с позиций партизанской войны. Другие формы народного сопротивления оккупантам не находят отражения в антисоветской зарубежной литературе” [12,125]. Кроме того, этот фрагмент содержит иллюстративную часть, аргументирующую такую аналитическую оценку ситуации (предикация II порядка, уровень 3.2): “Замалчивая важнейшие аспекты всенародной борьбы советских людей в тылу врага, фальсификаторы тем самым стремятся приуменьшить масштабы народной войны, умалить патриотизм советских людей, а также тот реальный вклад, который они внесли в общее дело разгрома фашистской Германии” [12,125]. На всем протяжении этого фрагмента, включающего, как следует из анализа, предикации, по крайней мере 3-х разных порядков и 4-х различных уровней (иллюстрации двух уровней, аналитическая оценка, фон) ссылки на источник данных для контраргумента даются лишь дважды: для 2-го абзаца [12,124] и 3-его [12,125], причем не указано, каков первичный источник этих сведений и документов, указаны лишь их архивные номера.

12. Описание ситуации в зарубежных исследованиях белорусской военной истории развивается далее (предикация II порядка, уровень 3.1): “Общей почти для всех буржуазных авторов является концепция, по которой зарождение, развитие и эффективность партизанского движения ставятся в зависимость от оккупационной политики гитлеровцев. Сторонники этой концепции возникновения и развития партизанского движения объясняют “ошибками” и “промахами” фашистских оккупационных властей, “неумением маскировать” истинные планы и цели войны” [12,126]. Отмечается, что в настоящее время “этот тезис несколько модернизирован и получил широкое распространение в работах современных буржуазных “советологов”, специализирующихся по истории советского партизанского движения” (предикация IV порядка, уровень 2.3) [12,126]. Здесь цитаты, ссылки и фамилии авторов отсутствуют. Очевидно, что на все это развернутое утверждение распространяется одна общая коннотация, и поскольку фактам, на которые указывает данная предикация, уже определено место в системе коннотаций, то детальный разбор и оценка этих фактов, с точки зрения соответствующих С-групп (С-группы, порождающей текст, и оптимальной группы), являются избыточными. (Ср. также анализ п.4 и п.7).
13. Привлекает внимание такая иллюстрация к ситуативно-событийному плану (предикации III порядка, уровень 1.3): “Общезвестно, что борьба в тылу врага носила поистине всенародный характер...

Кровавый оккупационный режим, неслыханные зверства немецко-фашистских захватчиков стали дополнительным фактором развертывания народной борьбы в тылу врага, развития партизанского движения” [12,126]. Тезис не подкреплён ссылками на документы и исследования, с момента опубликования которых он становится действительно общепринятой точкой зрения. Кроме того, логическое обоснование данного тезиса поколеблено тем обстоятельством, что ответ на высказывание оппонентов об отношении белорусского народа к немецко-фашистским захватчикам дается, по сути, "коннотативными" средствами (ср. также п.10).

14. Описание ситуации в исследовании военной истории Белоруссии продолжается следующей предикацией (II порядка, уровень 3.1): “Реакционные буржуазные авторы, частично признавая преступления, пытаются возложить ответственность за них на противников немецко-фашистских захватчиков, прежде всего на советских патриотов, боровшихся в тылу врага” [12,126]. Прочитанный тезис иллюстрируется (предикация II порядка, уровень 1.3): “Западногерманский неонацистский "историограф" Валенди, например, утверждает, что истребление населения на временно оккупированной советской территории явилось реакцией оккупантов на действия партизан, это были, мол, германские ответные меры” [12,127]. Возможно (хотя из авторского пересказа фрагмента его работы это прямо не следует), западногерманский историограф действительно полагает, что факт реакции фашистских частей на действия партизан полностью снимает ответственность за карательные операции с первых и переносит ее на последних. В любом случае, очевидно, что именно так полагает автор анализируемой статьи. Здесь решение вопроса о “единстве противоположностей” (точнее, об их сосуществовании), вполне вероятно, отправляется от разделяемой авторской С-группой и оптимальной аудиторией аксиомы, которая постулирует принципиальную невозможность делить ответственность с военным противником. Сказываются некоторые характерные для авторской С-группы и оптимальной особенности сознания.

В итоге можно указать на некоторые явственно различимые признаки, которые с большой долей вероятности будут характеризовать тип сознания оптимальной аудитории данного текста. Например, во фрагменте, проанализированном в п.1, категория познания посредством коннотативного маркера сопрягается со значением из области этики. У “стороннего наблюдателя” это может вызвать ассоциацию с некоей системой религиозных взглядов, где точки зрения оцениваются с этических позиций и, таким образом, выстроены в достаточно жесткую иерархию, следствием чего является их заведомая неправомерность в отношении друг к другу и, априори, бессмысленность любого обсуждения их сравнительных преимуществ. Все сказанное дает основания заключить, что сознание оптимальной аудитории, весьма вероятно, пред-

ставляет собой закрытую для определенной информации систему с чертами жесткой организации, в свою очередь, затрудняющей свободное обращение этого сознания с информацией, имеющейся в его распоряжении. Данные анализа, представленные в п.2, также подтверждают выводы, сделанные на основе данных из п.1. Материал, рассмотренный в п.3, дает представление, с одной стороны, о дидактических, обучающих, стратегиях авторской С-группы; с другой стороны, косвенно указывает на предпочтительный для оптимальной аудитории режим обучения, согласно которому оценка факта дается прежде репрезентации самого факта. Анализ, представленный в п.4 и п.12, показывает преобладающую функцию коннотации в свойственных оптимальной аудитории процессах восприятия и обработки информации. Следовательно, появляются основания предположить, что функция системы ценностей (порождающей систему коннотаций) как источника аксиом познания в рассматриваемом типе сознания также значительно расширена, т. е. такому типу сознания в общем свойственно довольно свободное использование упомянутых аксиом не только в качестве опорных тезисов для развертывания суждений, либо в качестве аргументов, подкрепляющих то или иное суждение, но также и в качестве готовых, сформулированных выводов. Столь гипертрофированная функция аксиоматики и, как следствие, системы коннотаций в значительной мере ограничивает познавательные возможности рассматриваемого типа сознания, а доступные ему формы полемики сводит преимущественно к распределению коннотаций по высказываниям оппонентов. Материал, проанализированный в п.7 и п.8, позволяет реконструировать некоторые характерные черты отношения оптимальной аудитории к практической, а именно: к социальной и экономической – деятельности и ее методам и результатам. Из п.8, в частности, очевидно, что методы экономической деятельности обладают в данном случае аксиоматической значимостью, поскольку не могут, в представлении оптимальной аудитории, являться предметом дискуссии с людьми, придерживающимися других точек зрения. Соответственно, результаты экономической деятельности также, как результаты социальной деятельности (о которых идет речь в п.7), если и могут дискутироваться и подвергаться сомнению, то, видимо, только с учетом аксиоматической значимости методов, давших эти результаты, иначе говоря, с учетом тех рамок дискуссии и того пространства для сомнения, какие задает указанная значимость. Авторские утверждения, цитируемые в п.9 и п.11, не подкреплены фактографически и документально, следовательно, должны быть восприняты оптимальной аудиторией “суггестивно”, а значит, их структура и смысл должны коррелировать со структурой и смыслом аксиом, определяющих восприятие и познавательные процессы для свойственного оптимальной аудитории типа сознания. В материалах п.10 и п.14 просматри-

вается позиция, которую (по аналогии с понятием “исключенного третьего”) можно определить как позицию “исключенного синтеза”, что указывает на характерную, по крайней мере для оптимальной аудитории (если не для авторской С-группы), стратегию логического мышления¹¹.

Л и т е р а т у р а

1. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / Отв. ред. Т. М. Дридзе. В 2 кн. Кн.1. М., 2000.
2. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
3. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. СПб., 1996.
4. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М., 1999.
6. Богомолова Н. Н. Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации // Мир психологии. 1999. № 3.
7. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
8. Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1995.
9. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 1.
10. Советская историография / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996.
11. Актуальные проблемы социологической теории и практики. Ломоносовские чтения 2000. МГУ, социологический ф-т. Ч. II. М., 2000.
12. Факты и домыслы. Против фальсификации национальных отношений в советском Союзе / АН СССР, АН МССР. Научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений АН СССР. Научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений АН МССР. Кишинев, 1972.
13. Soviet nationality problems / Ed. by Edward Allworth. N.Y. – Lnd., 1971.
14. Miles M. B., Huberman A. M. Qualitative data analysis. L., 1994.
15. Pander Maat H. Studies of functional text quality. Amsterdam, 1992.
16. Dangel J. Text et sens. Paris, 1996.
17. Lentz L. Discourse analysis and evaluation: functional approaches. Amsterdam, 1997.
18. Werlen E. Sprache, Kommunikationskultur und Mentalität: Zur sozio- und kontaktlinguistischen Theoriebildung und Methodologie. Tübingen, 1998.

---

¹¹ Анализ англоязычных текстов и общие выводы см. в во II части статьи.

Причины употребления вопросительных форм в англоязычных газетах

© кандидат филологических наук Е. Н. Малюга, 2001

В нашей статье мы, прежде всего, хотим обратить внимание на то, что различия в употреблении британских и американских вопросительных форм в экономических газетах, т.е. в текстах делового стиля неизбежно возникают по целому ряду причин.

Причина первая

Отсутствие аналогичного оформления газетных материалов и их расположения в рамках газеты.

Формально, по крайней мере, "The Financial Times" имела более обобщенную постоянную структуру расположения материалов, представленную, например, на первой полосе как **CONTENTS: National News, World News, Comment & Analysis, Companies & Finance, Stock Markets** и периодически такие разделы как **Inside Track: Enterprise, Arts/TV** и т.д. (разумеется, названия полос не всегда шли в одном и том же порядке). В последнее время, однако (видимо, под влиянием американцев) представление информации на полосах газеты дается подробно. Сохраняется пока основное деление газеты на новости политического характера и новости финансового характера под общим заголовком **"Companies & Markets"**. Говоря о различной структуре газет, мы, естественно, имеем в виду то, что разное содержание (с определенным уклоном) влечет за собой в той или иной мере разные виды вопросов.

Что же касается **"The Wall Street Journal Europe"**, то классификация материала дробная и не совпадает с названием полос, т.е. дается более детальная информация просто о включенном материале: **TO-DAY'S CONTENTS: Advertising, Asian-Pacific Markets, Cash Prices, Commodities, Currency Trading, Editorial Pages, Emerging Markets, European Markets, European Stocks, Index Options Trading, Index to Businesses, Interest Rates, Management, Managed Investing, Money & Investing, Technology, U.S. Listed Options, U.S. Market Statistics, U.S. Securities, U.S. Treasury Issues, Weather, World Bonds**. Перечисленный список повторяется из номера в номер, причем почему-то таким малым шрифтом, что читать его можно только с помощью лупы. Впрочем, в этом нет никакой необходимости, поскольку речь может идти только лишь о тенденции придерживаться определенной цели. Небольшие по размеру статьи на одну и ту же тематику могут встретиться в самых неожиданных местах.

Вторая причина.

Вторая причина различий между американскими и британскими вопросительными формами в газетных материалах: *одну и ту же тематику сопоставляемые газеты освещают совершенно другим языком*. Именно американским газетам свойственен, мягко говоря, более разговорный язык, что, видимо, основано на стремлении еще и еще раз доказать всем, что у них есть полное право поучать всех.

Продемонстрируем эту особенность на примере постоянно присутствующей в “**The Wall Street Journal Europe**” рубрики “**Review & Outlook**”, название которой, на первый взгляд, не противоречит предположению, что эта рубрика посвящена обзору экономической литературы. На самом деле, эта рубрика не имеет никакого отношения к экономической литературе. В ней рассматриваются различные политические вопросы, причем все они имеют злободневный характер и, таким образом, могли бы и не выделяться в отдельную рубрику: их связь с непосредственными финансовыми операциями Америки иногда может быть даже более тесной, чем в какой-либо другой полосе в той же газете. Для убедительности приведем два названия фактически рядом стоящих полос одного и того же номера газеты (**THE Wall Street Journal Europe**, Jan. 9, 2001). В “**Review & Outlook**” первой идет статья “**The Debt Mirage**” с последующим кратким пояснением “*Budget surpluses are no economic panacea*” (статья действительно посвящена финансовому состоянию американской экономики), а несколько ниже, с правой стороны, приводится статья “*A Smarter Cyprus Policy*” где обсуждаются без приведения каких-либо конкретных цифр отношения между Европейским Союзом и Турцией (об этом, кстати, говорит и пояснение “*The EU can play a more constructive role in Cyprus than either the U.S. or the U.N.*”), которая по своему содержанию могла бы быть приведена с таким же успехом в разделе “**Review & Outlook**”.

*В чем же в таком случае заключается причина выделения специального раздела “**Review & Outlook**”? Как и следовало ожидать эта причина обусловлена всего лишь индивидуальными стилистическими характеристиками авторского изложения. Авторы этого раздела позволяют себе многое такое, что не характерно для остальной (большей) части газеты: различного рода двусмысленности, насыщенность всевозможными стилистическими фигурами, т.е., другими словами, авторы не связаны какими-либо редакционными установками. В этом контексте становится более понятным, и само название раздела “*one’s outlook*”.*

Мы уже говорили, что в анализируемом нами материале вопросительные формы встречаются довольно редко. *Сопоставляя же раздел “**Review & Outlook**” с остальной частью газеты мы вряд ли удивимся*

тому, что процент вопросительных форм в американских газетах оказывается более высоким по сравнению с британскими. Именно в этом разделе, как правило, присутствуют вопросы. Мы далеки от того, чтобы утверждать, что стиль этого раздела становится непременно разговорным, но, вероятно, можно было бы сказать, что он становится более 'раскованным'. Приведем несколько примеров:

"If Americans want good economic growth (**and who doesn't?**), then the best use of surplus is for a cut in tax rates, no debt reduction."

(From **The Wall Street Journal**, Jan., 9, 2001)

В том же разделе несколько ниже (**Democratic Deja Vu. Thailand's 'cleanest election ever' was still fraught with fraud.**) опять встречаемся с типично кратким разговорным вопросом :

"Not surprisingly, the election commission charged with keeping the process clean is split over the seriousness of the accusations.

So what to do? The obvious first priority is to settle this election quickly."

Этими предварительными замечаниями мы и ограничимся. Начнем наш детальный анализ прагматики вопросительных форм в двух вариантах английского языка.

Would I rather be Henry VIII?

It's a stupid question – almost as silly as the way we measure inflation and economic growth

If you are reading this, Linda, I hope you still remember the evening we spent together in Oxford in the summer of 1972. We dined at the Elizabeth restaurant. We enjoyed the piperade, the supreme de volaille, and the creme brulee, and much else.

.....
Health budgets around the world are under pressure from the escalating cost of medical services. But are there costs really rising? Evelyn de Rothschild, probably then the richest man in the world, died prematurely in 1836 despite the best medical attention money can buy. He died from an infection, which could today be cured for a few pence at any pharmacy. The cost of medicaments may have gone up, but the cost – literally – of living has come down.

.....
And if we are so uncertain about what has really happened to prices, we are therefore uncertain about what has really happened to output and economic growth. How do we compare a bundle of output that consists of sea crossings, slide rules and Dealing Comedies with one made up of package holidays, computers and televisions? Only by making a decision as to how many Dealing Comedies equal one television.

I don't know how to do that and nor does the Office for National Statistics.

.....
But is the issue goes deeper. Am I better or worse off than Henry VIII? True, I have fewer wives, servants and palaces, but Henry suffered agonies from piles and could not get to Bristol in less than a week.

.....
**Henry suffered
agonies from piles
and could not get
to Bristol in less
than a week**

(From "THE Financial Times" Wednesday, September 2, 1998)

Автор этого письма – директор бизнес-колледжа при Оксфордском университете. Письмо написано в романтическом духе, хотя получатель его неизвестен: это может быть невеста пишущего, его жена или просто его знакомая. Содержание письма достаточно расплывчато, однако, основная идея прозрачна. Автор письма пытается убедить и себя и того, кому он пишет, что понятие инфляции, которое стало своего рода пугалом в последнее время для не слишком богатых людей – это всего лишь следствие неизбежного прогресса промышленности и современный человек может позволить себе гораздо больше, чем человек эпохи Генриха VIII. Первый вопрос вовсе не является запросом информации, а напротив, произнесенный с интонацией настойчивого удивления, является фактически утверждением, что феномен инфляции – это всего лишь призрак и, конечно же, автор лишь формально задает альтернативный вопрос, но сам он считает себя гораздо счастливее Генриха VIII. Риторическим является и третий вопрос о сопоставлении вещей прошлого и того, что имеет человек в нашу эпоху. Таким образом, этот своего рода гимн его профессии, прославление прогресса. Учитывая некоторые моменты письма (расплывчатое содержание, отсутствие точного адресата) читатель вполне волен, предположить, что письмо не настоящее, а написано, вероятно, по заказу колледжа, где работает автор. ***Одновременно он угрождает и сильным мира сего, что только укрепляет его профессиональное положение.***

Остановимся на некоторых моментах, которые свойственны не только этому письму, но и многим другим пространным статьям такого рода. Во-первых, необходимо привлечь внимание читателей и поэтому заголовок звучит как довольно странное предположение (конечно же, требующее своего объяснения). Вторым моментом, который мы хотели бы отметить в этой статье, является содержание подзаголовка, где, собственно, сразу дан ответ на вопрос заголовка (последний же оформлен в

виде вопроса, поскольку, как мы уже знаем из первой части, он обладает большей экспрессивностью, даже с нейтральной интонацией и лучше воздействует на воображение читателя). Но в подзаголовке дан не только ответ на поставленный вопрос, а еще дана добавочная информация, которая убеждает обычного читателя, что ему лучше не заниматься такими сложными проблемами как инфляция, экономический рост и т.д. Содержание статьи только укрепляет это мнение и выдержка из статьи, которая дана в центре, лишней раз подчеркивает насколько более счастливым является современный человек по сравнению с жителями эпохи Эвелинды Ротшильд и, уж тем более, Генриха VIII. Следует сказать, как бы предваряя последующий анализ, что для “The Financial Times” это несколько необычная выдержка, поскольку эта своего рода насмешка над Генрихом VIII и кем-то действительно может быть воспринята юмористически. Вместе с тем нельзя отрицать, что она усиливает основную мысль автора, хотя, в отличие от других статей, не передает эту мысль в концентрированной форме.

Scots clans eye slice of American pie.

A new forum aims to emulate the success of the Irish in cultivating business links via ancestral ties.

A retired diplomat is spearheading a friendly economic assault on North America's Scottish diaspora.

Professor Andrew Fulton, eminent Scot and visiting professor of law at Glasgow University, is trying to win for Scotland the kind of business spin-offs Ireland has long enjoyed from its more famous ancestral links with the continent.

US companies own around half of Scotland's vital electronics sector, a fact underlined only last week by Motorola's decision to invest heavily in Fire. But indirect benefits – golf and tourism aside – have been modest.

So why have Scots been so slow to realise the potential of their US ties? "It's partly to do with the 'Scottishness' of the thing," says MrFulton. "We're just not great generally at putting ourselves forward. The Irish have been much more methodical about it."

(From “**The Financial Times**” April 28, 2000)

Приведем еще один пример:

Связь Америки и Ирландии отмечалась неоднократно в печати в нашей печати в особенности в связи с разборками протестантов и католиков и негласной поддержкой ИРА, но в статье затронута гораздо более важная тема – опора на родственные связи для развития экономики Шотландии. Ирландия добилась в этой области значительных успехов. Определенный прогресс намечается и в Шотландии, но ответ на вопрос показывает, почему нет большего прогресса. Паронимическая аттракция “Scots”- “Scottishness” налицо, но никакого явно негативного оттенка не

имеет. Вопрос, возможно, был задан именно в этой форме, но может быть, и нет, а это всего лишь размышление комментатора перед лицом читателя. В последнем случае темп замедлен, мелодия нисходящая.

Самый подробный анализ таких газет, как “Financial Times” и своего рода американский аналог этой газеты, специально печатаемый для европейского читателя и имеющий соответствующее название “The Wall Street Journal Europe” показывает, что:

1) вопросительная форма в этих газетах используется крайне редко, если не считать заголовков, где они выполняют специфическую рекламную функцию. В основном, в обеих газетах вопросительные формы встречаются чаще всего в цитатах. Для обеих газет информативная функция является основной, поэтому даже в тех случаях, когда эти газеты, казалось бы, меняют свой стиль (ярким примером этого может служить введение в “The Wall Street Journal Europe” такого специфического раздела, как “Review and Outlook”, где доминирующим приемом является ирония), вопросительные формы продолжают оставаться на периферии текста;

2) хотя в целом в названных нами газетах встречаются почти все типы вопросов, нам ни разу несмотря на большое количество проанализированных газет (500 экземпляров) не встретилась форма расчлененного вопроса (РВ).

Оба отмеченных факта требуют, естественно, объяснения. Что касается крайне малого числа вопросительных предложений в этих газетах, то это вполне объяснимо. Как мы уже говорили основной целью газет является – дать сухое изложение фактов, поэтому не удивительно, что процентное соотношение утвердительных и вопросительных предложений может увеличиваться только лишь в таких разделах, как “letters to the editors”, а так же в тех крайне редких случаях, когда автор статьи чрезвычайно взволнован какой-то проблемой. Случаи такого рода крайне редки, например:

В последних отечественных изданиях по фонетике английского языка эта форма вопроса представлена, как наиболее характерная для английской речи. Например, в “Практической Фонетике Английского Языка” под редакцией Соколовой М.А. и др. (1984) достаточно большой раздел посвящен РВ, который только усиливается тем, что наряду с описанием различных видов этого вопроса, приводится и форма просьб и приказаний, сопровождающаяся краткими побуждениями, типа “won’t you?”, “will you?”.

В “Грамматике Английского Языка” Грузинской И.А. и Черкасской Е.Б. (М., 1997) не приводится какого-либо стилистического деления и таким образом, эти вопросы, в равной степени характерны, как для официально-делового стиля, так и разговорной речи. Мы приходим

к заключению, что данная форма вопросов встречается, в основном, в тех газетных изданиях, которые не ограничивают себя функцией передачи информации, хотя тематика статей может носить ярко-выраженный экономический, деловой характер. Например в газете “The Washington Post” (WP, March 1, 2001) именно в разделе о технологии производства в статье “The Sequel: Computers Serve Us” директор компьютерной лаборатории, разъясняя цели своих исследований по журналистике и показывая лабораторию, говорит:

“The Information Revolution will finish when we can safely see no computers around,” proclaims Dertouzos, a big man with big ideas that his MIT team is trying to turn into prototypes. **“You don’t see any motors around, do you?”**

Короткий вопрос только усиливает утверждение директора. Никакого ответа на “предполагаемый вопрос” не требуется.

Аналогичные примеры мы наблюдаем и газете “The New York Times”, (NYT, March, 12, 2001), где один актер говорит другому:

“You wouldn’t want to hear a suggestion for a cut, would you? – he asked.

Как и в первом случае завершающая часть РВ произносится с падающим тоном, поскольку спрашивающий и не ожидает какого-либо ответа, т.е. роль завершающей части РВ идентична по своей функции предыдущему примеру. Конечно, в данном случае возможна была бы, и какая-либо другая интерпретация завершающей части РВ: выражение иронии, раздражение и т. д., но в той крайне напряженной деловой ситуации любая другая интерпретация, помимо предложенной нами, маловероятна.

Таким образом, мы приходим к выводу, что по мере расширения газетного материала самого разнообразного характера количество РВ будет увеличиваться.

Кроме того, как мы видим на примерах, приведенных в данном разделе РВ становится во многом похожим и на другие виды вопросов, которые в разных ситуациях выполняют разные функции.

Л и т е р а т у р а

1. *Соколова М.А. и др.* Практическая фонетика английского языка. М., 1984.
2. *Грузинская И.А., Черкасская Е.Б.* Грамматика английского языка. М., 1997.

«Глоттальный взрыв» и «глоттализация» в германских языках

© *Е. М. Мешкова, 2001*

Данная статья представляет собой краткий обзор того, что к настоящему времени известно о феномене «глоттального взрыва» в германских языках. Такой обзор представляется необходимым шагом для исследования более узкой проблемы, а именно: исследования роли глоттального взрыва в современном английском языке. О глоттальном взрыве (“glottal stop”) в английском языке написано уже немало работ, особенно британскими учеными, в том числе и работы с выраженным дидактическим подходом¹ к данному явлению, т. е. содержащие сведения об употреблении глоттального взрыва в литературной произносительной норме.

Тем не менее, вопрос о реальном употреблении данного фонетического явления носителями языка возникает снова и снова, поскольку ни сам язык, ни его норма не стоят на одном месте. В частности, создается впечатление, что современное молодое поколение англичан более широко использует глоттальный взрыв в своей речи, чем старшее поколение. Говоря о современном молодом поколении, мы, прежде всего, имеем в виду определенный слой образованной молодежи: преподавателей языка, дикторов радио и телевидения и т. п. – т. е. тех, чья речь, как предполагается, должна быть фонетически правильной и может служить образцом для иностранного учащегося.

Тенденция к более широкому употреблению глоттального взрыва (отмечалась еще в середине XX века Д. Джоунзом и А. Гимсоном², а в более позднее время и другими фонетистами³) ставит вопрос о том, какова в действительности роль глоттального взрыва в современном английском языке и в какой степени он должен преподаваться иностранному учащемуся-филологу. Прежде чем приступить к экспериментальному исследованию, чтобы найти ответы на эти вопросы, необходимо было основательно изучить литературу по глоттальному взрыву вообще. Поскольку данное явление встречается не только в английском, но и в других родственных ему (германских) языках, представляется

---

¹ См., например, *A. C. Gimson. An Introduction to the pronunciation of English. Hertford, 1970. P. 167-168.*

² См. *D. Jones. The Pronunciation of English. Cambridge University Press. 1950. P. 69, 73, 75; A. C. Gimson. Ibid. P. 167-170.*

³ См. об этом, например, *F. Kortland. How Old is the English Glottal Stop? // Germanic Studies in honor of Anatoly Liberman. Odense University Press, 1997. P. 175-179.*

целесообразным рассмотреть сначала результаты исследования его в германских языках, а затем конкретно в английском языке.

Однако прежде, чем обратиться к рассмотрению результатов этих исследований, следует сказать, что мы имеем в виду, говоря о «глоттальном взрыве». Глоттальным взрывом, или глоттальным смычным (английские термины “glottal stop”, “glottal plosive”), в настоящей работе обозначается гортанный взрывной согласный звук – т. е. «мгновенный шумный согласный звук, производимый энергичным размыканием (взрывом) мышечно напряженных краев голосовых связок. Размыкание резко освобождает сжатый в трахее воздух, вылет которого и производит эффект взрыва»⁴.

В данной статье будет употребляться слово «взрыв», так как это слово более четко отражает характер произнесения данного звука. Глоттальный взрыв, встречающийся перед ударными гласными в начале слова или морфемы и часто называемый «сильным приступом» гласного, проявляется как задержка колебаний голосовых связок при артикуляции гласного⁵. Голосовые связки сначала образуют преграду, которая затем с шумом преодолевается, и воздух, сжатый в подгортанных полостях, мгновенно освобождается, что вызывает акустический эффект щелчка⁶. Поскольку такое употребление глоттального взрыва в наибольшей степени характерно для немецкого языка (сильный приступ считается типичной особенностью произношения ударных гласных в начале слова или морфемы в литературном немецком языке), нередко данное явление обозначают немецким термином «кнаклаут» (Knacklaut)⁷. Глоттальный взрыв может произноситься и после гласного, что нередко имеет место в английском и датском языках, о чем будет сказано подробнее ниже.

Хотя глоттальный взрыв и образуется в гортани, тем не менее, в настоящей статье мы будем преимущественно пользоваться термином «глоттальный взрыв» (а не «гортанный») – не только из-за звукового сходства с английским термином “glottal stop”, но также и потому, что существует артикуляционное явление, функционально близкое к глоттальному взрыву, которое обычно называют «**глоттализацией**».

Под «глоттализацией» в этом случае мы понимаем сужение голосовой щели, не достигающее, однако, до полного смыкания голосовых связок, необходимого для образования глоттального взрыва. Более подробно это явление и его связь с глоттальным взрывом будут рассмотрены ниже. Однако сразу же можно отметить, что при таком понимании

---

⁴ А. Л. Трахтеров. Английская фонетическая терминология. М., 1962. С. 102.

⁵ См. О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 362.

⁶ См. А. Л. Трахтеров. Указ. соч. С. 142.

⁷ Подробнее о немецком кнаклауте см. ниже.

глоттализация представляется как процесс, пределом которого является глоттальный взрыв (как максимальное сужение голосовой щели, достигающее до полной смычки голосовых связок, с последующим внезапным энергичным их размыканием). Эта же глоттализация может также рассматриваться как **неполный, как бы не до конца сформированный глоттальный взрыв** (без полной смычки голосовых связок). Для краткости назовем это явление «глоттальным сужением».

Сделать это необходимо хотя бы и потому, что под глоттализацией целый ряд ученых понимает нечто противоположное, а именно **расширение глоточного резонатора** (т. е. глоточной полости), например при произнесении гласных. Значительное увеличение объема глоточной полости сопровождается в этом случае понижением гортани, а также отодвиганием языка назад и увеличением объема ротовой полости. Голосовые связки при этом удлиняются, гортань находится в расслабленном состоянии.⁸

При глоттализации гласных создается впечатление, что звук становится ниже, но на самом деле понижения высоты тона не происходит. Как показали экспериментальные исследования⁹, глоттализированный гласный, произносимый (или пропеваемый) на одной и той же ноте, что и неглоттализированный, воспринимается на слух как более низкий по сравнению с последним. Следует подчеркнуть, что глоттализированные звуки могут произноситься в любом диапазоне голоса, на любых нотах¹⁰. Глоттализированные гласные имеют более темный тембр¹¹ по сравнению с неглоттализированными.

Глоттализация как расширение глоточного резонатора в основном сходна с певческим приемом прикрытия голоса, который, по мнению многих специалистов (например, Р. Юссона, Г. Н. Комаровича, М. Гарсия и др.)¹², способствует улучшению звучания голоса, в особенности по отношению к женскому пению на очень высоких нотах, которое без прикрытия голоса становится эстетически неприемлемым.

---

⁸ См. *М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Prosodic Images in English Speech. Moscow, 1999. P. 27-29; М. В. Давыдов. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984. С. 183-193.*

⁹ См. *М. В. Давыдов. Указ. соч. С. 183-193.*

¹⁰ См. *М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Ibid. P. 27; М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Types of Voices as Part of Speech Portrayals. Moscow, 2001. P. 39.*

¹¹ Тембр здесь понимается как окраска, т. е. «добавочные характеристики гласных, представляемые в “цветовых” терминах: светлые гласные... темные гласные (мутные гласные)... тусклые гласные... яркие гласные...» (*О. С. Ахманова. Указ. соч. С. 285*). Вообще же под термином «тембр гласного» имеют в виду «характерную окраску гласного, сообщаемую звуку его гармоническими тонами и резонаторными тонами, накладывающимися на основной тон или шум». (Там же. С. 471.)

¹² См. об этом подробнее *М. В. Давыдов. Указ. соч. С. 185-188; М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Prosodic Images in English Speech. Moscow, 1999. P. 29-31.*

Глоттализация эффективна при обучении русскоговорящих учащихся произношению английских гласных заднего ряда, особенно [a:] и [o:]. Например, правильная артикуляция звука [a:] может быть достигнута путем постепенной глоттализации русского звука [a]. Этот способ, кстати, позволяет избежать чрезмерного напряжения и назализации при произнесении английского [a:]¹³.

Итак, глоттализация как постепенное углубление звука, связанное с расширением глоточного резонатора, полезна в педагогических целях и приводит к повышению качества звучания голоса, что широко используется в пении. Каким же образом можно «примирить» эти два совершенно взаимоисключающие понятия глоттализации: расширение речевого аппарата и сужение голосовой щели? Ответ на этот вопрос мы частично находим у М. В. Давыдова в книге «Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика» (М., 1984)¹⁴.

Поскольку речевой аппарат един, слишком сильное расширение глоточной и ротовой полостей может привести к обратному эффекту: чрезмерный сдвиг языка назад вниз вызывает не только повышение напряженности мышц глотки и гортани, но и сужение голосовой щели (т. е. глоттализацию в узком понимании, о чем мы говорили выше).

При этом голос приобретает неприятное, «горловое» (“throaty”) качество, слишком темный тембр, становится глухим и сиплым¹⁵. Чрезмерное напряжение гортани (“excessive laryngeal tension”) вызывает нерегулярные колебания голосовых связок, которые воспринимаются на слух как хриплый, или «скрипучий», голос (“hoarse” or “creaky” voice)¹⁶.

Сужение голосовой щели может дойти до полного ее перекрытия, т. е. до образования смычки голосовых связок, необходимой для глоттального взрыва. Здесь следует отметить, что в данной работе различаются глоттальный взрыв и смычка голосовых связок, или гортанная смычка. Гортанная смычка является лишь частью артикуляции глоттального взрыва, т. е. **полным смыканием голосовой щели**, в то время как сам глоттальный взрыв представляет собой полностью «состоявшийся», до конца произнесенный звук, в котором можно выделить фазы экскурсии, выдержки (которая и есть смычка голосовых связок) и ре-

---

¹³ См. *М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Ibid. P. 28.*

¹⁴ “...расширение глотки сопровождается не только понижением гортани, но и сдвигом языка назад... сдвиг языка не должен быть большим, иначе появляется неприятный «горловой» оттенок. ...постепенное углубление (или в нашей терминологии – глоттализация) звука при прочих равных условиях вначале приводит к повышению качества звучания, а потом к его ухудшению». (*М. В. Давыдов. Указ. соч. С. 187-191.*)

¹⁵ См. *М. В. Давыдов. Указ. соч. С. 192-193; М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Ibid. P. 32-33.*

¹⁶ См. *М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Ibid. P. 36-38, 41; см. также ниже в связи с анализом работ К. Колера.*

курсии (резкое раскрытие голосовой щели с взрывом воздуха, сжатого под голосовой щелью).

В германских языках (в том числе и в английском) согласные звуки подразделяются на **сильные** (например, английские [p], [t], [k], [f], [h] и др.) и **слабые** (например, английские [b], [d], [g], [v], [n] и др.) в зависимости от силы выдоха и степени мускульных усилий, требуемых для их произнесения¹⁷. Глоттальный взрыв в английском языке А. Гимсон относит к сильным звукам в силу наличия значительного количества воздуха сжатого под голосовыми связками, а также в силу характера его воздействия на предшествующий гласный – как и другие сильные смычные глоттальный взрыв обладает способностью сокращать долготу предшествующего гласного¹⁸.

После предварительного объяснения, что представляет собой объект нашего исследования (т. е. глоттальный взрыв), приступим к рассмотрению того, что в настоящий момент известно о глоттальном взрыве в германских языках.

В разных языках данное фонетическое явление может иметь различный фонологический статус, частотность употребления и прочие особенности. Факт наличия глоттального взрыва в нескольких родственных языках позволяет сделать предположение о хронологической древности этого феномена. Однако мнения специалистов по истории германских языков на этот счет расходятся. Обычно в литературе по истории английского и немецкого языков глоттальному взрыву не уделяется особого внимания. Некоторые работы¹⁹ вовсе не затрагивают диахронический аспект глоттального взрыва.

Тем не менее, некоторые авторы, например, Ф. Кортленд (F. Kortland), А. С. Либерман, полагают, что глоттальный взрыв – очень древнее явление, не только общегерманское, но и общеиндоевропейское. Возможно, раньше он и обладал семиологической релевантностью, но впоследствии утратил ее²⁰. Ф. Кортленд считает английский

---

¹⁷ Подробнее об этом см., например, А. С. Gimson. Ibid. P. 32; И. М. Магидова. Указ. соч. С. 15-18.

¹⁸ См. А. С. Gimson. Ibid. P. 167.

¹⁹ Например, В. М. Жирмунский. Общие тенденции фонетического развития германских языков // Вопросы языкознания. 1965, 1; В. М. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1965; А. Бах. История немецкого языка. М., 1956; В. Я. Плоткин. Очерк диахронической фонологии английского языка. М., 1976; К. Бруннер. История английского языка. М., 1955; Т. А. Расторгуева. A History of English. Moscow, 1983; И. П. Иванова, Л. П. Чахоян. История английского языка. М., 1976; Б. А. Ильин. История английского языка. М., 1968.

²⁰ См. F. Kortland. How Old is the English Glottal Stop? // Germanic Studies in honor of Anatoly Liberman. Odense, 1997. P. 175-179; A. S. Liberman. The Glottal Stop in English as Viewed against Its Germanic Background // Kalbotyra. 1972. Vol. 23, 3. P. 45-57; A. S. Liberman. Germanic Accentology. I: The Scandinavian Languages. Minneapolis, 1982.

глоттальный взрыв и фонетически подобный ему западноютский толчок²¹, а также исландскую преаспирацию (которая является результатом ослабления глоттального взрыва) реликтами общегерманского глоттального взрыва.

Гипотеза о существовании в прагерманском языке глоттального взрыва перед звонкими смычными [ʼb]²², [ʼd], [ʼg], которые затем оглушились в [ʼp], [ʼt], [ʼk] (и те, и другие Ф. Кортленд называет преглоттализованными смычными – “preglottalized stops”), позволяет объяснить ряд фонетических изменений в древнегерманских языках, которые не могут быть объяснены, исходя из традиционных теорий.²³

Итак, Ф. Кортленд находит фонетическое сходство между западноютским толчком и глоттальным взрывом перед сильными смычными [p], [t], [k] в английском языке (с сохранением или отпадением смычного) и возводит оба явления к общегерманским и даже общеиндоевропейским преглоттализованным согласным. Однако общедатский толчок, согласно Ф. Кортленду, совершенно другое явление, развившееся из нисходящего тона (“falling tone”) и родственное шведским и норвежским слоговым акцентам (о чем см. также ниже).

Интересно, что Ф. Кортленд не упоминает феномен кнаклаута, т. е. случаи, когда глоттальный взрыв произносится перед гласным, хотя это явление присутствует в немецком языке и в меньшей степени в английском и датском языках. Тем не менее, есть точка зрения, согласно которой глоттальный взрыв существовал в древнегерманских языках, в частности в древнеанглийском, древневерхне- и древненижнегерманском, перед гласными в начале ударного слога, чем, возможно, и объясняется аллитерация друг с другом различных гласных в древнегерманской поэзии²⁴.

Такое употребление глоттального взрыва является, как уже упоминалось выше, характерной особенностью произношения современного литературного немецкого языка. Что касается немецких диалектов, то, как пишет В. М. Жирмунский, сильный приступ встречается только в нижнегерманском диалекте, причем в ряде нижнегерманских говоров он наблюдается только в изолированном слове и исчезает в связной речи, в других говорах он не встречается вообще. В верхнегерманском сильный приступ наблюдается при эмфазе (например, в восклицаниях: *’ich!* «я?!» *’aus!* «прочь!» *’aber auch!* «еще бы!»), а иногда после гласного на конце

---

²¹ Западноютский толчок встречается в западноютском диалекте датского языка и, по мнению некоторых фонетистов, отличается от общедатского толчка.

²² Знаком [ʼ] Ф. Кортленд обозначает глоттальный взрыв.

²³ См. *F. Kortland. Ibid.* P. 176-177.

²⁴ См. *А. И. Смирницкий. Древнеанглийский язык.* М., 1998. С. 36; *В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология.* М.-Л., 1956. С. 165.

слова тоже при эмфазе (например: jō' "ja!")²⁵. Подобное эмфатическое выделение гласного глоттальным взрывом встречается и в английском языке.

В литературе по фонетике немецкого языка подробно описывается образование сильного, или твердого, приступа. Однако возникает вопрос о том, какова степень этой «твердости». Есть точка зрения, согласно которой сильный приступ определяется как «легкий взрывной звук, который возникает при резком раскрытии слабой²⁶ смычки, образуемой голосовыми связками. Накопившийся под связками воздух с силой разводит их, одновременно заставляя их колебаться. Таким образом, легкий взрыв от быстрого раскрытия сомкнутых голосовых связок как бы накладывается на образующийся в результате их колебания голос, придавая звучанию гласного четкое, внезапное начало»²⁷.

Сильный приступ относится к особенностям немецкого артикуляционного уклада и является одним из проявлений артикуляционного напряжения, одним из следствий слишком энергичного произнесения начала ударных слогов²⁸. Однако фонетический статус сильного приступа в немецком языке разные исследователи оценивают по-разному. Некоторые зарубежные фонетисты считают его самостоятельным согласным, отечественные германисты определяют сильный приступ как позиционную особенность артикуляции гласных. Согласно М. В. Раевскому, последняя точка зрения обоснована тем, что происходящая в некоторых случаях утрата сильного приступа не мешает восприятию и пониманию слова слушающим (например: ich habe ['ɪç 'ha:bə] и hab' ich ['ha:biç])²⁹.

То есть, являясь отличительной особенностью артикуляции гласных в начале слова или корневой морфемы в литературном немецком языке, глоттальный взрыв не выполняет смыслоразличительной функции и, следовательно, не обладает фонологическим статусом. Сильный приступ, аналогичный немецкому, имеет место и в датском языке³⁰.

Но в отличие от немецкого языка, в датском глоттальный взрыв обнаруживается и в виде так называемого датского толчка (stød). Тол-

²⁵ См. В. М. Жирмунский. Указ. соч. С. 166.

²⁶ Ср. с цитируемыми выше работами по английской фонетике, где глоттальный взрыв (гортанный смычный) характеризуется как «энергичное размыкание (взрыв) мышечно напряженных краев голосовых связок».

²⁷ М. В. Раевский. Фонетика немецкого языка. Теоретический курс. М., 1997. С. 146.

²⁸ См. об этом: О. Г. Kosmin, T. S. Bogomasowa, L. I. Hizko. Theoretische Phonetik der deutschen Sprache. М., 1990. S. 11-12; О. Г. Kosmin, G. A. Sulemowa. Praktische Phonetik der deutschen Sprache. М., 1990. S. 17, 21.

²⁹ См. М. В. Раевский. Указ. соч. С. 146-147.

³⁰ См. Ю. К. Кузьменко. Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991. С.

чок является наиболее характерной и своеобразной особенностью датского языка, которая проявляется в толчкообразном подчеркивании звука, встречающемся в датской речи в большом количестве ударных слогов и обладающем смыслоразличительной функцией (значение которой, впрочем, оценивается по-разному, о чем см. ниже).

Нет единого мнения по вопросу о датировке возникновения датского толчка. Одни ученые относят его появление к XIV веку, свидетельства иностранцев о толчке как о характерной особенности датского языка имелись в XVI веке.³¹ Некоторые лингвисты склонны считать датский толчок явлением общескандинавской эпохи³².

Вопрос о происхождении толчка вызывает много дискуссий в научной литературе. Тем не менее, несомненна связь датского толчка со слоговой акцентуацией³³ других скандинавских языков. И все же, несмотря на генетические связи с системой двух акцентов в скандинавских языках, датский толчок «представляет собой своеобразное и самостоятельное явление, непосредственно не сводимое к северноскандинавской системе акцентов»³⁴. Возможно, датский толчок пришел на смену музыкальному ударению в связи с перераспределением силы ударения в слове, которое было вызвано редукцией безударных гласных и было связано с изменениями в консонантизме датского языка, произошедшими в XII-XIII веках³⁵.

Важно, что хотя толчок и используется для дифференциации слов (например: *tal*, произнесенное с толчком, значит «говори», без толчка – «число»; *anden* с толчком – «утка», без толчка – «другой»), тем не менее, он никогда не отражался на письме. С артикуляционной точки зрения толчок реализуется двояко: либо как глоттальный (гортанный) взрыв, либо как придыхательный пазвук, вызываемый заметным ослаблением и сокращением числа колебаний голосовых связок³⁶.

---

³¹ См. *М. И. Стеблин-Каменский*. История скандинавских языков. М.-Л., 1953. С. 165.

³² См. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II. С. 201.

³³ Для слоговой акцентуации (слогового ударения) характерно наличие в рамках слога определенной «зоны ударения» и возможность дополнительного варьирования этой зоны. В реализации слогового ударения может участвовать как элемент тональности, так и динамический элемент. Выделить основное средство фонетической реализации слогового ударения сложно, поскольку «динамический момент в слоговой акцентуации плохо поддается измерению средствами инструментальной фонетики». (См. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II. С. 172.)

³⁴ Там же. С. 193.

³⁵ См. об этом подробнее *М. И. Стеблин-Каменский*. Указ. соч. С. 141-142.

³⁶ См. *С. Д. Кацнельсон*. Сравнительная акцентология германских языков. М.-Л., 1966. С. 117; см. также Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II. С. 194.

Датский толчок состоит из трех фаз: отрезок с ровным движением амплитуды колебаний голосовых связок, ослабление амплитуды или полное ее исчезновение (в случае смычки связок) и новое ее усиление³⁷. Как пишет С. Д. Кацнельсон, для реализации толчка требуется особый фонематический базис (“stødbasis”), в качестве которого выступает долгий гласный или дифтонг или сочетание краткого гласного с сонорным или звонким согласным. Поэтому обычно говорят, что толчок может быть как на гласном (skri'veg «пишет»), так и на согласном (an'den «утка»). Толчок на согласном может быть и двухфазовым. В этом случае вторая фаза толчка реализуется как слабое придыхание после звонкого согласного, например, в слове man'd «мужчина» или hal'm «солома»³⁸.

Что касается смыслоразличительной функции датского толчка, то мнения ученых по этому поводу расходятся. Так, С. Д. Кацнельсон утверждает, что функциональная нагрузка толчка невелика: «Толчок не является самостоятельным средством смыслоразличения и выполняет лишь подсобные роли в системе выразительных средств языка»³⁹. Однако другие исследователи считают, что фонологическая значимость толчка несомненна и может быть проиллюстрирована следующими парами слов: an'den (определенная форма от and «утка») и anden «другой», skri'veg «пишет» и skriver «писец», føl' (повелительная форма от følge «следовать») и føl «жеребенок» и др.⁴⁰

Некоторые авторы, например Ю. К. Кузьменко, связывают функционирование датского толчка с особенностями слоговых структур, со способом соединения гласного и согласного в слоге, что проявляется при слогаделении внутри слова, – т. е. с корреляцией слогового контакта. Ссылаясь на С. Смита, Ю. К. Кузьменко подчеркивает, что, хотя обычно говорят о толчке на гласном (hu's «дом», см также выше) или на согласном (hun' «собака», см также выше), «арена действия толчка» – стык гласного с согласным, поэтому следует говорить о толчке со свободным примыканием к согласному (толчок на гласном) или о толчке, плотно примыкающем к согласному (толчок на согласном)⁴¹.

По мнению некоторых исследователей, датский толчок генетически связан с так называемым западнонорвежским толчком, который функционирует наряду с общедатским толчком в западнонорвежском диалекте

³⁷ См. С. Д. Кацнельсон. Указ. соч. С. 117-118.

³⁸ См. подробнее там же. С. 118.

³⁹ Там же. С. 119.

⁴⁰ См. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II. С. 196.

⁴¹ См. там же. С. 74. Далее Ю. К. Кузьменко поясняет: «В словах с толчком на гласном толчок более резко отделяет гласный от последующего согласного, чем в словах с долгим гласным без толчка, а в словах с толчком на согласном толчок способствует более плотному примыканию гласного к последующим согласным, чем в словах с кратким гласным без толчка». (Там же. С. 76.)

датского языка, хотя, как отмечалось выше, Ф. Кортленд придерживается другой точки зрения, полагая, что эти два явления имеют различное происхождение.

Западноютский толчок встречается в ударных слогах апокопированных слов перед этимологически сильными смычными [p], [t], [k] и падает на предшествующий шумному гласный или на сонорный (например ha'd «шляпы», hatte – форма литературного датского языка)⁴². В отличие от датского толчка, западноютский толчок реализуется при **полной смычке гортани**. Смыкаются как голосовые, так и ложные связки, причем голосовые связки остаются сомкнутыми до конца произнесения согласного. Как показали экспериментальные исследования, проведенные К. Ринггором⁴³, во время произнесения западноютского толчка подвязочное давление падает вследствие опускания диафрагмы и расширения грудной клетки. Поэтому полная смычка в гортани не приводит к скоплению воздуха и аспирации поствокальных смычных. Смычный звучит неопределенно, [p], [t], [k] после толчка оказываются взаимозаменяемыми или вовсе исчезают. Это отчасти напоминает замену сильных смычных глоттальным взрывом в английском языке, в первую очередь в лондонском диалекте (кокни – Cockney), а также в некоторых других диалектах. О сходстве и, более того, об этимологическом тождестве глоттального взрыва в английском языке и западноютского толчка говорит (см. выше) и Ф. Кортленд. Однако для более точных выводов нужны экспериментальные исследования обоих явлений. К. Ринггор писал о сложности проведения таких же исследований английского глоттального взрыва, какими был исследован западноютский толчок, в силу того что в английском языке глоттальный взрыв не выполняет смыслоразличительную функцию⁴⁴.

Западноютский толчок выполняет большую смыслоразличительную нагрузку, в частности он служит для дифференциации форм множественного (с толчком: [kʰa'rɛŋ]⁴⁵ «пуговицы») и единственного (без толчка: [kʰaɹh] «пуговица») числа существительных⁴⁶.

Другое явление, родственное западноютскому толчку, имеется в исландском языке и в норвежских говорах. Это так называемая исландская преаспирация, встречающаяся перед долгими глухими смычными

---

⁴² Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II. С. 201; А. С. Либман. Исландская просодика. Л., 1971. С. 97.

⁴³ К. Ringgaard. The Pronunciation of a Glottal Stop. // *Phonetica*. 1962, 8. P. 203-208.

⁴⁴ "...it is exceedingly difficult to get a result when there is no distinction and the speakers don't know when they do and when they do not pronounce a glottal stop". (Там же. С. 207.)

⁴⁵ [ʰ] – обозначение западноютского толчка у К. Ринггора.

⁴⁶ Подробнее о западноютском толчке см. К. Ringgaard. Ibid. P. 203-208; А. С. Либман. Указ. соч. С. 97-101.

(happ [ha^hp:] «удача», bratt [bra^ht:] «вскоре») и рассматриваемая как слабый вариант толчка⁴⁷.

Глоттальный взрыв наблюдается иногда и в рейнской слоговой акцентуации, отличающей ряд рейнских говоров немецкого языка. Рейнская слоговая акцентуация характеризуется наличием двух акцентов: резкого и плавного. Именно резкое ударение может иногда реализовываться в некоторых (рипуарских) говорах в виде глоттального взрыва, когда внезапное ослабление интенсивности приводит к полному закрытию голосовой щели и выключению голоса.

Обычно же при резком акценте вначале резкий поток воздуха приводит голосовые связки в колебание с большой амплитудой, а затем интенсивность внезапно уменьшается и ослабевший поток воздуха приводит к образованию в гортани гласного без тембра, который можно было бы назвать гортанным гласным. Музыкальный тон при этом является нисходящим⁴⁸. Глоттальный взрыв является «крайней формой проявления резкого ударения»⁴⁹.

Помимо смыслоразличительной функции (разграничения в области словоизменения и словообразования), резкое слоговое ударение может использоваться как эмфатическое средство, т. е. для выделения слов в предложении⁵⁰. Заметим, что эту функцию может выполнять и глоттальный взрыв в английском языке и (см. выше) в верхненемецких диалектах.

Что касается происхождения рейнской слоговой акцентуации, некоторые лингвисты рассматривают ее как древнее, возможно, долитературное явление. Выдвигается также и гипотеза об общегерманском происхождении слоговых акцентов⁵¹.

На основании вышеизложенного можно сделать предположение о том, что глоттальный взрыв в современных германских языках как фонетический феномен может иметь разное происхождение. Если следовать гипотезе Ф. Кортленда (см. выше), глоттальный взрыв после гласного перед [p], [t], [k] (или вместо них) в английском языке, западнонорвежский толчок и исландская преаспирация восходят к протогерманским и общеевропейским преглоттализованным согласным. Общедатский

---

⁴⁷ Подробнее об этом см. *А. С. Либерман. Указ. соч. С. 97, 100; М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М.-Л., 1953. С. 164; см также F. Kortland. Ibid. P. 176.*

⁴⁸ См. *Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II. С. 203-208; В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.-Л., 1956. С. 163-165.*

⁴⁹ *Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II. С. 204.*

⁵⁰ См. там же. С. 204-205.

⁵¹ См. об этом там же. С. 207, 203.

толчок генетически связан с системой слоговых акцентов, как и резкий акцент в рейнских говорах⁵² немецкого языка.

Кроме того, существует еще и глоттальный взрыв как кнаклаут в немецком (регулярно в литературном произношении) и, реже, в датском и английском языках, о чем не упоминает Ф. Кортленд. Происхождение кнаклаута не затрагивается в рассмотренной нами литературе.

В некоторых языках и диалектах глоттальный взрыв (как таковой или в виде глоттализации, о чем подробнее будет сказано ниже) обладает семиологической релевантностью, например в датском, в западнонорвежском диалекте датского языка, в рейнских говорах, в других не обладает ею, например в немецком и английском⁵³.

Наиболее подробную информацию об артикуляционно-акустических характеристиках и функциях глоттального взрыва в современных германских языках можно получить из недавних работ немецкого фонетиста К. Колера (Klaus J. Kohler), которые стоит рассмотреть подробнее.

В работах К. Колера представлены результаты аудиторного и инструментального анализа глоттального взрыва и глоттализации (о соотношении между этими двумя явлениями см. также выше). К. Колер не ограничивается исследованием спектрографических и осциллографических данных. Он рассматривает глоттализацию и глоттальный взрыв как с точки зрения производства звуков человеческой речи вообще, так и с точки зрения функционирования анализируемых явлений в трех германских языках: в английском, немецком и датском.

Наиболее подробно артикуляционные и акустические особенности этих явлений К. Колер описывает на материале немецкого языка. В его статье "Glottal Stops and Glottalization in German"⁵⁴ глоттальный взрыв и глоттализация представлены как сигналы границы слова и слога ("boundary markers") и как явления редукции надглоттальных (т.е. ротовых) смычных взрывных артикуляций ("reduction phenomena of supraglottal stop articulations"). Как сигналы границы слова (т.е. на стыке слов) глоттальный взрыв и глоттализация встречаются в немецком языке перед ударным или безударным гласным в начале слова после:

- паузы,
- гласного,

---

⁵² Хотя Ф. Кортленд в указанной здесь статье (см. примечание 20 на с.6) и не упоминает о рейнских слоговых акцентах, их связь со скандинавскими слоговыми акцентами и с датским толчком отмечается другими исследователями. Подробнее см. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II. С. 207.

⁵³ Если только не рассматривать глоттальный взрыв как позиционный вариант [p], [t], [k] в некоторых английских диалектах, например в кокни.

⁵⁴ Klaus J. Kohler. Glottal Stops and Glottalization in German. // *Phonetica*. 1994, 51. P. 38-55.

- сонорного,
- фрикативного,
- смычного взрывного⁵⁵.

Как сигналы границы слога глоттальный взрыв и глоттализация могут встречаться в следующих позициях:

- между приставкой и корнем, например между приставками *be-*, *ge-*, *er-* и корнем,
- между частями сложных слов; здесь из примеров, приведенных К. Колером, можно выделить случаи, где глоттальный взрыв и глоттализация произносятся перед ударным гласным после:
  - a) гласного (например: *Zoo#aufseher*⁵⁶), в том числе после сужающегося дифтонга (например: *Neu#anfang*),
  - b) сонорного (например: *Eltern#abend*, *Zusammen#arbeit*),
  - c) фрикативного (например: *Fisch#ottern*, *Vertrags#abschluss*, *Verkehrs#ampeln*),
  - d) смычного взрывного (например: *Mittag#essen*)⁵⁷.

Как явление редукции надглоттальных (т.е. ротовых) смычных взрывных артикуляций глоттальный взрыв в немецком языке может заменять сильные (К. Колер называет их глухими – *voiceless*⁵⁸) взрывные на стыке слов перед ударным гласным (*mit ihren* [mi? 'i:-], *Freitag* [-k] *abend* [-? 'a:-]) или перед безударным гласным (*und* [unt] *Illustrierte* [un? il-]). Глоттальный взрыв или глоттализация могут заменять и сильные, и слабые смычные (глухие и звонкие в терминологии К. Колера) в слогоконечной позиции

- перед носовым согласным (*Leutnant* [loi?nant]), в том числе на стыке слов (*mit mindestens* [mi?m]),
- после носового (*freundlichen* [fron?liçn]),
- между носовыми (*hinten* [hin?n], *Stunden* [n?n] – в этих случаях имеет место и выпадение /э/ в последнем слоге), в том числе на стыке слов (примеры см. ниже).

⁵⁵ Здесь К. Колер не приводит примеров.

⁵⁶ Символом # К. Колер обозначает границу между частями сложного слова, где и возможно появление глоттализации и глоттального взрыва.

⁵⁷ См. *Klaus J. Kohler. Ibid.* С. 44.

⁵⁸ В этой статье (*Glottal Stops and Glottalization in German*.) К. Колер использует по отношению к согласным термины «voiced» («звонкие») и «voiceless» («глухие»), но в более поздней своей работе (*Glottal stop and Glottalization. A Prosody in European Languages.*) он употребляет термины «fortis» («сильные») и «lenis» («слабые»).

Во всех этих случаях глоттальный взрыв и глоттализация рассматриваются как элементы артикуляционной фонологии связной речи (“elements in an articulatory phonology of connected speech”).

Итак, К. Колер пишет, что в немецком языке глоттальный взрыв является потенциальным звуком перед начальными гласными слов и корневых морфем, приставок и частей сложных слов, например: “[?]er[?]arbeiten”, “ver[?]eisen”, “[?]Auf[?]erstehung”, “wieder[?]er[?]obern”, “Glatt[?]eis”, “Hör[?]untersuchungs[?]ergebnisse”⁵⁹.

Однако в речи глоттальный взрыв реализуется в четырех различных фонетических вариантах: **глоттальный взрыв** как таковой (т.е. с образованием смычки голосовых связок), **глоттальный взрыв с последующей глоттализацией**, **глоттализация** и **отсутствие глоттального взрыва**. Глоттальный взрыв понимается как полная долгая (продолжительная) смычка голосовых связок (“a full long glottal closure”), а также как “каноническое” обозначение границы слога или слова (“canonical glottal stop”). Термин “глоттализация” у К. Колера обозначает нерегулярные колебания голосовых связок низкой частоты (“скрипучий”⁶⁰ голос): “irregular glottal cycles of low frequency (creak)”⁶¹.

К. Колер рассматривает отдельно реализацию глоттального взрыва на стыке слов (“Word-Initial Boundaries”) и на стыке морфем внутри слова (“Word-Internal Boundaries”). Анализ достаточно объемного корпуса устной речи, проведенный К. Колером, показал, что чаще всего глоттальный взрыв на стыке слов реализуется как глоттализация или как долгая смычка голосовых связок с последующей глоттализацией. Менее частотным оказывается полное отсутствие глоттального взрыва, и реже всего встречается глоттальный взрыв как таковой⁶².

Распределение этих вариантов в различных фонетических условиях может быть различным, т.е. в каких-то условиях будет преобладать один вариант, в других условиях – другой. Фонетические условия, или фонетическое окружение, контекст (“context”) глоттального взрыва на стыке слов определяется предшествующим ему звуком: гласный, сонорный, фрикативный, смычный или отсутствие звука (пауза, молчание) – и последующим гласным: ударный или безударный (см. также выше).

После паузы глоттальный взрыв как таковой встречается гораздо чаще, чем его отсутствие; так называемый “мягкий приступ”, не сопровождаемый ни глоттальным взрывом, ни глоттализацией, наименее

⁵⁹ См. *Klaus J. Kohler. Glottal Stops and Glottalization in German. // Phonetica. 1994, 51. P. 38.*

⁶⁰ Однако, как было показано в работе *М. В. Давыдова и Е. В. Яковлевой (Types of Voices as part of Speech Portrayals. Moscow, 2001. P. 164)*, “скрипучий” голос может появляться и на самых высоких нотах, т.е. на высокой частоте колебаний голосовых связок.

⁶¹ *Klaus J. Kohler. Ibid. P. 43.*

⁶² Там же. С. 42.

частотен. После гласных и согласных картина прямо противоположная⁶³. Глоттальный взрыв как таковой, а также глоттальный взрыв с последующей глоттализацией наблюдается чаще перед ударными гласными, чем перед безударными, если глоттальному взрыву предшествует какой-либо звук (не пауза)⁶⁴.

Таким образом, в позиции не после паузы выявляется связь между наличием глоттального взрыва и последующего ударного гласного, с одной стороны, и между его отсутствием и наличием последующего безударного гласного, с другой стороны. Наиболее часто глоттальный взрыв наблюдается перед ударными гласными после смычных; после смычных, тоже чаще, чем в другом фонетическом контексте, встречается глоттальный взрыв и перед безударными гласными⁶⁵.

Итак, К. Колер проводит различие между “каноническим” глоттальным взрывом и его различными реализациями в речи (этим, по видимому, и объясняется употребление термина во множественном числе: “glottal stops”). Глоттализация выступает при этом как один из вариантов “канонического” глоттального взрыва. Наличие вариантов К. Колер объясняет, исходя из правил фонотактики немецкого языка.

Поскольку звонкие и глухие⁶⁶ (как взрывные, так и фрикативные) согласные нейтрализуются на конце слова в глухом варианте, глоттальный взрыв в начале последующего слова всегда следует за отсутствием голоса после взрывных и фрикативных и за голосом после гласных и сонорных. Поэтому, если глоттальному взрыву на стыке слов предшествует смычный, голосовые связки начинают вибрировать только при артикуляции последующего гласного. Если же на стыке слов перед гласным стоит гласный или сонорный, то колебания голосовых связок должны прерваться для произнесения глоттального взрыва⁶⁷.

Вариативность глоттального взрыва есть результат процесса редукции в связной речи на немецком языке, который, однако, нарушается под воздействием ударения: “A reduction of the long glottal closure, leading to irregular glottal cycles of low frequency (creak) and, further still, to the elimination of glottal irregularity related to /ʔ/, i.e. its integration into normal vibration for the following vowel, is a general process in connected German speech, but is checked by the occurrence of stress”⁶⁸. Таким образом, глоттальный взрыв редуцируется до глоттализации, которая, в свою очередь, тоже редуцируется, т.е. полная смычка голосовых связок (при глоттальном взрыве) заменяется нерегулярными колебаниями го-

---

⁶³ Там же. С. 42-43.

⁶⁴ Там же. С. 43.

⁶⁵ Там же. С. 43.

⁶⁶ См. примечание 58 на с. 14.

⁶⁷ См. *Klaus J. Kohler*. Ibid. P. 43.

⁶⁸ Там же. С. 43.

лосовых связок, которые заменяются регулярными, объединяясь с колебаниями последующего гласного.

Этот процесс редукции приостанавливается под воздействием не только ударения, но и предшествующих взрывных согласных, поскольку, как уже отмечалось выше, работа голосовых связок в данном случае начинается только при артикуляции последующего гласного, что способствует сохранению смычки в голосовой щели. Глоттальный взрыв после смычных встречается и перед безударными гласными, что указывает на тенденцию к одновременному образованию ртовой и глоттальной смычек при произнесении смычных взрывных на границе слов перед гласными.

Если же глоттальному взрыву предшествует сонорный или гласный и дальше следует гласный, то, как отмечалось выше, вибрация голосовых связок прерывается глоттальным взрывом. Прекращение вибрации может быть неполным, и тогда на месте глоттального взрыва появляется глоттализация. Другими словами, К. Колер рассматривает глоттализацию как редукцию полной долгой смычки голосовых связок внутри цепи регулярных колебаний связок⁶⁹.

Этим, с точки зрения К. Колера, объясняется большее количество случаев глоттализации после сонорных, чем после смычных, в немецком языке. После сонорных и гласных перед последующим безударным гласным чаще встречается и полное отсутствие глоттального взрыва, что является результатом дальнейшей редукции⁷⁰.

На границе морфем внутри слова глоттальный взрыв возможен только между приставкой и основой или между составными частями сложного слова (см. также выше)⁷¹. Общая частотность употребления вариантов канонического глоттального взрыва здесь такая же, как и на стыке слов: глоттализация – наиболее частотный вариант, реже встречается глоттальный взрыв в сочетании с глоттализацией, еще реже полное отсутствие глоттального взрыва и реже всего глоттальный взрыв как таковой.

Как пишет К. Колер, глухие взрывные в немецком языке могут не только способствовать появлению глоттального взрыва на стыке слов, но и могут заменяться им⁷². Как уже отмечалось выше, глоттальный взрыв на месте ртовых взрывных может встречаться в конечных

---

⁶⁹ Там же. С. 43.

⁷⁰ Там же. С. 43-44.

⁷¹ Между корнем и суффиксом, а также между частями составного числительного (между простым числительным и союзом "und", соединяющим простые числительные в составе сложного) и между гласными внутри корня, например в словах Chaos [a:o], Januar [u:a:a], ни глоттальный взрыв, ни глоттализация не были обнаружены К. Колером. (См. там же. С. 44-45.)

⁷² См. там же. С.45.

словах слов (в том числе и на стыке слов), особенно перед и/или после носового согласного (примеры см. выше).

К. Колер объясняет появление глоттального взрыва в подобных случаях, исходя из концепции экономии усилий. Смычка, требуемая для произнесения смычного взрывного согласного, как бы переносится из ротовой полости в голосовую щель. В результате мягкое небо опускается, приспособиваясь к артикуляции последующего носового, или остается опущенным после носового. Последовательность носовой-смычный взрывной-носовой является наиболее очевидным примером экономии усилий: мягкое небо остается опущенным, но слушающий воспринимает прекращение потока воздуха благодаря смычке голосовых связок.⁷³

Глоттальный взрыв заменяет и [d], и [t] в назальном окружении, что позволяет говорить о нейтрализации звонкости и глухости немецких взрывных согласных в данной позиции. К. Колер отмечает, что возможно различие по длительности (долготе): носовой смычный выдерживается дольше, если глоттальный взрыв заменяет [d], чем в тех случаях, когда он произносится вместо [t]; тем не менее, эти сведения, как он считает, должны быть проверены на специально подобранном материале.⁷⁴

Как и на стыке слов перед гласными, полная долгая смычка голосовых связок, заменяющая ртовую смычку, может ослабляться до нерегулярных колебаний связок (т. е. до глоттализации) в звонком окружении (т. е. в окружении носовых согласных) на конце слова (“hinten”, “Stunden”, “vorhanden”), внутри слова (“Zentner”) и на стыке слов (“tausend Meter”).⁷⁵

Итак, с артикуляционной точки зрения, в случаях, подобных “vorhanden”, регулярные колебания голосовых связок при артикуляции носового согласного изменяются в нерегулярные (глоттализация), в то время как мягкое небо опущено и апикулярная смычка для артикуляции носового не прерывается. Глоттализация (“скрипучий” голос) соответствует смычному взрывному в менее редуцированном варианте произнесения [-ndn] и производит впечатление не только прерывания акустической волны, но и смычно-взрывной артикуляции.⁷⁶

Функция этих двух различных артикуляторных движений (смычного взрывного и нерегулярных колебаний голосовых связок) одна и та же: и то, и другое вызывает внезапное существенное уменьшение потока воздуха, которое сигнализирует слушающему перерыв в

---

⁷³ См. там же. С.45.

⁷⁴ См. там же. С.45.

⁷⁵ См. там же. С.45.

⁷⁶ См. там же. С.50.

звучании, соответствующий артикуляции смычного взрывного звука. Таким образом, одна и та же функция может осуществляться с помощью меньшего количества упрощенных артикуляторных движений и, следовательно, с меньшими артикуляторными усилиями, что и составляет сущность редукции в связной речи. Если перерыв воздушной струи в голосовой щели осуществляется с бóльшим усилием, образуется смычка голосовых связок вместо нерегулярных колебаний, которые можно рассматривать как ослабление полной преграды воздушной струе⁷⁷.

Итак, К. Колер объединяет глоттализацию и глоттальный взрыв с функциональной точки зрения. Оба эти явления он рассматривает как фонетические варианты обозначения стыка слов и морфем или как фонетические варианты смычных в определенных условиях (см. выше). При этом варианты: смычный, глоттальный взрыв, глоттализация – являются результатом редукции в связной речи, обусловленной принципом экономии усилий.

В более поздней своей статье “Glottal stop and Glottalization. A Prosody in European Languages”⁷⁸ К. Колер сравнивает функционирование рассматриваемых явлений в трех германских языках: английском, немецком и датском. Причем здесь речь идет, прежде всего, о глоттализации как об определенном фонетическом феномене вообще, а глоттальный взрыв трактуется как вариант, разновидность реализации этого явления. В разобранной выше статье, наоборот, акцент ставился в основном на глоттальном взрыве, а глоттализация рассматривалась как один из вариантов его реализации в речи.

В отличие от Ф. Кортленда, К. Колер не затрагивает диахронический аспект анализируемых явлений, он сравнивает их артикуляционно-акустические и функциональные особенности в трех языках, выделяет сходства и различия, но не пытается связать их с происхождением этих явлений в разных языках. К. Колер пишет, что на данный момент существует достаточное количество описательных (дескриптивных) сведений о глоттализации в ряде европейских языков, однако под термином “глоттализация” не всегда понимается одно и то же явление.

В статье анализируются основные результаты исследований в этой области в английском, немецком и датском языках. Фонетические факты объясняются с точки зрения производства звуков человеческой речи вообще. Автор выявляет сходства и различия в употреблении глоттализации как “скрипучего голоса” в конце фразы, как единицы просо-

---

⁷⁷ См. там же. С.50.

⁷⁸ *Klaus J. Kohler*. Glottal stop and Glottalization. A Prosody in European Languages. // *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel (AIPUK)*. 1996, 30. P. 207-216.

дии слова, как выделения начального гласного слова и как средства для обозначения смычной (взрывной) артикуляции.

Больше всего исследований в области глоттального взрыва посвящено изучению этого явления в английском языке. К. Колер дает очень краткую историю исследования глоттального взрыва и глоттализации в английском. По его мнению, началом этих исследований была работа Э. Хиггинботтома "Glottal reinforcement in English", опубликованная в 1964 году⁷⁹, где основное внимание было уделено смычке голосовых связок, образуемой в дополнение к какой-либо ртовой смычке. В 1979 году П. Роуч в работе "Laryngeal-oral coarticulation in glottalized English plosives"⁸⁰ писал о том, что [p], [t], [k] и [tʃ] часто глоттализуются, т.е. произносятся с закрытой голосовой щелью. П. Роуч упоминал и о связанной с этим заменой ртовой смычки глоттальной⁸¹.

Но затем термином "глоттализация" ("glottalization") стали обозначать встречающиеся чаще, чем смычка голосовых связок, нерегулярные колебания связок низкой частоты ("the much more frequent occurrence of irregular low-frequency vocal fold vibration"), которые обнаруживаются и в тех случаях, которые в предыдущих работах рассматривались как случаи глоттального взрыва (с полной смычкой голосовых связок).

Исследователи М. Грайс и У. Бэрри в своей работе "Problems of transcription and labelling in the specification of segmental and prosodic structure"⁸² принимают эту точку зрения и, говоря о глоттализации как о сокращении (сжатии) голосовой щели ("glottal constriction"), различают три случая ее употребления в английском языке: усиление глухих взрывных (уже упоминавшееся в работах Э. Хиггинботтома и П. Роуча), замена [t] и выделение начального гласного ударных слогов⁸³.

То, что в более ранних работах этот вид глоттализации (т.е. нерегулярные колебания голосовых связок низкой частоты), как пишет К. Колер, не был обнаружен, объясняется несовершенством аудиторных и ларингоскопических методов исследования. Только путем инструментального анализа звучащей речи можно четко установить различия ме-

---

⁷⁹ E. Higginbottom. Glottal reinforcement in English. // Transactions of the Philological Society. 1964. P. 129-142.

⁸⁰ P. Roach. Laryngeal-oral coarticulation in glottalized English plosives. // JIPA. 1979, 9(1). P. 2-6.

⁸¹ См. об этом: K. Kohler. Ibid. P. 209.

⁸² M. Grice, W. Barry. Problems of transcription and labelling in the specification of segmental and prosodic structure. // Proceedings of the XIIth International Congress of Phonetic Sciences. Aix-en-Provence, 1991, 5. P. 66-69.

⁸³ См. об этом K. Kohler. Ibid. P. 209.

жду нерегулярными колебаниями и полной смычкой голосовых связок⁸⁴.

Еще одно более позднее исследование, проведенное Пьерхамберт⁸⁵, было посвящено изучению глоттализации (нерегулярных колебаний) в двух позициях: перед гласными в начале слова и вместо глухих (т.е. сильных, в традиционной английской терминологии) смычных перед [m], [w], [l], [st], [f] или перед другими смычными. Пьерхамберт обнаружила глоттализацию в сочетании носовой-взрывной-носовой (например, в словах: Danton, Clinton) в американском варианте английского языка, то есть там, где в британском английском она, как часто полагают, отсутствует⁸⁶.

В последней работе, упомянутой К. Колером, "Variability in glottalization of word onset vowels in American English", написанной Л. Дилли и С. Шэттек-Хафнагелем в 1995 году⁸⁷, показана большая вариативность "глоттального начала" ("glottal onset") артикуляции гласного в начале слова в американском варианте, а именно: нерегулярность колебаний связок (глоттализация), резкое падение амплитуды колебаний, придыхание⁸⁸.

Однако К. Колер отмечает, что во всех этих работах глоттализация рассматривается как сегментный элемент, как аллофон сегментного элемента, например согласного [t] или глоттального взрыва. Она понимается как элемент некоторой линейной последовательности, как некий отрезок нерегулярных колебаний, обозначаемый как сегментный элемент в транскрипции, что, на самом деле, не соответствует реальной фонетической манифестации данного явления. К. Колер предлагает считать глоттализацию "наложением" ("overlay"), характеризующим носовой согласный в некоторый отрезок времени его произнесения. Причем ее точное временное расположение по отношению к началу и концу артикуляции носового не имеет значения⁸⁹.

Что касается глоттализации в немецком языке, К. Колер дает очень сжатое обобщение результатов своих предыдущих работ (в том числе и уже рассмотренной здесь статьи "Glottal Stops and Glottalization in German"). Глоттализация в немецком языке употребляется как вариант более энергично артикулируемого глоттального взрыва или в до-

---

⁸⁴ См. там же. С. 209.

⁸⁵ J. Pierrehumbert, S. Frisch. Source allophony and speech synthesis. // Proc. ESCA/IEEE Workshop on Speech Synthesis. 1994. P. 1-4.

⁸⁶ См. K. Kohler. Ibid. P. 210.

⁸⁷ L. C. Dilley, S. Shattuck-Hufnagel. Variability in glottalization of word onset vowels in American English. // Proceedings of the XIIIth International Congress of Phonetic Sciences. Stockholm, 1995, 4. P.586-589.

⁸⁸ См. K. Kohler. Ibid. P. 210.

⁸⁹ См. там же. С. 210.

полнение к нему и встречается в трех позициях (см. также выше): перед начальным гласным слова⁹⁰, в последовательности “носовой – взрывной – носовой”, причем взрывной может быть как сильным, так и слабым (enden, Enten), и в последовательности “гласный – сильный взрывной – носовой” (особенно если взрывной – [t]: am zweiten)⁹¹.

Во втором из указанных случаев (последовательность “носовой – взрывной – носовой”) глоттализация может реализовываться как нерегулярные колебания в середине, в конце, в начале или на всем протяжении артикуляции носового. В зависимости от характера взрывного смычного (сильный или слабый), тот или иной из этих вариантов встречается в речи реже или чаще.⁹²

Итак, как и в английском языке, глоттализация в немецком не является линейным сегментом речи, по крайней мере, в окружении носовых. Нерегулярные колебания голосовых связок происходят одновременно с артикуляцией носового согласного, они как бы находятся внутри носового (“irregular glottal pulsing inside the nasal stretch”⁹³).

В датском языке глоттализация, чередующаяся с глоттальным взрывом, относится к просодическим явлениям, характерна для определенного типа слогов и связана с системой ударения⁹⁴. Такая глоттализация (или глоттальный взрыв, если слово произносится с эмфазой) называется обычно, как уже отмечалось выше в связи с работами других авторов, датским толчком (stød). К. Колер присоединяется к мнению других исследователей и отмечает, что просодическая природа датского толчка подчеркивается его связью с так называемым акцентом 1 в норвежском и шведском языках⁹⁵. Хотя с артикуляционной точки зрения глоттализация и глоттальный взрыв в датском, немецком и английском языках представляют одно и то же явление, его фонологическая функция в датском совершенно другая⁹⁶.

Во всех трех языках в рассмотренных выше случаях глоттализация может быть усилена до глоттального взрыва. Однако, помимо этого, в этих же языках существует такое явление, как “скрипучий голос” (или скрипучее качество голоса), появляющееся при расслаблении артикуляции на низкой базовой частоте⁹⁷ в конце предложения. Такая

⁹⁰ В этой статье (Glottal stop and Glottalization. A Prosody in European Languages.) не уточняется, что глоттализация имеет место перед ударным гласным не только в начале слова, но и в начале морфемы внутри слова.

⁹¹ См. там же. С. 211.

⁹² См. там же. С. 211.

⁹³ См. там же. С. 211.

⁹⁴ См. также выше о датском толчке.

⁹⁵ См. также выше.

⁹⁶ См. K. Kohler. Ibid. P. 212.

⁹⁷ О соотношении “скрипучего” голоса и частоты колебаний голосовых связок см. примечание 60 на с. 15.

глоттализация не чередуется с глоттальным взрывом, и К. Колер предлагает рассматривать ее отдельно как «просодию предложения», или «просодию конца предложения»⁹⁸ (“an utterance prosody”, “an utterance creak phonation”).

Рассмотренные здесь глоттальные явления (как в датском, так и в немецком и английском языках) представляют с точки зрения артикуляции разные степени срединного сжатия голосовых связок, соотносимые с усилением или ослаблением работы голосовых и других мышц гортани. Во всех трех языках глоттальный взрыв в различных функциях может быть связан с усилением артикуляторного напряжения, в то время как глоттализация связана с его ослаблением. Поэтому глоттальный взрыв и глоттализацию можно было бы расположить на шкале интенсивности артикуляторного напряжения⁹⁹.

С функциональной точки зрения, как уже упоминалось выше, глоттализация и глоттальный взрыв в английском и немецком языках выполняют, согласно К. Колеру, две основные функции: выделение начального гласного слова (“marking word-initial vowel onset”), а в немецком языке и начального гласного морфемы внутри сложного слова или после приставки¹⁰⁰, и обозначение смычных взрывных артикуляций (“signalling stop articulations”). Вторая функция в немецком языке реализуется в основном в слогоконечной позиции между сонорными, особенно между носовыми согласными, причем взрывной может быть как сильным (Enten), так и слабым (enden), а также после гласного перед сонорным. В последнем случае глоттализация или глоттальный взрыв могут произноситься только вместо сильных взрывных, особенно вместо [t] (например: am zweiten [-ñn]¹⁰¹ или [-?n] вместо [-tn]).

В отличие от немецкого, в английском языке, согласно К. Колеру, в слогоконечной позиции только сильные взрывные, особенно перед носовым или другим взрывным согласным (т. е. там, где нет аспирации), могут дополнительно выделяться сжатием голосовой щели (т. е.

---

⁹⁸ К. Колер не объясняет, что именно подразумевается под термином “utterance” в его работе. В одном случае он говорит об “utterance-final position”, в другом – о “terminal utterance”, имея в виду, скорее всего, конец предложения. Поэтому представляется возможным перевод этого термина словом «предложение», а сочетание “utterance prosody” можно перевести как «просодия конца предложения», хотя не совсем понятно, что К. Колер имеет в виду, говоря о «просодии конца предложения». «Скрипучий голос» (как и глоттальный взрыв) может появиться в любой позиции, а не только в конце предложения (см. об этом подробнее в работах М. В. Давыдова и Е. В. Яковлевой).

⁹⁹ См. К. Kohler. Ibid. P. 213.

¹⁰⁰ Примеры из немецкого языка см. выше в связи с более ранней статьей К. Колера (Glottal Stops and Glottalization in German.). Английских примеров глоттализации и глоттального взрыва перед начальным гласным он не приводит.

¹⁰¹ [ñ] обозначает «глоттализованный» звук [n], т. е. такой, произнесение которого сопровождается глоттализацией.

глоттализацией). В некоторых диалектах (вероятно, К. Колер имеет в виду лондонский и шотландский диалекты) глоттализация встречается и в интервокальной позиции, причем сжатие голосовой щели может совсем заменять апикальную смычку (т. е. речь идет о замене [t]). В американском варианте глоттализация возможна и на месте сильного взрывного между носовыми (например: Danton, Clinton), как и в немецком.

Сравним теперь эти случаи функционирования глоттализации и глоттального взрыва в английском и немецком языках.

В немецком языке глоттальный взрыв (в различных вариантах) перед начальным гласным является каноническим средством словораздела, который может ослабляться и исчезать при отсутствии ударения и других фонетических условий (см. также выше). В английском языке, напротив, канонический словораздел не выражен ни глоттальным взрывом, ни глоттализацией. Поэтому глоттализация и глоттальный взрыв (если мускульное напряжение увеличивается до образования полной смычки голосовых связок) появляются на границе слов при усилении ударения, т.е., можно сказать, при эмфазе¹⁰².

Другими словами, в английском языке для возникновения глоттализации или глоттального взрыва перед начальным гласным слова в качестве маркера словораздела требуется, как пишет К. Колер, сильное ударение (т.е. слово должно выделяться). В немецком языке требуется меньшая степень ударения для появления маркера словораздела, он возможен даже при полном отсутствии ударения. И в английском, и в немецком слабая маркировка границы слов может реализовываться как придыхание или простое сокращение амплитуды колебаний голосовых связок¹⁰³.

Что касается второй функции глоттального взрыва, в английском языке сильные смычные в конце слога могут выделяться сжатием голосовой щели в дополнение к ртовой и велярной смычкам¹⁰⁴. В отличие от других фонетистов¹⁰⁵, К. Колер говорит, прежде всего, о сжатии связок ("glottal compression"), т.е. о глоттализации, а не о полной их смычке при глоттальном взрыве.

Как уже было отмечено выше, К. Колер утверждает, что глоттализация встречается там, где нет аспирации: перед носовыми и перед другими смычными (взрывными). В некоторых диалектах (лондонском,

---

¹⁰² "In English... the canonical form is without a separator and a marker of increasing strength from glottal irregularity to glottal stop is inserted with increasing stress". (K. Kohler. Ibid. P. 213.)

¹⁰³ См. там же. С. 213.

¹⁰⁴ См. там же. С. 213.

¹⁰⁵ См., например, H. Sweet. The Sounds of English. Oxford University Press, 1923. P. 47; D. Jones. Ibid. P. 69-75; A. C. Gimson. Ibid. P. 167-170.

шотландском) подобное явление встречается и в интервокальной позиции, при этом глоттальное сжатие может и полностью заменять смычный¹⁰⁶.

Следует отметить, что К. Колер не рассматривает подробно соотношение и особенности употребления данного явления в произносительной норме и в диалектах. Однако он выделяет особо американский вариант, когда последний расходится с британским. Так, в американском варианте (как уже отмечалось выше) глоттализация встречается и в последовательности “носовой – взрывной – носовой”, при условии, что носовой и взрывной – апикальные¹⁰⁷.

В немецком языке глоттализация (или глоттальный взрыв), заменяющая смычный согласный, чаще всего встречается именно в последовательности “носовой – взрывной – носовой”, причем замене подвергаются как сильные, так и слабые взрывные. И носовые, и взрывные могут артикулироваться в разных местах ротовой полости. Следовательно, в немецком глоттализация в этих сочетаниях гораздо шире распространена, чем в английском¹⁰⁸.

Более того, в таком фонетическом окружении встречаются глухие носовые (“voiceless nasals”) вместо сильных и придыхательно-звонкие (“breathy-voiced”) и глухие носовые вместо слабых взрывных, образуемые благодаря щели между черпаловидными хрящами (“glottal (interarytenoidal) opening”). Полное исчезновение взрывной артикуляции (т. е. отсутствие и ротового взрывного согласного, и глоттального взрыва, и глоттализации, и даже придыхания и непрерывное произнесение носового) возможно на месте слабого взрывного, а также и на месте сильного взрывного, но только в безударных служебных словах и в частях сложного слова (например, в -zehnten в сложных числительных)¹⁰⁹.

В сочетаниях “гласный – сильный взрывной – носовой” в немецком языке глоттальное сжатие встречается реже. В отличие от английского языка, в немецком глоттализация не происходит на месте взрывного в конце слога после гласного, если за взрывным не следует носовой. В позиции между гласными взрывные не усиливаются глоттализацией в немецком языке, и апикальная смычка в этой позиции не заменяется глоттальным взрывом¹¹⁰.

В итоге своего исследования К. Колер предлагает выделять с функциональной точки зрения три “глоттализационных просодии”

---

¹⁰⁶ См. *K. Kohler. Ibid.* P. 213.

¹⁰⁷ См. там же. С. 214.

¹⁰⁸ См. там же. С. 214.

¹⁰⁹ См. там же. С. 214, 211.

¹¹⁰ См. там же. С. 214.

(“glottalization prosodies”) в “фонологии английского и немецкого языков”. Иными словами, глоттализация может функционировать как маркер вокалического словораздела, как явление, соотносимое со смычной артикуляцией, и как “скрипучее” качество голоса в конце предложения¹¹¹. Заметим, что “скрипучее” качество голоса может появляться и не только в конце предложения¹¹².

Более подробная классификация первых двух разновидностей функционирования глоттализации уже была приведена выше. Что касается «скрипучего» голоса в конце предложения, то К. Колер не дает детального объяснения, в чем заключается это явление, и ограничивается примером на немецком языке (*achtzehnten Oktober* в конце предложения), где, как он пишет, встречаются все три вида глоттализации. В заключение К. Колер подчеркивает, что в каждом языке имеются и специфические особенности рассматриваемого феномена.

Итак, как показал анализ последних исследований в области глоттального взрыва, это явление может реализовываться в речи в нескольких вариантах. Более того, простой глоттальный взрыв (с образованием полной долгой смычки голосовых связок) не является самым распространенным вариантом, в то время как глоттализация (нерегулярные колебания голосовых связок низкой частоты) встречается гораздо чаще. Хотя К. Колер и другие фонетисты подробно перечисляют, в каких позициях встречаются глоттальный взрыв и глоттализация, следует отметить, что в случае иронии, как было убедительно показано в работах М. В. Давыдова¹¹³, эти явления могут появиться **в любой позиции**.

Рассмотренные выше работы дают достаточно подробную информацию о происхождении, артикуляционно-акустических и функциональных особенностях глоттального взрыва и глоттализации, а также о фонетических условиях, в которых возможно их появление.

Тем не менее, они не позволяют сделать вывод о том, в какой мере глоттальный взрыв употребителен в произносительной норме современного английского языка и в какой мере следует включать его в курс английского произношения для филолога-иностранца. Поэтому следующим этапом нашего исследования будет анализ литературы по глоттальному взрыву и глоттализации конкретно в английском языке.

---

¹¹¹ См. там же. С. 214.

¹¹² См. также примечание 98 на с. 23.

¹¹³ См., например, М. В. Давыдов. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984. С. 62-91; М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Prosodic Images in English Speech. Moscow, 1999. P.113-122.

Л и т е р а т у р а

1. *О. С. Ахманова.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. *А. Бах.* История немецкого языка. М., 1956.
3. *К. Бруннер.* История английского языка. М., 1955.
4. *В. А. Васильев и др.* Фонетика английского языка. Нормативный курс. М., 1980.
5. *М. В. Давыдов.* Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984.
6. *В. М. Жирмунский.* Немецкая диалектология. М.-Л., 1956.
7. *В. М. Жирмунский.* История немецкого языка. М., 1965.
8. *В. М. Жирмунский.* Общие тенденции фонетического развития германских языков. // Вопросы языкознания. 1965, 1.
9. *И. П. Иванова, Л. П. Чахоян.* История английского языка. М., 1976.
10. *Б. А. Ильин.* История английского языка. М., 1968.
11. *С. Д. Кацнельсон.* Сравнительная акцентология германских языков. М.-Л., 1966.
12. *Ю. К. Кузьменко.* Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.
13. *А. С. Либман.* Исландская просодика. Л., 1971.
14. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
15. *И. М. Магидова.* Введение в английскую филологию. М., 1985.
16. *В. Я. Плоткин.* Очерк диахронической фонологии английского языка. М., 1976.
17. *М. В. Раевский.* Фонетика немецкого языка. Теоретический курс. М., 1997.
18. *А. И. Смирницкий.* Древнеанглийский язык. М., 1998.
19. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. II.
20. *М. И. Стеблин-Каменский.* История скандинавских языков. М.-Л., 1953.
21. *А. Л. Трахтеров.* Английская фонетическая терминология. М., 1962.
22. *М. В. Davydov, Y. V. Yakovleva.* Prosodic Images in English Speech. Moscow, 1999.
23. *М. В. Davydov, Y. V. Yakovleva.* Types of Voices as Part of Speech Portrayals. Moscow, 2001.
24. *A. C. Gimson.* An Introduction to the pronunciation of English. Hertford, 1970.
25. *D. Jones.* The Pronunciation of English. Cambridge University Press, 1950.
26. *Klaus J. Kohler.* Glottal Stops and Glottalization in German. // *Phonetica*. 1994, 51. P. 38-55.
27. *Klaus J. Kohler.* Glottal stop and Glottalization. A Prosody in European Languages. // *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel (AIPUK)*. 1996, 30. P. 207-216.
28. *F. Kortland.* How Old is the English Glottal Stop? // *Germanic Studies in honor of Anatoly Liberman*. Odense University Press, 1997. P. 175-179.
29. *O. G. Kosmin, G. A. Sulemowa.* Praktische Phonetik der deutschen Sprache. М., 1990.
30. *O. G. Kosmin, T. S. Bogomasowa, L. I. Hizko.* Theoretische Phonetik der deutschen Sprache. М., 1990.
31. *T. A. Rastorguyeva.* A History of English. Moscow, 1983.
32. *K. Ringgaard.* The Pronunciation of a Glottal Stop. // *Phonetica*. 1962, 8. P. 203-208.
33. *H. Sweet.* The Sounds of English. Oxford University Press, 1923.
34. *V. A. Vassilyev.* English Phonetics. A Theoretical Course. Moscow, 1970.

Анафорические элементы в системе свободной пунктуации (на материале сербского языка)

© И. Е. Иванова, 2001

Пунктуация сербского языка, являясь свободной, или логической, дает возможность пишущему принимать решение о необходимости выделения какого-либо элемента предложения, опираясь на свое ощущение данного элемента предложения как чего-то отдельного. Значительную роль в становлении и развитии такой пунктуационной системы играет практика, возникающая традиция употребления. Там, где регламентация разработана более детально (что отличает русский язык), влияние стихии письменной практики значительно меньше.

Теория сербской пунктуации, на наш взгляд, разработана недостаточно. Правила, зафиксированные, например, в действующем орфографическом кодексе (М. Пешикан, Ј. Јерковић, М. Пижурица. Правопис српског језика. Далее – ОК), сформулированы в самом общем виде. Более детальные рекомендации неполны и порой противоречивы. Так, рекомендуя выделять на письме так называемые «включенные части предложения» (судя по всему, это включения типа вводных слов, вставных конструкций, междометий и т.д.) ОК дает им определение путем негации: «при их исключении предложение не становится неполным, не приобретает недосказанности и не утрачивает основного смысла, а лишь только теряет то дополнительное значение, которое вносила включенная часть» (7, с. 259). Следуя данной установке, к включенной части можно отнести большинство второстепенных членов предложения. Рекомендации по выделению их на письме знаками препинания не отличаются четкостью: «Такие части, если являются **истинно** включенным или выделенными, обозначаются в речи и при чтении интонацией и паузами» (7, с. 259). Что понимается под «истинно включенными частями», ОК не уточняет. Единственный принцип, который четко прослеживается в рекомендациях сербских лингвистов, следующий: знаками препинания разделяется или выделяется то, что пишущий ощущает как нечто отдельное (7, с. 260).

Очень важны, следовательно, наблюдения за реальным функционированием пунктуационной системы. Некоторые явления, не отраженные в кодификации, постепенно входят в практику языкового сообщества и становятся принадлежностью нормированной письменной речи.

В результате анализа текстов, представляющих художественный, публицистический, научный стили, мы можем сделать вывод о пунктуационном выделении коннекторов. Эти элементы, обладающие анафорическим компонентом значения, проявляются на материале более широком, чем границы одного предложения, – в рамках сверхфразового единства или текста.

К элементам, выделяемым знаками препинания на основании их участия в организации текста, могут относиться перечисленные далее группы слов.

1. Вводные слова, указывающие на связь мыслей, последовательность их изложения. В абсолютном начале предложения роль вводного слова как коннектора проявляется максимально. Поэтому в данной позиции вводные регулярно выделяются знаками препинания (запятые).

Особенно ярко функция коннекторов, обеспечивающих связность текста, проявляется у модальных элементов типа **прво, друго, треће..., потом, на крају**. Ср.:

Прво, везир је избегао непосредну опасност... Друго, капицибаша је јавно носио везиру радосне вести и изванредне части... Треће, овај капицибаша био је човек омражен и на рђаву гласу... И четврто, и најважније, у Цариграду је сада пуна анархија а Мехмед-пашини пријатељи... добиће у времену... (1, с. 50).

Вообще, большинство вводных слов, стоящих в начале предложения, свидетельствуют о том, что текст начался раньше. Такие предложения не могут открывать текст. Они содержат связку, требующую опоры. Ср.:

Dokolicu, po njemu, mogu da izdrže izuzetno snažni duhovi (11, с. 19).

Знате, ...та ствар са националном слогом није баш једноставна... (10, с. 60)!

2. Обстоятельства также могут выполнять функцию коннекторов внутри текста. При описании событий, находящихся между собой в отношениях какой-либо временной соотнесенности, одним из средств связи между высказываниями являются обстоятельства времени:

Угледао сам, прво, две младе жене... Затим сам угледао селџака¹. Касније, на ивици шуме угледах срну (8, с. 15).

После тога, родила им се девојчица. Две године доцније, све је почело изнова (1, с. 104).

---

¹ Отсутствие знака препинания после **затим** объясняется действием правила, по которому запятая между модальным словом и следующей за ним энклитикой не ставится (7, с. 263).

У првим годинама брака, деда јој је био веран пратилац... Потом, једно време, ћерка јој је правила друштво...(10., с.18).

Значение соотнесенности с предыдущим контекстом несут в себе обстоятельства, выраженные наречиями **најпосле, последњи пут, напослетку, ускоро, у међувремену, изненада, наједном, одједном, онда, доцније** и другие, подобные им. Связующая функция такого обстоятельства хорошо видна при анализе примера, в котором обстоятельство **најпосле** соотносится не только с ближайшим контекстом. Оно связывает следующую за ним часть текста с предшествующей. В отрывке из романа

И. Андрича «Травницкая хроника» описываются события начала 19 века, когда в провинциальном турецком городке Травнике французский консул получает распоряжение из Парижа организовать празднование дня рождения Наполеона Бонапарта:

«”Трошкове за оркестар и декорације бала које том приликом приреди има да сноси генерални конзул сам.” Читајући ту наредбу, Давил се горко осмехнуо. Одмах су му изишли пред очи травнички музиканти, три одрпана Циганина, два бубњара и трећи са зурлом».

Консул вспоминает свою первую попытку дать прием в честь дня рождения французского императора. В тот раз не пришли ни приглашенные турки, ни католические священники, ни православный священник. Пожаловали только травницкие евреи. Праздник не соответствовал представлениям о дипломатическом приеме, это было скорее домашнее застолье. В этом контексте приобретает большее значение предложение, отмеченное выделенным инициальным обстоятельством, в котором подводится итог темы музыкального оформления торжества:

У неко доба млађи почеше и да певуше. Било је незгодно што нико није знао неку француску песму, а турске нису хтели да певају. Најпосле, Мазалита, Бенционова снаха, отпева једну шпанску романсу, тешко дишући од узбуђења и преране угојености... Безазлено весеље тога доброћудног и једноставног друштва било је све што се могло у Травнику наћи за прославу највећег владара света (1, с. 41).

Анафорический элемент может быть обстоятельством места, которое, являясь темой высказывания, обычно стоит в начале предложения: **Стару цркву коју је подигао Балша III срушили су Французи 1812. године... На рушевинама је 1847. године подигнута ова црква. Нешто даље изнад велике цркве, стоји једна мања...** (4, с. 25).

Обширную группу обстоятельств, соотносящихся с предшествующим контекстом, составляют обстоятельства причины, а также условия и уступки, располагающиеся в инициальной позиции:

Ретки су они домаћини који се могу похвалити посебном собом одређеном за обедовање, јер откада светковине нису тако честе, ове

просторије су временом добиле друге намене. *Стога*, сто за ручавање обично стоји у кухињи (2, с. 52)...

Статистички је потврђен податак, да један од десет младих који су пробали дрогу постаје наркомански зависник. *Зато*, не пробај дрогу (2, с. 48).

3. В качестве анафорических элементов могут выступать дополнения.

Соотнесенность с контекстом выражается указательными местоимениями, личным местоимением третьего лица в составе дополнения:

На северним падинама Гоча у серпентинским стенама честе су појаве магнетита. Он се јавља у жицама малих моћности по 50 см. Сем овог магнетита, у миоценским седиментима откривена су два мања конкордантана сочива магнетита (3, с.14).

Равена лежи у широкој равници Ромање...

...она путнику који се приближава не пружа слику типичног италијанског града. Нигде нема кипариса... Уместо њих, испред града се шири море светлуцавих пинија (4, с.44)...

Наиболее часто анафорические элементы находятся в абсолютном начале предложения, что связано с особенностями позиции начала предложения. Но и позиция конца предложения возможна для размещения в ней темы (части высказывания, содержащей анафорический компонент) – при экспрессивном характере высказывания:

Шта је то, сама личност аутора, или обоје, или и нешто треће што је изазвало толико угледног и честитог света међу новинарима, борцима, радницима, министрима или политичарима, на негативне рецензије већ и самих фрагмената једног текста кога још нико није видео у целини (5, с. 30)?

4. В сербској пунктуационој пракци набљудаеца выделене некотрых союзов в начале предложения. Это союзы **јер, или, али, но, него, тек, само, такође, и, уз то**. Предложение с союзом в инициальной позиции представляет собой составную часть парцелированного сложносочиненного или сложноподчиненного предложения. Употребление знака препинания справа от начального союза свидетельствует о его ударности, о наличии паузы после союза, что является одним из средств выражения различных семантических оттенков частей высказывания и их соотношения.

Чаще других выделяются союзы **јер** и **али**. Обычно во втором предложении, после выделенного **јер** следует ключ к пониманию предшествующей части текста. В приведенных ниже последовательностях предложений содержится загадка в одном и разгадка – в другом:

Сви су овде неког чекали, а ја сам се потајно надао да ће зора дуго трајати и да јутра неће бити. *Јер, најбоље сам се осећао у зору* (8, с. 32). Использование такого построения высказывания дает возможность придать тексту большую занимательность, чем авторы иногда злоупотребляют. Так, в следующем примере журналист создает псевдозагадку и псевдоразгадку, в действительности оба предложения содержат сходную информацию:

Зове се Титан Арум, а иначе је највећи и најсмрдљивији цвет на свету. Јер, ово «чудо» од два метра висине и једног метра у обиму, које потиче са острва Суматре, испушта мирис од којег је људима мука (2, с. 23).

5. Частицы – категория, обладающая некоторыми особенностями. Известно, что частицы обладают связующей функцией. Русская грамматика выделяет группу частиц-союзов (9, с. 730). Об анафорической функции некоторых частиц в русском языке пишет Т.М. Николаева: «В **вот** присутствует не только дейктический, но и анафорико-катафорический компонент» (6, с. 322).

Такие частицы, как **е**, **па**, являются прежде всего связующим элементом:

- **Знам, знам. Можеш ти све. Само једно не можеш. Не можеш да порастеш!**

- **Е, то имаш право** (1, с. 110).

Частицы могут соотноситься не только с предшествующим контекстом, но и создавать дополнительное, теневое высказывание. В таком случае основное высказывание соотносится не только с текстом, но и с дополнительным высказыванием:

Они су само људи, шапутао сам, једноставно, нисам навикао на њихов стил, све ће се средити само од себе. Шарм ће ипак победити просечност (11, с.18) (теневое, дополнительное высказывание: * *Когда я привыкну, все будет в порядке*).

То је, једноставно, беснило дивљака који су изгубили наивност (1, с. 132) (**кое-кто объясняет поведение “дикарей” более сложными причинами*).

Па, јесте ли се већ навикли на нашу средину (11, с.34) (**я помню время, когда вы еще не привыкли?*)

Помислих, чак, да су сви они дошли овамо да би умрли (8, с. 35) (**люди обычно не приходят сюда умирать*).

..истог трена, пак, смакох свој поглед и спустих га... (10, с.73) (**я не должен был опускать взгляд*).

Перечисленные в данном разделе анафорические элементы служат для создания монолитности сверхфразового единства, при этом придавая ему динамичность, глубину, способствуя развитию мысли, объеди-

няющей определенный сегмент текста. Сербской пунктуационной практике свойственно выделение таких элементов.

Л и т е р а т у р а

1. *И. Андрић*. Сабрана дела. Књ. 1. Београд, 1963.
2. Базар, 29. 5. 1998.
3. *Д. Милановић*. Краљevo и његово уже гравитационо подручје. Београд, 1973.
4. *О. Московљевић*. Светлости Медитерана. Н. Сад, 1972.
5. НИН, 20. 9. 1987.
6. *Т. М. Николаева*. От звука к тексту. М., 2000.
7. *М. Пешикан, Ј. Јерковић, М. Пижурџа*. Правопис српског језика. Н. Сад, 1994.
8. *С. Пешић*. Светло острво. Н. Сад, 1984.
9. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
10. *П. Угринов*. Фасцинације. Београд, 1981.
10. *М. Карог*. Ada. Beograd, 1980.

**К вопросу о синтаксической парадигме.
Парадигма предложений со значением
эмоционального состояния/отношения в русском языке**

© И. А. Антонова, 2001

Понятия синтагматических и парадигматических отношений между лингвистическими единицами давно и прочно вошли в научный обиход. «Парадигматические отношения являются прямым следствием системности языка, синтагматические же отношения связаны с линейностью речи...» [Реформатский 1996: 250]. Языковые единицы, которые закономерно заменяют друг друга, образуют парадигму. Еще с античных времен парадигмой называли формы одного слова: *пот – рта – рту; пишу – пишешь – пишет* и т.д. (греч. *paradeigma* – «пример, образец»), это понятие было впервые разработано в морфологии для обозначения системы форм одного слова, а перечень соответствующих форм назывался парадигмой. Затем оно стало использоваться в синтаксисе, лексике, словообразовании и даже в фонетике и стилистике. «Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения» [Трубецкой 1960: 75]. Парадигма – строго организованная, причинно обусловленная система. В книге «Русский язык. Энциклопедия» термин *парадигма* определяется следующим образом: «ряд противопоставлений языковых единиц, каждый член которого определяется отношениями к другим членам ряда» [Энциклопедия 1997: 324]. Парадигматические отношения для единиц разных уровней языка определяются по-разному, могут иметь как широкое, так и узкое значение, соответственно и этот термин приобретает разное содержание. Причем, чем выше ранг анализируемой единицы, тем труднее дается ее определение.

Синтаксическая парадигма явилась логическим продолжением идеи о возможности и необходимости сочетать синтагматические и парадигматические отношения, что определялось стремлением описать язык как функциональную динамическую структуру. Существует большое количество точек зрения по поводу того, какой круг явлений охватывает понятие синтаксической парадигмы и каков состав категорий, значимых для нее. Вклад в развитие теории синтаксической парадигмы внесли такие ученые, как Д. Уорт [Worth 1963], П. Адамец [Адамец 1966], И.П. Распопов [Распопов 1969], Т.П. Ломтев [Ломтев 1969; 1972],

Е.А. Седельников [Седельников 1961: 66-77], Н.Ю. Шведова [Шведова 1967, 1982], В.А. Белошапкова [Белошапкова 1977, 1997; Белошапкова, Шмелева 1977], Е.В. Падучева [Падучева 1985; 1996], Г.А. Золотова [Золотова 1982, 1998], М.В. Всеволодова [Всеволодова 1997; Всеволодова, Дементьева 1997; Всеволодова 2000].

Само понятие парадигмы появилось в синтаксисе в 60-х годах в русле трансформационной грамматики. Сначала парадигму предложения представляли как иерархически организованную систему различных, в том числе и межмодельных, т.е. с разной структурной схемой, видоизменений предложения (60-е годы). Первым исследованием, посвященным парадигме предложения, была работа Д. Уорта [Worth 1963], который включал в систему синтаксической парадигматики все синтаксические конструкции, связанные синонимическими, или трансформационными отношениями, как предикативные, так и непредикативные:

- 1) субпарадигмы (простые линейные парадигмы, типа – *Я писал—Я пишу—Я буду писать*, где синтаксическая структура не меняется; и простые нелинейные парадигмы, типа – *Он профессор—Он был/будет профессором*, где конкретная синтаксическая форма меняется);
- 2) комплексные парадигмы, в которых синтаксическая модель предложения преобразуется (например, изменение залога);
- 3) гиперпарадигма включала все отдельные ряды субпарадигм.

Развитие идей синтаксической парадигматики связано с именами ученых Пражской школы Р. Зимека, В. Грабе, П. Адамца, разработавших систему видоизменений (парадигму) предложения и давших определение единицы синтаксической парадигматики – структурной основы предложения [Зимек 1966; Грабе 1966; Адамец 1966]. Они рассматривали различные вопросы, связанные с трансформационными отношениями, отмечая, что трансформационная парадигма отражает функционирование языка в речи. Из логики ими было заимствовано правило синтаксической трансформации: при синтаксической трансформации одного простого предложения в другое всегда меняется информативная сторона предложения. Без коммуникативной направленности, функциональной мотивированности трансформация потеряла бы смысл. Хотя, синтаксическая синонимия не входит, как полагает Р. Зимек, в трансформационную парадигму (*Мать была больна – Мать болела; Петя был озорником – Петя озорничал; Молчи – Молчать*), т.к. эти предложения относятся к разным ядерным конструкциям. Но, по мнению В. Грабе, активные и соотносящиеся с ними пассивные предложения входят в трансформационную парадигму, а инверсии типа *Земля больше луны – Луна меньше Земли* – не входят, т.к. здесь решающую роль играют логика и лексика, а не синтаксис.

Наибольшее внимание вопросам синтаксической парадигматики уделено в работе П. Адамца «К вопросу о синтаксической парадигматике» [Адамец 1966: 76-80]. Единицами синтаксических парадигм он считает «синтаксические модели предложений на определенной ступени развернутости с компонентами, охарактеризованными в синтаксических классах, если это понадобится с точки зрения трансформационных возможностей этого предложения» [Адамец 1966: 78]. В отличие от Н.Ю. Шведовой П. Адамец включает в структурную основу предложения не только главные члены, но и второстепенные, которые определяются валентностью предиката (Т.П. Ломтев назвал это предикатной формулой). П. Адамец считает, что учитывать значение лексических компонентов необходимо, т.к. в разных предложениях слова (в частности, глаголы) ведут себя по-разному (*Брат не работает – Магазин не работает / Брату не работается – *Магазину не работается*). Н.Ю. Шведова же склоняется к лексически пустой ненаполненной структурной схеме и вводит термин структурная основа предложения. В противоположность ей Д.С. Уорт [Worth 1963] работал с конкретными предложениями, учитывая и их лексическое наполнение. П. Адамец занял промежуточную позицию, он предлагал определить лексические классы, которые будут входить в определенные модели, и назвать их охарактеризованными моделями предложений. По П. Адамцу, к одной синтаксической парадигме относятся предложения с одинаковой охарактеризованной моделью (общая семантика и одинаковое функционирование). Например: *Отец боится за сына. Мать беспокоится за отца. Я тревожусь за тебя.* или *Брат кладет книгу на полку. Сестра ставит лампу на стол. Я вешаю картину на стену* (по Т.П. Ломтеву – парадигматические серии). Все преобразования этих предложений тоже относятся к одной парадигме, считал П. Адамец [Адамец 1966]. Он отмечал, что каждое предложение обычно входит в несколько парадигматических рядов. Есть парадигматические ряды в рамках одной модели (по Е.А. Седельникову – внутренние трансформации: изменение в предложении времени, наклонения, модальности); и парадигматические ряды, включающие трансформированные синтаксические модели (по Е.А. Седельникову – межмодельные трансформации: изменение залога и др.). В понимании пражской школы синтаксическая парадигма – это сложная, иерархически упорядоченная структура, для которой ядерное предложение является исходной формой, а парадигму составляют все трансформы, модификаты и варианты:

1) трансформации (комплексные парадигмы по Д. Уорту, межмодельные трансформации по Е.А. Седельникову), характеризующиеся стабильностью содержательной стороны и изменениями в структуре ядерного предложения: *Директор утвердил приказ -- Приказ был утвер-*

жден директором; Я запомнил его лицо – Мне запомнилось его лицо; Его слова обрадовали меня – Я обрадовался его словам; каждая трансформация имеет свою коммуникативную функцию – меняется перспектива сообщения, модальность, стилистическая окрашенность;

2) модификации (субпарадигмы по Д. Уорту, парадигматические ряды по Т.П. Ломтеву, внутренние трансформации по Е.А. Седельникову), предполагающие изменение модального или фазисного значения в результате введения нового элемента – модификатора: *Я приду – Я могу прийти; Павел был в комнате – Павла не было в комнате; Я работаю – Я начинаю работать;* смысл сообщения меняется, но сохраняются обобщенно-семантические отношения;

3) вариации (простые нелинейные парадигмы по Д. Уорту, внутренние трансформации по Е.А. Седельникову), предполагающие изменение морфологических категорий отдельных компонентов (время, вид, наклонение, число) при полном сохранении синтаксической структуры и количества компонентов: *Я читаю / читал, буду читать книгу; Ребенок играет – Дети играют.*

В соответствии со взглядами представителей Пражской школы в рамках парадигмы переход от одной синтаксической единицы к другой осуществляется по строго определенным правилам от чисто смысловой, глубинной структуры к реальным, естественным, реализующим этот смысл предложениям.

Другой взгляд на парадигму предложения представлен в работах Е.А. Седельникова [Седельников 1961] и Н.Ю. Шведовой [Шведова 1967; 1982]. В узком понимании синтаксическую парадигму представляли как систему внутримодельных преобразований предложения по наклонению, времени, лицу, близкой по принципам к морфологической парадигме. Е.А. Седельников [Седельников 1961] считал, что в речи господствуют синтагматические отношения, это является следствием линейности речи, протяженности во времени (устная речь) или во времени и пространстве (письменная речь). «Поскольку речь всегда линейна, в ней не могут иметь место ассоциативные отношения. А в языке могут быть (как в системе лингвистических единиц) и синтагматические и ассоциативно-парадигматические отношения» [Седельников 1961: 73]. Автор статьи предлагает парадигму форм предложения по аналогии с парадигмой форм слова. Основное внимание в работе Е.А. Седельникова уделяется внутримодельным преобразованиям при четком отграничении их от межмодельных. С понятием парадигмы связываются только внутримодельные преобразования; неизменность структуры предложения – обязательное условие объединения нескольких предложений в парадигму, подчеркивает Е.А. Седельников. Исследователь включает в состав одной парадигмы такие предложения, которые различаются раз-

ными формами одного глагола по категории времени и лица (*Я пишу, Ты пишешь, Он пишет* – формы одного предложения) [Седельников 1961: 70]. Введение понятий формы и модели простого предложения посредством применения парадигматического анализа позволяет уточнить характер трансформаций, полагает Е.А. Седельников. Так, внутренние трансформации – это преобразования форм предложения в пределах одной модели; а внешние трансформации – это межмодельные трансформации (*Плотники строят дом. – Дом строится плотниками. Будет гроза. – Быть грозе.*). В понимании Н.Ю. Шведовой парадигма предложения – это «совокупность всех регулярно существующих в системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени. Парадигма предложения есть система его форм» [Шведова 1967: 10]. Для Н.Ю. Шведовой главным показателем является предикативность предложения как его грамматическое значение (комплекс модально-временных значений), на этой основе она и строит свою парадигму, причем вся система форм предложения, выражающая его предикативность, является парадигмой этого предложения. Как известно, Н.Ю. Шведова выделяет шесть видов модального значения (индикатив, сослагательное, условное, желательное побудительное, долженствовательное наклонения), а в индикативе три времени – эти параметры и составляют парадигму предложения при формальном определении этого понятия. Взгляды Н.Ю. Шведовой на парадигму предложения отражены в «Русской грамматике»: «Парадигматические отношения в синтаксисе могут пониматься или широко, как принадлежащие языковой системе отношения конструкций с близкими грамматическими значениями, или более узко, как формальные изменения самой конструкции. В «Русской грамматике» принято это последнее понимание: к парадигматическим изменениям относится формоизменение, т.е. такое изменение синтаксической единицы, при котором ее основное, категориальное значение предстает в своих частных проявлениях...» [Шведова 1982: 9-10].

Понятие синтаксической парадигмы предложения как системы межмодельных преобразований было развито И.П. Распоповым [Распопов 1969] и Т.П. Ломтевым [Ломтев 1969; 1972] (конец 60-х – 70-е годы). Для И.П. Распопова [Распопов 1969] в определении парадигмы важно изменение грамматической структуры предложения при тождестве ситуации. В его представлении парадигму составляют предложения: *Кто-то постучал в дверь. – В дверь постучали; Волна уносит лодку в море. – Лодку уносит в море* (по способам представления субъекта); *Отец встречается с сыном. – Отец встречает сына; Бухгалтер составляет смету. – Смета составляется бухгалтером; Товарищ*

вспомнил эту историю. – Товарищу вспомнилась эта история (по категории залога). Парадигма коммуникативного синтаксиса, считает автор, это система видоизменений, связанных с изменением целевого назначения предложения (повествовательный, вопросительный и побудительный типы) и с развертыванием его коммуникативной перспективы, которое «осуществляется (главным образом за счет порядка слов и интонации) в соответствии с определенным коммуникативным заданием и проявляется в соотношении компонентов его... актуального членения – темы и ремы» [Распопов 1969: 7]. Таким образом, парадигма предложения связана у И.П. Распопова прежде всего с единством пропозиции предложения и не ограничивается внутримодельными преобразованиями. Т.П. Ломтев в своей последней книге, которую выпустили уже его ученики, «Предложение и его грамматические категории» [Ломтев 1972] убедительно доказывает, что предложения, как и слова, обладают грамматическими категориями, в которых проявляются их грамматические свойства, а состав грамматических категорий простого предложения не совпадает с составом грамматических категорий слова. «Если в морфологии в одну парадигму объединяются разные формы одного слова, то в синтаксисе парадигма образуется набором предложений», – пишет он, отстаивая широкий взгляд на парадигму «предложений», а не предложения [Ломтев 1972: 38].

К широкому пониманию синтаксической парадигмы относится и синтаксическая деривация, деривационная парадигма предложения, выдвинутая В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой [Белошапкова, Шмелева 1977] (80-90-е годы). Система регулярных реализаций В.А. Белошапковой [Белошапкова 1977; 1997: 752-763] включает и системные видоизменения, не связанные с выражением предикативности, она обращается к смысловой организации предложения. В русле деривационного синтаксиса возникло принципиально новое понятие деривационной парадигмы, которая объединяет предложения, соотносящиеся как исходное и производное. Производная конструкция отличается от исходной осложнением смысла и изменением формы. Обязательным требованием для предложений, составляющих деривационную парадигму является единство пропозиции, конкретной ситуации действительности. Понятие регулярности у В.А. Белошапковой перекликается с мнением представителей Пражской школы о том, что переход от одного типа предложений к другому возможно осуществить по строго определенным правилам. При образовании таких предложений сохраняется без изменения все их объективное содержание, но в значение вносятся, обогащая его, некоторые дополнительные оттенки. Структурная схема «допускает определенное варьирование, которое сопровождается некоторыми изменениями смысла предложения или экспрессивно-

стилистической окраски» [Белошапкина 1997: 744]. Но В.А. Белошапкина отмечает, что от межсхемных парадигматических соотношений деривационного типа надо отличать синонимические отношения между предложениями, построенными по разным структурным схемам. Их отличие, в частности, заключается в том, что, «в синонимическом ряду не выделяется исходной (семантически более простой) и производной (семантически более сложной) конструкций» [Белошапкина 1997: 763]. Отношения синонимии существуют, например, между активными и пассивными конструкциям (*Град побил посе́вы. – Посе́вы побиты градом. – Посе́вы побило градом.*), между предложениями со значением эмоционального содержания/отношения (*Он грустит. – Ему грустно. – Он грустен. – Он в грусти*). Концепция В.А. Белошапкиной представляет более широкий взгляд на систему дериватов предложения, не ограничивая их рамками лишь структурной схемы. Развивая эту концепцию, в 2001 г. на международном конгрессе в МГУ, выступила ученица В.А. Белошапкиной О.Н. Петрова с докладом «Принципы построения синтаксической деривационной парадигмы» [Петрова 2001: 218].

Основываясь на семантическом подходе к синтаксису, Г.А. Золотова предложила концепцию синтаксического поля предложения [Золотова, 1982], которую развивает М.В. Всеволодова [Всеволодова 1997; Всеволодова, Дементьева 1997; Всеволодова 2000]. «Синтаксическое поле предложения – это система, объединяющая вокруг исходной структуры предложения ее регулярные грамматические и структурно-семантические модификации и синонимические преобразования» [Золотова 1973: 201]. В подробно структурированном синтаксическом поле предложения для представления разных смыслов, связанных одной и той же типовой ситуацией (пропозицией) выявляются регулярные видоизменения в определенных формальных границах определенной формальной структуры предложения. Для выяснения причин различного поведения в синтаксическом поле предложения формально тождественных структур необходимо рассматривать смысловую устроенность предложения. Синтаксическое поле предложения может более полно представить парадигму и реально показать этапы формирования предложения.

Как уже говорилось, основанием для объединения разных моделей предложений в одну парадигму в синтаксическом поле является «одно и то же событие», т.е. пропозиция, как и у В.А. Белошапкиной. Исходя из широкого понимания парадигмы предложения, можно выделить три ее вида: синтаксическую, актуализационную и трансформационную парадигмы [Всеволодова 2000: Савосина 2000: 66]. Трансформации предложения не бессистемны, как отмечает М.В. Всеволодова [Всеволодова 2000: 214]. Преобразования предложений могут иметь внут-

римодельный характер, связанный с изменением лица или модальности, и межмодельный характер, связанный с изменением модели предложения:

1) внутримодельные преобразования – модификации – в своей совокупности составляют **синтаксическое поле, или синтаксическую парадигму предложения;**

2) в межмодельных преобразованиях изменение порядка словоформ может привести к необходимости изменения формы одного из компонентов, а иногда интонационного рисунка предложения: например, ядерное предложение – *Техники **получают** кислород гидролизом/методом гидролиза воды* → *Для **получения** кислорода используют/применяют метод гидролиза воды*. Такие актуализационные модификации составят **актуализационную парадигму предложения;**

3) к виду межмодельных преобразований относятся и **перефразировки**, т.е. частичное или полное изменение модели предложения, которое тоже зависит от коммуникативной цели говорящего. К перефразировкам можно отнести изменение формы имен некоторых участников при сохранении основной модели предложения, появление связочных вариантов; использование описательного предиката; конвертирование, т.е. изменение направления отношений; выбор другой модели предложения, выражающей другие отношения [Всеволодова 2000: 429]. Такие перефразировки составляют **интерпретационную (или трансформационную) парадигму предложений**, которые, оформляют подачу предложения и относятся к коммуникативным механизмам.

С. Н. Цейтлин в своей работе «Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика» [Цейтлин 1976] убедительно доказывает, что ряд предложений, выражающих эмоциональное отношение/состояние [предложения ЭО/С] максимально может состоять из 6 конструкций, где предикаты могут быть выражены **глаголами, краткими страдательными причастиями, существительными, словами категории состояния** (предикативами): 1) *Он тревожился за сына.* 2) *Мне тревожно.* 3) *Он тревожен.* 4) *Он встревожен этим известием.* 5) *У него тревога за судьбу дочери.* 6) *Все в тревоге.* Как уже было сказано, между предложениями ЭО/С существуют синонимические отношения: *Он грустил из-за отсутствия шевелюры.* – *Ему было так грустно.* – *Он грустен сегодня.* – *У него в глазах глубокая грусть от всего случившегося.* Пропозиция одна (*Он грустный.* или *Он тревожен.*), но какая конструкция предложения является исходной, более элементарной, а какая – производной? Поскольку на этот вопрос нет ответа, то можно сделать вывод, что деривационных отношений в этой парадигме нет. Следовательно, рассматриваемая парадигма не может быть названа деривационной. В синтаксическом поле предложения этот

синонимический ряд можно отнести к межмодельным преобразованиям – перефразировкам, т.к. происходит изменение модели предложения, которое зависит от задачи говорящего, основание для приведения предложений в одну парадигму тоже есть – описание одного и того же события/состояния [Антонова 1999: 57-70].

Синонимические перефразировки необходимы для того, чтобы «выразить оптимальным образом данное содержание и разного рода акценты, контрасты, меняющиеся фокусировки и проч.» [Падучева 1985: 111]. Парадигма предложений ЭО/С, относящаяся к синонимическим перефразировкам, является интерпретационной, она меняет ракурс подачи события: *Он горевал о прошедшей напрасно жизни. Он был в горе, в досаде, роптал на весь белый свет. Ох, горько мне* [Антонова 1999: 57-70]. Термин ‘интерпретационная парадигма’ предложила В.А. Белошапкина [Савосина 2000: 66], М.В. Всеволодова разработала это понятие в книге «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса» [Всеволодова 2000: 214, 429]. Предложения, входящие в одну интерпретационную парадигму, служат для решения определенных коммуникативных задач, для разного ракурса подачи события, пропозиции. По классификации Г.А. Золотовой и М.В. Всеволодовой в синтаксическом поле предложения парадигма предложений ЭС/О относится к монопредикативным синонимическим вариациям/вариантам, т.е. к периферийной зоне. В нашем представлении такую шестичленную парадигму следует признать интерпретационной, относящейся к трансформационному типу.

Л и т е р а т у р а

- Адамец П.* К вопросу о синтаксической парадигматике // *Československá rusistica*, XI, 1966. № 2.
- Антонова И.А.* Материалы к парадигме предложений со значением эмоционального состояния/отношения // *Язык. Сознание. Коммуникация*, М., 1999. Вып. 7. С. 57-70.
- Белошапкина В.А., Шмелева Т.В.* Деривационная парадигма предложения // *Вестник МГУ. Серия: Филология*, М., 1977. № 1.
- Белошапкина В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Белошапкина В.А.* (Отв. ред.) Современный русский язык. М., 1997.
- Всеволодова М.В.* Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка // *Вестник МГУ. Серия: Филология*, 1997, № 1.
- Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений, М., 1997. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса, М., 2000.
- Грабе В.* Общее значение синтаксической конструкции и трансформация // *Československá rusistica*, XI, 1966. № 2.
- Зимек Р.* Семантический аспект синтаксической трансформации // *Československá rusistica*, XI. 1966. № 2.

- Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка, М., 1973.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса, М., 1982.
- Золотова Г.А., Ошипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка, М., 1998.
- Ломтев Т.П.* Парадигматика предложений на основе конвертируемости отношений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
- Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Петрова О.Н.* Принципы построения синтаксической деривационной парадигмы // Русский язык. Исторические судьбы и современность, Международный конгресс. Труды и материалы. М., МГУ, 16.03.2001 г. М., 2001. С. 218.
- Распопов И.П.* Несколько замечаний о синтаксической парадигматике // Вопросы языкознания, 1969. № 4.
- Реформатский А.А.* Введение в языковедение, М., 1996.
- Савосина Л.М.* Трансформационная парадигма предложения и ее соотносительность с актуализационной парадигмой // Вопросы языкознания, № 1, 2000. С. 66-74.
- Седельников Е.А.* Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филологические науки, 1961, № 3. С. 66-77.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Цейтлин С.Н.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика / Под ред. Г.А. Золотовой. М., 1976.
- Шведова Н.Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
- Русская грамматика / Под ред. *Н.Ю. Шведовой*. Т. 2. М., 1982.
- Русский язык. Энциклопедия, М., 1997.
- Worth D.L.* The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and Slavic languages // In: American contributions to the V International congress of slavists, Sofia, 1963, the Hague.

**К вопросу о трансформационной парадигме
сложного предложения
(на материале предложений,
выражающих причинно-следственные отношения)**

© Е. Н. Виногорова, 2001

Трансформационную парадигму, являющуюся частью коммуникативной парадигмы [Всеволодова 2000], составляют предложения, которые, сохраняя характер отношений предцирования, представляют собой различные синтаксические модели; в случае сложного предложения – это другие типы сложных предложений. В частности, причинно-следственные отношения (ПСО) могут "надевать маску" других отношений таких, как определительные, локативные, временные, изъяснительные, местоименно-соотносительные, меняя таким образом формальный тип предложения без изменения смысла; вносятся лишь дополнительные оттенки значений. В данной статье мы остановимся лишь на трансформациях сложноподчиненных предложений (СПП) с придаточными причины в СПП с придаточными локативными и определительными¹, которые обладают рядом общих свойств. В связи с тем, что не каждое сложное предложение, выражающее ПСО, может трансформироваться в локативное или определительное, рассмотрим ограничения, накладываемые языком на такие трансформации, – условия дополнительной дистрибуции (УДД)². За исходное возьмем СПП с придаточным причины. *Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчас отстал, потому что не*

---

¹ Отметим, что в настоящее время такие предложения обычно попадают в один класс либо определительных придаточных [Краткий справочник 1995], либо присубстантивно-атрибутивных придаточных [Современный русский литературный язык 1999], [Современный русский язык 2001] и др. Синонимия местоимения **который** и союзных слов **где, куда, откуда** при определяемых существительных с пространственным значением отмечалась давно. См. [Гвоздев 1967], [Шувалова 1988,1990] и др. М.И.Черемисина и Т.А.Колосова [Черемисина, Колосова 1987] считают **где, куда, откуда** аналогами местоимения **который** и рассматривают их как анафорические представители имени, обеспечивающие сохранение референционного тождества. В целях преподавания РКИ представляется удобным на первом этапе рассматривать данные предложения отдельно.

² Под условиями дополнительной дистрибуции мы понимаем формальные, объективные факторы, определяющие выбор средств. "УДД не только "запрещают", но и "разрешают" взаимозамену форм, обуславливая... взаимозаменяемость/невзаимозаменяемость языковых единиц". [Всеволодова 2000, 388].

хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах.
(Лермонтов)

1. Трансформации СПП с придаточным причины³ в СПП с определительным придаточным:

*Тщеславие и охота быть как другие довершили кружение головы; я уверила себя, что страстно люблю князя Гремина, **потому что** он казался мне достойным такой любви.* (Лермонтов)

*Тщеславие и охота быть как другие довершили кружение головы; я уверила себя, что страстно люблю князя Гремина, **который** казался мне достойным такой любви.*

1.1. УДД, разрешающее трансформацию.

Одним из основных УДД, разрешающим трансформацию причинного предложения в определительное, является наличие в главном и придаточном предложении общего актанта, к которому и будет относиться придаточное предложение, другими словами, необходима ко-референтность актантов.

Необходимо отметить, что при такой трансформации придаточное предложение передвигается непосредственно к актанту, от которого оно зависит, часто меняя таким образом его коммуникативную структуру.

*Важное сведение, по-видимому, действительно произвело на путешественника сильное впечатление, **потому что** он испуганно обвел глазами дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту.*
(Булгаков)

*Важное сведение, по-видимому, действительно произвело на путешественника, **который** испуганно обвел глазами дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту, сильное впечатление.*

Статус причины при такой трансформации значительно понижается, так как она уходит в парентезу, т.е. становится компонентом, при-мыкающим к одной из частей интонационно, синтаксически и по смыс-

---

³ Что касается сложных предложений с маркированным следствием, формально трансформация кажется возможной, однако, представляется, что в этом случае предложение теряет общий смысл обусловленности и ситуации становятся лишь соположенными во времени. Ср.: *Аннушка порядком всем надоела, поэтому следователь замахал на нее пером.* *Аннушка, **на которую** следователь замахал пером, порядком всем надоела. Представляется, что причинная ситуация легче вычленяется и характеризуется в сознании людей. Видимо, этим также обусловлена возможность парентезы немаркированной причинной ситуации: *Сегодня многие – на улицах были заносы – опоздали на работу.* Слушающий легко устанавливает ПСО при отсутствии экспликации смысловых отношений в нетипичной позиции. Немаркированная же следственная ситуация, по-видимому, не может уходить на второй план, так как слушающий не может однозначно установить смысловые отношения.

лу. Говорящий не привлекает внимание к причине данного события, а лишь упоминает о ней, оставляя на втором плане.

1.2. УДД, запрещающие трансформацию.

1.2.1. Придаточное предложение относится к актанту, выраженному местоименным существительным (например, (а) личным, (б) отрицательным), а также местоименным прилагательным (в). Например:

(а) ...его слова врезались в памяти у **меня**, **потому что** в первый раз я слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека... (Лермонтов)

(б) Сюда при них никто не смел приходить и садиться, **потому что** инженеры во всякое время могли его подавить грандиозностью своего поведения. (Лесков)

(в) Пан Колонтай принадлежал к общему разряду стариков, для которых все настоящее дурно и все минувшее прекрасно, **потому что** тогда они были молоды и могли блистать. (Бестужев-Марлинский)

Эти предложения невозможно трансформировать. Однако, если заменить местоимение именем, то трансформация вполне возможна:

(а) ...его слова врезались в памяти у **Максим Максимыча**, **который** в первый раз слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека...

(б) Сюда при них рабочие, **которые** инженеры во всякое время могли подавить грандиозностью своего поведения, не смели приходить и садиться.

(в) Для стариков, **которые** тогда они были молоды и могли блистать, все настоящее дурно и все минувшее прекрасно.

1.2.2. Актант, к которому относится придаточное предложение, пропущен в поверхностной структуре предложения.

Ср.: невозможность трансформации:

*Но палят с такою сноровкою, что даром огня не тратят, а берегут зелье на верный вред, **потому что** знают, что у нас снаряду не в пример больше ихнего...* (Лесков) Однако, при подстановке актанта трансформация возможна: *Но палят черкесы, **которые** знают, что у нас снаряду не в пример больше ихнего, с такою сноровкою, что даром огня не тратят, а берегут зелье на верный вред...*

1.2.3. Последовательность действий, запрещающая трансформацию, то есть трансформация невозможна, когда в предложении есть какие-либо дополнительные действия, несвязанные с ситуацией каузирования.

*Римский ещё прокричал какую-то угрозу, но замолчал, **потому что** почувствовал, что в трубке его никто уже не слушает.* (Булгаков)

Трансформация здесь невозможна, потому что **Римский** сначала **прокричал** что-то в трубку и только потом **замолчал**. Трансформации препятствует **прокричал**. Ср.:

*Римский замолчал, **потому что** почувствовал, что в трубке его никто уже не слушает. Римский, **который** почувствовал, что в трубке его никто уже не слушает, замолчал.*

1.2.4. Если придаточное предложение само подчиняет себе цепочку придаточных (особенно определительных), то трансформация значительно затрудняется.

*Для него всякое событие, даже и то, которое навело страх для других, есть находка, **потому что** дает пищу его догадкам и соображениям, которыми он доволен как артист своим трудом. (Гоголь)*

*Для него всякое событие, даже и то, которое навело страх для других, есть находка, **которая** дает пищу его догадкам и соображениям, которыми он доволен как артист своим трудом.*

1.2.5. Представляется, что затрудняет трансформацию наличие определения к данному актанту как в главном предложении:

*Я не назову вам этого француза, **потому что** он жив и довольно известен. (Лесков)*

Я не назову вам этого француза, **который жив и довольно известен.*

*Аммалат-бек в раздумье повторил эти слова, **потому что** их оправдывал. (Бестужев-Марлинский)*

Аммалат-бек в раздумье повторил эти слова, **которые оправдывал.*

1.2.6. Если общий участник выражен обращением, а главное предложение побудительное:

*И отстань, брат, Христа ради, **потому что** ты беспачпортный... (Лесков)*

*Он попросил брата, **который** был беспачпортным, отстать...*

1.2.7. Если придаточное предложение состоит только из 2 слов, сопряженных отношением предцирования, особенно, если это предложение характеристики. Ср.:

*Ни звука не ответила Елена, **потому что** была горда. (Булгаков)*

Ни звука не ответила Елена, **которая была горда.*

*Трус обласкан везде, **потому что** он смиренный мальй... (Лермонтов)*

** Трус, **который** смиренный мальй, обласкан везде...*

Отметим, что обратная трансформация возможна при наличии в предложении ПСО. Ср.:

С той поры в эту прокаженную нору никто не входил, потому что и сам страж темничный, бесстрашный Раввула, боялся прикос-

нуться к глине, **на которой** сидел и **о которую** терся прокаженный. (Лесков)

*С той поры в эту прокаженную нору никто не входил, потому что и сам страж темничный, бесстрашный Раввула, боялся прикоснуться к глине, **потому что** на ней сидел и об нее терся прокаженный.*

2. Трансформации в СПП с придаточными места и направления с союзными словами **где, куда, откуда**.

2.1. УДД, разрешающее трансформацию.

Основным условием данной трансформации является наличие указания на пространство в главной части предложения; действие причинной ситуации должно быть ориентировано относительно этого пространства. Таким образом, эти предложения коррелируют с определительными предложениями, так как для трансформации также необходима кореферентность актантов. Союзные слова (а) **где**, (б) **куда**, (в) **откуда** являются такими же определительными словами как и **который**.

(а) *В ауле они опасные соседи, **потому что**, встречаясь с ними, надо всегда держать курок на взводе.* (Бестужев-Марлинский)

*В ауле, **где**, встречаясь с ними, надо всегда держать курок на взводе, они опасные соседи.*

(б) *И окончательно взяло столпника отчаяние, что вечность запусеет, **потому что** нет людей, достойных перейти в оную.* (Лесков)

*И окончательно взяло столпника отчаяние, что вечность, **куда** людей, достойных перейти, нет, запусеет.*

(в) *Я сирота; мой отец меня оставил, когда я была ребенком, и отправился бог знает куда – верно, очень далеко, **потому что** он не возвращался⁴.* (Лермонтов)

*Я сирота; мой отец меня оставил, когда я была ребенком, и отправился бог знает куда – верно, очень далеко, **откуда** он не возвращался.*

2.2. УДД, запрещающее трансформацию.

Трансформация невозможна, если действие придаточного предложения имело место не в рамках пространства главного предложения. Так, предложение *Я поеду с ним в Парголово, **так как** ехать в Москву одному у меня нет ни желания, ни мужества*; невозможно трансформировать в сложноподчиненное с локативным придаточным, однако, если действие придаточного предложения имеет место в рамках пространства главного, трансформация становится возможной. Ср.: *Я поеду с ним в Парголово, **куда** ехать одному у меня нет ни желания, ни мужества.* (Пушкин)

---

⁴ Отметим, что это предложение логического вывода. Строго говоря, мы их не рассматриваем, но интересно заметить, что они видимо, обладают сходной трансформационной парадигмой.

Итак, УДД, разрешающим трансформацию СПП с придаточным причины в СПП с придаточными определительным и локативным, является требование кореферентности актантов, причем при такой трансформации придаточное предложение перемещается к актанту, от которого оно зависит. Таким образом, СПП с определительными придаточными, характеризующими локус, обычно взаимозаменяемы с СПП с локативными придаточными. Ср.: *Он кинулся к бастиону, на котором не было пушки.* (Пушкин) *Он кинулся к бастиону, где не было пушки.*

Так мы пришли к густой заросли, в которую пролезть мог только Ярик ...(Пришвин) *Так мы пришли к густой заросли, куда пролезть мог только Ярик.*

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000.
2. *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч.2. Синтаксис. – М.: Просвещение, 1967.
3. Краткий справочник по современному русскому языку. – М.: Высшая школа, 1995.
4. Современный русский литературный язык. Под ред. *Леканта П.А.* – М.: Высшая школа, 1999.
5. Современный русский язык. Под ред. *Новикова Л.А.* – СПб: Лань, 2001.
6. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории СП. – Новосибирск: Наука, 1987.
7. *Шувалова С.А.* Использование результатов классификации СП для построения "Фрагмента идеографической грамматики" // Идеографические аспекты русской грамматики.-М.: Изд-во Московского ун-та, 1988.
8. *Шувалова С.А.* Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990.

Бытийные предложения с у-локализатором (логический тип): характеризационные предикаты

© Ю Джен Хи (Республика Корея), 2001

1. Вводная часть

Предложения с у-локализатором (термин введён Н. Д. Арутюновой) составляют в русском языке большую и достаточно разнородную по передаваемому содержанию группировку моделей, среди которых встречаются предложения разных логико-грамматических типов, в частности логические бытийные предложения характеристики. Предикаты относятся к денотативному уровню предложения и не тождественны логическому типу бытийных предикатов, выделенных Н. Д. Арутюновой (1976), поэтому мы вслед за М. В. Всеволодовой различаем логические типы предложений и денотативные типы предикатов. На денотативном уровне предложения различаются как реляционные: *У меня есть книга*; статальные: *У меня депрессия*; характеризационные: *У него борода и усы*, акциональные: *У нас авария*, собственно бытийные: *У меня есть соль*. В предложениях с у-локализатором с характеризационным денотативным предикатом позицию подлежащего занимает не субъект бытования, а какой-то внешний признак, наблюдаемое отличительное свойство субъекта. Предметом нашей статьи являются логические бытийные и отличающиеся от них связочные предложения с у-локализатором, которые содержат характеризационный денотативный предикат.

2. Общее представление о характеризационном предикате

Класс характеризационных предикатов включает в себя предложения с предикатами качества и количества. Этот класс составляют предложения двух принципиально разных моделей – модель бытийного логического типа (со знаменательным бытийным глаголом быть во всех формах времени), например: *У неё родинка*; *У него веснушки по всему лицу*, и модель связочная (с глаголом-связкой), например: *У него голубые глаза*; *У неё лёгкая фигура*.

Существует несколько критериев разграничения бытийных и связочных моделей:

1. Отрицательная модификация бытийного предложения образуется с использованием слова нет, а отрицательная модификация связочного предложения включает в себя частицу не при имени предикативного признака: *У него уже нет шрама на щеке*; *У него нет родинки* (бытий-

ные предложения); *У него не карие глаза; Он не кареглазый* (связочное предложение).

2. Фазисная модификация связочной модели содержит глаголы *стать, делаться / сделаться*, а бытийной – *появиться*, например: *От злости нос у него сделался красным, а глаза стали узкими, почти как у кошки; Когда он волнуется, ладони у него делаются потными* (связочные предложения); *Иногда у Вали появляются пятна на щеках; Из-за длительного пребывания на солнце у неё появились веснушки* (логические бытийные предложения).

3. В связочном и бытийном предложении глагол *быть / будет* произносится по-разному: в бытийном предложении глагол интонационно выделяется, например: *Я помню: у него была родинка на плече*; в предложении связочного типа интонационно выделяется не глагол, а предикативное определение, например: *Я помню: у неё были голубые глаза; Из-за твоих экспериментов с краской у меня скоро будут синие волосы*.

4. У-локализатор в предложениях связочного типа может быть преобразован в определение со значением принадлежности, например: *У него шатающаяся походка. – Его походка шатающаяся; У Маши чёрные глаза. – Машины глаза чёрные*, а в логических бытийных предложениях это невозможно, ср. недопустимость преобразования: *У него борода и усы – *Его борода и усы (есть)*.

Однако не все синтаксисты склонны разделять бытийную и связочную модель характеристического и собственно бытийного предиката. Так, Е. Н. Ширяев и Н. Д. Арутюнова считают, что все эти модели можно назвать собственно бытийными. Они объединяют предложения типа *У него борода* и *У неё голубые глаза* в один тип – бытийные предложения, в которых областью бытия является личность человека. Нам кажется, что такое утверждение несколько противоречиво: информацию о существовании / наличии предмета в мире несёт бытийный предикат, а признаковое, качественное значение присуще именно характеристическому предикату.

В зависимости от передаваемого предложением типового значения выделяются несколько семантических разновидностей предложений характеристики:

1. Предложения с типовым значением «Субъект и его факультативный внешний признак»: *У него усы*.

2. Предложения с типовым значением «Субъект и его обязательный внешний признак»: *У него голубые глаза*.

3. Предложения с типовым значением «Объект и его факультативный признак»: *У краски (неприятный) запах*.

4. Предложения с типовым значением «Объект и его обязательный признак»: *У реки большая глубина.*

Предложения с характеристизационным предикатом способны передавать следующие признаки:

1. Отчуждаемые, факультативные признаки: *шрам, борода, волосы, щетина, усы* и др.: *У него есть усы / У него нет усов; У девочки шрам на подбородке / У девочки нет шрама на подбородке* (наличие таких характерных внешних признаков не является обязательным). Определение квалитативного или квантитативного типа при таких именах обычно также факультативно, например: *У него длинная / густая борода* и *У него борода.*

2. Неотчуждаемые, обязательные, облигаторные признаки: *ноги, руки, кожа, спина, глаза, зрачок, хвост, лапа, рост* и др. Это сущностные признаки, они должны присутствовать как постоянные, если речь не идёт о патологии, например: *У тебя есть ноги и руки, а у меня вот нет ног* (т.е. субъект является инвалидом без ног). При таких именах наличие квалитативного или квантитативного определения необходимо, например: *У вас прекрасные задумчивые глаза* (нельзя сказать *У вас глаза); *У моей сестры длинный нос* (нельзя сказать **У моей сестры нос*); *У пса купированный хвост* (нельзя сказать *У пса хвост).

Без обязательного употребления определения могут быть построены предложения с конструкциями сравнения и с метафорическим значением соматизмов: *У неё не рука, а лапа (У неё очень большие по размеру и некрасивые руки).*

3. Неотчуждаемое свойство: *У глины высокая пластичность (Глина очень пластичная); У сахара хорошая растворимость в воде (Сахар хорошо растворяется в воде).*

Предложения с характеристизационным предикатом (связочные и логические бытийные) употребляются во всех сферах проявления предиката. Наибольшее количество предложений из нашего материала встречается в физической и интеллектуально-творческой сферах проявления предиката, реже – в физиологической и эмоционально-психической сферах.

Рассмотрим предложения связочной и бытийной моделей с улоказатором — одушевлённым субъектом по типам предикатов (предикаты со значением качества и количества), определим круг допустимых распространителей и модификаций и выделим сферы применения предикатов.

3. Связочные небытийные предложения с характеристическим предикатом

В связочных небытийных предложениях с предикатом характеристики обязательным компонентом является предикативное определение, глагол-связка может быть представлен всеми временными формами глагола *быть* (*есть, был, будет*): *У него были (будут) прекрасные тёмные глаза с длинными ресницами.*

Мы выделяем два типа связочных небытийных предложений с характеристическим предикатом в зависимости от семантики предикативного имени и облигативного определения:

1. Предложения с предикатами качественной характеристики: *У неё выразительные чёрные глаза (Она большеглазая, черноглазая); У Марии вьющиеся волосы (Она кудрявая); У моей подруги красивая фигура и царственная осанка (Она стройная, статная).*

2. Предложения с предикатами количественной характеристики со значением величины: *У моей подруги длинные ноги, поэтому она пользуется успехом у мужчин (Она длинноногая); У него широкая спина и метровые плечи (Он широкоплечий).*

В позиции у-локализатора выступают названия лиц типа *у меня, у Оли*. В некоторых случаях у-локализатор обозначает персонифицированный предмет-носитель свойства: *У этого романа много стилистических погрешностей (Роман стилистически несовершенен).*

В позиции предикативного имени в предложениях с качественными предикатами могут выступать следующие классы слов:

1. Если у-локализатор обозначает лицо:

- предметные имена — соматизмы, называющие различные части тела человека и животного (неотчуждаемый внешний признак): *нос, глаза, уши, ноги, руки, спина, зрачки, грудь, бюст, ступни, ресницы, брови, плечи* и соответственно *хвост, крылья, лапы* и т.д., если речь идёт о животном (разные способы названия объекта): *У неё было злое лицо; У вас греческий нос; Глаза у него были тёмные и выпуклые (Паустовский); Руки у неё были жилистые, с вздутыми венами, кривые от работы (Паустовский); У персидской кошки пушистый хвост и сплюснутый нос; Волосы у Насти были мягкие, длинные, блестящие, так и хотелось к ним прикоснуться рукой;*

- признаковые имена 1) с семантикой качества типа *внешность, фигура, осанка, выражение лица, мимика* и др., которые называют не часть тела, но внешний неотчуждаемый признак человека и имеют качественную оценку: *У неё лёгкая, почти воздушная фигура (ср. Она очень худенькая, изящная); У вас такая привлекательная внешность, что впору идти в артистки (ср. Вы красивы); У мартышек очень подвижная мимика;* 2) с семантикой величины, при которых необходимы

квантитативные определения: *рост, вес, высота, толщина* и др.: *У тебя маленький рост, а ты хочешь записаться в волейбольную секцию; У моей собаки высота в холке 50 сантиметров; У новорождённой нормальный вес – 3,5 кг;*

- слово *красота* само по себе обозначает признак и допускает двоякое истолкование: *У неё восточная красота* (ср. *У неё восточный тип лица* – красота в таком смысле является сущностным неотчуждаемым признаком субъекта) и *У неё своеобразная красота* (*Она красива по-особому* – красота является необязательным признаком: *Она красива / некрасива*);

- названия основных органов чувств человека и животного: *обоняние, осязание, слух, зрение, нюх*: *У собак очень тонкое обоняние; У неё даже в 70 лет было острое зрение;*

- названия-манифестации и их разновидности типа *голос (тенор, бас, фальцет и др.), взгляд, взор, движения, походка* и др.: *У Прокофьева слух великого композитора и глаза ребёнка; У девочки музыкальный слух; Есть ли ещё у кого-нибудь такой голос! У меня хороший бас. Девушка не шла, а словно плыла по пляжу – такая лёгкая у неё была походка (ср. Девушка грациозна).*

2. Если у-локализатор обозначает не лицо, предмет:

- абстрактные имена с семантикой качества: *У поэзии есть две отличительные черты – исповедальность и субъективность (Поэзия исповедальна и субъективна); У данного вида искусства есть будущее (Данный вид искусства перспективен).*

Однако в некоторых случаях предложения такого типа допускают двойную интерпретацию в зависимости от наличия / отсутствия сравнения в контексте, ср.: *У романа «Евгений Онегин» есть ряд преимуществ (Роман необычен, талантлив — отношения характеристики)* и *У романа «Евгений Онегин» есть ряд преимуществ по сравнению с произведениями современников Пушкина (Роман лучше других произведений — отношения сравнения как разновидность реляционных).*

- имена, обозначающие визуальные временные (необязательные) или сущностные признаки конкретного предмета: *У этой машины красный цвет (Машина красного цвета); У реки большая глубина (Река глубокая); У ткани светлая расцветка (Ткань светлая).*

В некоторых случаях связочная и бытийная модели могут пересекаться, поскольку имена типа *красота, ум, талант, наблюдательность, слух* и др. способны формировать и бытийный, и характеристический предикат, например: *Несомненно, у неё есть талант* (бытийная модель) / *У неё нет таланта; У него музыкальный талант* (связочная модель) / *У неё не музыкальный, а организаторский талант.*

В качестве облигаторного определения в предложениях связочного типа могут выступать:

1) качественное определение (цветовая характеристика, оценочная), например: *У вас густые брови и ресницы; У девушки смуглая кожа; У певца приятный бас; У него внимательный взгляд; У кошки ночное зрение и тонкий слух;*

2) количественное определение, проявляющееся как: а) объективный признак: *У него большой рост, поэтому на уроках физкультуры он будет стоять в начале строя; У вас излишний вес – надо заниматься спортом; У него короткие пальцы;* б) объективный признак в субъективной оценке: *У тебя нормальный рост, не надо стесняться.*

4. Бытийные предложения (логический тип) с характеристическим предикатом

Предложения данного типа построены по логической модели бытийных (глагол быть является полнозначным бытийным), а атрибутивный компонент факультативен. В нашем материале представлены только предложения с качественными характеристическими предикатами типа *У него есть родинка*, в которых у-локализатор обозначает лицо.

Позицию предикативного имени занимает класс слов, обозначающих:

- предметные образования на теле субъекта: *родинка, шрам, веснушки, морщины, родимые пятна* и т.п.: *У девочки веснушки по всему лицу и на плечах; У него уродливое родимое пятно на спине; У тебя уже морщинки вокруг глаз; У преступника шрам на левом запястье.* Эти предикативные имена могут встречаться и в предложениях с предикатом состояния типа *У девочки рана на ноге; У него на щеках прыщи*, но в предложениях с характеристическим предикатом такие имена обозначают непатологические и постоянные внешние признаки субъекта, ср. *У него флюс на всю щеку* (временный внешний признак, болезненное образование) и *У него родимое / пигментное пятно на всю щеку* (постоянное и непатологическое образование);

- отчуждаемые, необлигаторные внешние признаки типа *борода, щетина, усы, седина, проседь* и др., например: *У мужчины борода и усы; У него проседь в волосах; У Игоря щетина на щеке.* Появление качественное или количественное определение при данных признаках переводит бытийную модель в разряд связочных, потому что в этом случае новое свойство приписывается не самому субъекту, обозначенному у-локализатором, а уже указанному внешнему признаку субъекта: *У него усы* (бытийная модель). – *У него длинные рыжие усы* (связочная модель); *У него щетина* (бытийная модель). – *У него трёхдневная ще-*

тина (связочная модель); *У пожилой женщины седина* (бытийная модель). – *У пожилой женщины благородная седина* (связочная модель).

5. Конструктивные особенности предложений с характеристизационным предикатом

Модель предложений характеризации с у-локализатором кроме обычных облигаторных компонентов может включать и некоторые факультативные, свободные для данной модели компоненты. Назовём самые типичные из них:

- каузатив: предложно-именная группа с / от / из-за + Np (в связочных и бытийных предложениях): *От злости у него красное лицо и уши горят; Из-за переохлаждения волосы у меня стали ломкими; С мороза на щеках пятна.*

- квантитатив (в предложениях бытийного типа): *У вас много родинок? У неё три шрама на лице.* В связочной модели присутствие квантитативного определения обязательно (квантитативные характеризующие предложения): *У него большой / маленький рост; У него длинный нос;*

- темпоратив (в связочных и бытийных предложениях): *В жаркое время года у неё всегда веснушки; В последнее время у моей собаки уже не такой острый слух; С десяти лет у девочки повышенный вес;*

- интенсив-следствие (в предложениях связочного типа) – так (такой), что P: *У неё были такие чёрные глаза и тёмные волосы, что многие считали её цыганкой; На плечах были такие пигментные пятна, что о платье с глубоким вырезом для выпускного не могло быть и речи;*

- локатив (в предложениях бытийного типа): *У вас очень приятная мушка около верхней губы; У неё шрамы на руке и на ноге.*

6. Типичные модификации предложений с характеристизационным предикатом

1. Модальная модификация с глаголом мочь и с прилагательным должен: а) связочная модель представлена в различных актуализационных вариантах: *У вашей дочери могут быть светлые глаза, потому что у отца и матери глаза голубые; Глаза у вашей дочери должны быть светлые, потому что у вас и у жены голубые глаза; У тебя глаза могут быть красными после бессонной ночи; После бессонной ночи у тебя должны быть красные глаза; У неё могла бы быть стройная фигура, если бы она занималась спортом; Фигура у неё могла бы быть стройной, если бы она занималась спортом;* б) бытийная модель с актуализационными вариантами: *У него должен быть / должен был остаться шрам после удаления аппендицита; Шрам у него в этом месте может быть только после удаления аппендицита.* Иногда модальная модифи-

кация может не иметь специфического выражения, если модальный смысл кроется в семантике лексем, например: *С ранних лет у неё великолепный музыкальный слух и задатки будущей певицы (ср. Она может стать певицей, т.к. у неё есть задатки певицы).*

2. Отрицательная модификация. Как показано выше, отрицательные модификации для бытийных и связочных предложений различаются. Для предложений бытийного логического типа характерны отрицательные модификации со словом *нет*: *У него нет веснушек; У него нет родинок* (отрицается само наличие веснушек и родинок); *Это просто смешно, молодой человек, тазовых почек нет у голых гадов, они отсутствуют* (Булгаков). Если в бытийном предложении логического типа при предикативном имени употреблена частица *не*, то это предложение с частным, а не с общим отрицанием, например: *У него не веснушки, а родимые пятна на лице*. Некоторые предложения характеризационного типа образуют модификации с отрицанием при предикативном определении: *У него не голубые глаза* (отрицается не само наличие глаз, а указанный признак глаз – глаза могут быть другого цвета); *У неё не самый лучший голос в нашем хоре* (отрицается не само наличие голоса у субъекта, а его признак – голос слабый).

В отрицательных модификациях связочных и бытийных предложений возможны распространители типа *совершенно, совсем, очень, весьма* и др., подчёркивающие отрицание: *У него совсем / совершенно нет родинок; У него очень неприятная мимика; У Настеньки совершенно чёрные глаза, как у цыганки; У моей мамы совершенно седые волосы.*

3. Фазисная модификация: а) в связочной модели характерно употребление глаголов *стать / становиться, делаться*: *После 3 месяцев употребления сухого корма у моей собаки шерсть стала блестящей и густой; У кошек в темноте зрачки глаз становятся узкими, почти как тонкая полоса; После этих ночных бдений глаза у него становились красным, а внимание рассеянным*; б) в бытийной модели характерно употребление глаголов *появиться, возникнуть, проявиться*: *У него появились родинки на лице; У неё возникли родимые пятна на лице; У мальчика начинает проявляться наблюдательность и интерес ко всему новому;*

4. Авторизованная модификация: а) связочная модель: *При внимательном осмотре у него обнаружили маленькую красную родинку между средним и указательным пальцами; У потерпевшего заметны следы побоев на теле; У пианиста чувствуется хорошая школа (Пианист хорошо подготовлен)*; б) бытийная модель: *У него заметили шрам.*

7. Выводы

1. Денотативный предикат характеристики представлен в предложениях логического бытийного и связочного типа. Эти модели различаются не только классами имён, формирующих предикат, но и имеют разную синтаксическую парадигму: при фазисной модификации связочная модель с у-локализатором легко переходит в следующую модель – N Cop Adj.

2. К конструктивным особенностям бытийных и небытийных предложений с характеристическим предикатом относятся употребление качественных и количественных распространителей, которые по-разному влияют на тип предложения. Признак, обозначаемый распространителями, может быть отчуждаемым или неотчуждаемым.

3. Бытийные логические предложения и связочные с характеристическим предикатом различаются по набору признаков, выражаемых предикатами: бытийные предложения имеют только качественную семантику, а связочные предложения могут передавать и качественные, и количественные значения (семантика величины).

4. Предложения с характеристическим предикатом употребляются в физической, интеллектуально-творческой, эмоционально-психической и физиологической сферах проявления предиката.

Бытийные и небытийные предложения с характеристическим предикатом различаются своими модификациями: для бытийных логических предложений характерны фазисные модификации с глаголами появиться, возникнуть и отрицательные со словом нет, для связочных небытийных предложений типичны фазисные модификации с глаголами стать, становиться, делаться, а отрицательные – с отрицанием при качественном или количественном признаке.

Литература

- Арутюнова Ю. А., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Всеволодова М. В.* Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 1.
- Всеволодова М. В.* Теория рамках функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
- Го Шуфень.* Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со стательными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Клобуков Е. В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.
- Путинцева Е. В.* Биноминальные предложения, выражающие интерперсональные отношения: Дис. ... канд. Филол. наук. М., 1995.
- Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994.

Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности)

© А. Б. Зильберт, 2001

Нам уже приходилось писать, что спортивная коммуникация охватывает огромную сферу человеческой деятельности, включающую социально-экономическую, общественно-политическую, финансовую деятельность, социально-философские, исторические, психолого-педагогические, медико-биологические проблемы [7; 10]. Понятно, что при исследовании целостной картины спортивного дискурса (далее СД) необходимо рассмотреть его связи и точки пересечения с другими видами дискурса в синхронном плане (иначе это называют интертекстуальностью дискурса).

1. Научный дискурс пересекается со СД в сфере научной литературы по проблемам спорта и физической культуры: биомеханика, физиология спорта, проблемы технической и психологической подготовки спортсменов, история спортивно-физкультурного движения и др. Жанры научной прозы: статьи в периодике и тематических сборниках, монографии, диссертации, устные выступления на научных собраниях. Все эти письменные и устные тексты спортивной тематики полностью укладываются в характеристики институционального научного дискурса, прекрасно представленные в одной из работ В. И. Карасика [9]. Например, данные тексты содержат такие признаки научного типа институционального дискурса: целью общения является процесс вывода нового знания, отстаивание своей точки зрения, в процессе познания в форме полемики как конституционного признака научного дискурса. В одной из последних работ подчеркнуты не дискурсивные признаки наших научных текстов (участники и обстоятельства общения), а текстуальные особенности, вытекающие из специфики языковых единиц – логичность изложения, предельная абстрактизация предмета речи [1].

В то же время в указанных текстах отсутствуют признаки спортивного типа институционального дискурса, а именно: агональность (сопоставительность, наличие противника, борьба соперников, этика поединка, регламент и правила соревнований и т. д.). Тем не менее, “спортивную группу” научных текстов, на наш взгляд, условно можно причислить к проективным текстам на пересечении научного и спортивного дискурсов. Условно потому, что проекцией СД являются в них не дискурсивные, а чисто лингвистические особенности – специальная (терминологическая)

гическая, полутерминологическая и отчасти жаргонная) лексика и фразеология спорта, как-то: общие понятия спортивно-физкультурной сферы, названия видов и подвигов спорта, видов соревнований, спортивных сооружений и снарядов, единиц учета результатов соревнований, видов наград, номинации спортсменов, судей, тренеров, специалистов по спорту и т. д.

2. Педагогический дискурс в его “спортивных проекциях” представлен учебными и учебно-методическими текстами для студентов учебных заведений спортивного профиля, спортивных педагогов и психологов, то есть всех, занятых в сфере спортивного образования.

Эти тексты содержат все базовые черты институционального педагогического дискурса, а именно: цель, ценности, коммуникативные стратегии (объясняющая, оценивающая, контролирующая, содействующая, организующая). Указанные стратегии создают системообразующее движение к цели педагогического дискурса – социализации нового члена общества путем объяснения устройства мира, организации деятельности, приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверки понимания и усвоения информации и оценки результатов. Выбор той или иной стратегии зависит от различия коммуникативных интенций автора конкретного текста [8: 3-18].

Проективные признаки СД здесь те же, что и в текстах первой научной группы, описанных выше, – наличие специальной спортивной лексики и фразеологии (их называют иногда “подязык спорта”), но нельзя относить их к так называемым “дискурсивным формулам” СД).

С точки зрения функциональной стилистики тексты первой и второй группы относят к одному научному стилю в разных его видах: собственно научному (академическому) – тексты первой группы, или научно-учебному – тексты второй группы [1]. Типообразующих признаков институционального СД тексты второй группы также не содержат.

Итак, научный и педагогический дискурсы, пересекающиеся с СД, не содержат каких-либо “систем ценностей, которые кристаллизуются в виде особых идеологий” [5: 5], характерных именно для спорта как социального института. “Подязык” спорта явно “не тянет” на дискурсивность, тем более на институциональность, то есть на специфически спортивную статусную ориентированность общения.

3. С официально-деловым и юридическим дискурсом СД пересекается в большой группе письменных спортивно-нормативных текстов: правила соревнований (для каждого вида спорта свои), сборники нормативов (или нормативных актов) для присвоения официальных спортивных разрядов и званий (мастер спорта, мастер спорта международного класса, заслуженный мастер спорта), получения значков ГТО (“готов к труду и обороне”) и т. п. в системе “Единой спортивной классифика-

ции”. Правда, в посттоталитарной России указанная система подвергалась значительным изменениям.

Жанрово-стилистические черты этих текстов характеризуют их как типичные образцы письменной речи делового и юридического дискурсов. Основная их функция – сообщение. Доминанта – точность, не допускающая истолкований. Отсюда предельная стандартизованность и безэмоциональность.

Отнесение подобных текстов к СД вполне можно обосновать так же, как это сделано нами для текстов первой и второй групп (см. выше).

Сделаем промежуточный вывод после рассмотрения трех групп текстов. Вследствие прозрачности границ СД происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте – спортивного и научного, спортивного и педагогического, делового/юридического и спортивного – в зависимости от вида интенциональности и сфер общения.

4. С политическим дискурсом СД (точнее, спортивно-игровой дискурс), сближает момент агональности (состязательности). Основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между “партией власти” и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление. Не случайно метафоры игры, спорта и боевых действий занимают важное место в корпусе политических метафор [4; 12] (выделено нами. – А. З.). Война как известно, есть продолжение политики другими средствами. Поэтому, логически продолжая мысль Е. И. Шейгал, можно говорить о существовании в нашем сознании единого когнитивного пространства, объединяющего многие черты спортивного, политического и военного дискурсов. Общее когнитивное поле этих трех дискурсов вполне может включать такие элементы: наличие противника, борьба соперников, этика поединка, правовые нормы (регламент и правила), стратегия и тактика борьбы, победа, поражение, триумф победителя, приз / выигрыш / боевые награды (ср. [12: 32]).

Речь футбольных комментаторов во время прямых трансляций футбольных матчей по ТВ до предела насыщена военной метафорикой, вообще разной военной лексикой и фразеологией: атака, оборона, тактика и стратегия игры / матча, новое тактическое оружие тренера, тяжкой штурм ворот, пушечный удар, противник; “Спартак” решил в этой игре дать генеральное сражение” (А. Елагин, REN-TV); “броневой щит “Локомотива” оказался непробиваемым только для российских форвардов” (он же, октябрь 2000 г.); “румыны, даже оставшись вдесятером, бились как легендарные даки, до последнего” (он же, 21.01.2001) и т. д. и т. п.

Не забудем также, что некоторые популярные виды спорта – фехтование, стрельба, стрельба из лука, борьба, бокс, восточные “боевые искусства” — напрямую возникли из военной практики в истории народов разных времен.

Состязательность политического дискурса наиболее очевидна во время предвыборных кампаний и парламентских дебатов. И. Хейзинга сравнивает парламентские дебаты в Англии с “беспрерывным матчем, в котором определенные матадоры пытаются объявить друг другу шах и мат, не нанося при этом ущерба интересам страны, в которой они служат с полной серьезностью” [11: 233]. О партиях США тот же автор пишет: “... двухпартийная система в Соединенных штатах приняла характер двух спортивных команд, чье политическое различие для постороннего едва ли уловимо” [11: 234].

СД однако отличен от политического и тем более военного дискурсов функциональной стороной. Из трех рассматриваемых дискурсов только СД имеет гедонистические (рекреативные) функции и функции эстетического воздействия. Последние особенно важны для ТВ-дискурса, где сам способ передачи спортивной информации вызывает чувство удовольствия, а специальные приемы монтажа, укрупнения планов, замедленного повтора самых важных и интересных моментов спортивного соревнования (что невозможно при восприятии спортивного состязания на самом стадионе, в реальном хронотопе) делают спортивную коммуникацию культурологически и эстетически значимым фактом.

5. Одним из двух основных видов неинституциональной, персональной коммуникации является бытовой дискурс (подробно с бытовым и бытийным общении как двух разновидностях персонального дискурса см. [9: 5-20]). Часто именно в бытовом дискурсе тематическое содержание общения относится к сфере спорта. Для бытового дискурса типично фатическое, а не информационное общение, возникающее или между людьми близкой социальной дистанции, или в ситуации вынужденного совместного пребывания (тогда социальная дистанция не важна). Н. Д. Арутюнова квалифицирует праздноречевую деятельность, не имеющую непосредственной цели и соответствующую разным вариантам фатической коммуникации как свободное и непринужденное общение людей. Она выделяет три разновидности праздноречевого общения: эмоциональное, артистическое и интеллектуальное [2]. Спорт выступает в качестве одной из основных тем как эмоционального, так и интеллектуального праздноречевого общения, в процессе которого участники коммуникации обмениваются информацией, комментируют или оценивают эту информацию, вообще совершенствуют свое умение ори-

ентироваться в спортивной жизни и предвидеть ход спортивных событий.

При этом фатическое общение трансформируется в информационное. Если участники коммуникации оказываются болельщиками разных команд или разных спортсменов в индивидуальных видах спорта, то дружеская беседа – спор может перерасти в конфликтную ситуацию.

6. Совершенно особую роль, исключительно важную для СД, играет фактор масс-медиа. Многие институциональные характеристики масс-медиа, влияющие на СД, для которого каналы массовой коммуникации являются основными каналами его распространения, нами были описаны [6]. В данной статье рассмотрим только один, но очень важный фактор сращенного институционального дискурса спорта и массовой информации: статусные характеристики основной пары участников институционального общения – агента и клиента (в терминах дискурсивной социолингвистики). Диада “агент-клиент”, удобная для описания участников других видов институционального дискурса (например, педагогического, религиозного, медицинского, юридического, административного, торгового и прочих профессионально-организованных дискурсов), в СД масс-медиа нуждается в значительной модификации.

В упомянутых дискурсах типичной является коммуникация между “клиентом” как отдельным гражданином (пациент, прихожанин, ученик, покупатель, проситель) и “агентом” как представителем института (врач, священник, педагог, продавец, госчиновник), носящая двуправленный, хотя и разностатусный характер. В СД масс-медиа “агентом” выступает представитель института массовой информации (газеты, радио, ТВ), журналист, являющийся в то же время посредником между институтом спорта (в рамках которого происходят все спортивные события) и массовой анонимной рассредоточенной аудиторией “клиентов”. Коммуникация носит односторонний характер, выраженная обратная связь отсутствует. Такая коммуникация называется ретиальной (от лат. RETE – сеть, невод) Кроме того, на ТВ (в меньшей степени на радио) преобладает не линейный, а структурный способ представления информации, называемый в общей теории информации “фенестративным” (от лат. fenestra — окно), когда одновременно передаются зрительный ряд, звучащий вербальный текст, музыка и т. д., то есть знаки разной семиотической природы.

Далее, на ТВ (в меньшей степени на радио) существуют некоторые дискурсивные статусные различия “агентов”, обусловленные: а) различием между прямыми трансляциями спортивных соревнований (так называемые “неподготовленные” передачи) и информацией об уже прошедших спортивных событиях (так называемые “подготовленные” передачи, например, спортивные блоки в программах “Вести, “Новости,

“Сегодня” и т. п.); б) степенью вклада автора-журналиста в передаваемую по каналам масс-медиа информацию.

а) Во время “прямого эфира” и интенция журналиста, и непредсказуемость хода спортивных событий способствуют приобретению адресантом статуса как бы реального участника профессионального микромира спортивного события, видящего эти события изнутри. Приобретая условный статус представителя института спорта, журналист остается при этом представителем института масс-медиа.

В новостных программах их текст заранее обдумывается и иногда даже записывается. События, о которых рассказывает журналист, уже состоялись, автор работает в другом хронотопе. И здесь мы встречаемся с парадоксом масс-медиа. Именно в жестких рамках ретинальной коммуникации, связанный позицией органа масс-медиа, где он работает, журналист выступает как личность со всеми особенностями своего менталитета, причем в структуре его целей усиливается стремление к самовыражению. Происходит так называемая авторизация СД в масс-медиа, то есть совмещение ролей создателя текста, того, кто его произносит, и того, чья позиция выражена в высказывании (в терминологии Е. Гофмана, ролей автора, аниматора и принципала – см. об этом [3: 26]).

Авторизация дискурса имеет место и в прямом эфире СД в те моменты трансляции, когда активный ход событий по тем или иным причинам сменяется спокойным ходом игры или даже ее остановкой на время. Автор получает время для пространного комментария, для сообщения заранее заготовленной в форме досье на участников матча информацией оценочного характера.

Но остальное время прямой трансляции зритель полностью поглощен интригой соревнований, он сам все видит и сам эмоционально оценивает происходящее, словесный текст журналиста часто вообще находится на далекой периферии зрительского внимания, так что здесь самовыражение комментатора работало бы вхолостую.

Возвращаясь к “подготовленным” передачам, констатируем обратное: зрительный ряд (если он вообще в данный момент присутствует, кроме “говорящей головы”) только сопровождает звуковой. Ясно, что самовыражение “агента” в таких случаях намного более эффективно для аудитории. Однако даже здесь автор обязан учесть фенестративный способ представления информации и строго следить, чтобы содержание “картинки” синхронно соответствовало его, автора вербальному тексту.

Уместно заметить здесь, что на радио и ТВ есть важное, хотя и косвенное свидетельство осознания особости СД в рамках масс-медийной коммуникации. Спортивные тематические блоки любых информационных программ на всех каналах даются отдельно после рекламных вставок и сопровождаются сменой ведущих, которые у СД всегда свои.

Кстати, даже в те далекие времена, когда было всего две программы Всесоюзного радио (первая и “Маяк”) и всего одна программа Центрального телевидения, спортивный дискурс уже выделялся среди других: спортивная редакция была единой для радио и ТВ, тогда как все остальные редакции были строго разделены по каналам.

б) Определим статус спортивных журналистов в сфере масс-медиа как статус ретранслятора спортивной информации; назовем его медиа-тором. От простого ретранслятора медиатор отличается тем, что часто получает информацию косвенным путем и, что особенно важно, в любую коммуникацию вносит свой собственный вклад, являясь как бы “соавтором транслируемого события”.

Степень такого “соавторства” определяет разные функциональные роли журналиста-медиатора (номинации некоторых ролей придумала Е. И. Шейгал при исследовании политического дискурса, вкладывая в них несколько иное содержание – см. [12: 62]):

1) рассказчик – Уже состоявшееся спортивное событие или факт даются в пересказе (см. описанные выше новостные спортивные блоки).

2) конференсье – Представляет участника программы (тренера, спортсмена, спортивного специалиста, болельщика, который может быть одновременно и кем-либо из трех предыдущих) и тему, по которой тот будет выступать. Далее в дискурсе сам не участвует. Такие вставки, представляющие точку зрения говорящих, могут быть как в составе “подготовленных”, так и прямых передач.

3) интервьюер – Не только представляет “агентов” как конференсье, но и контролирует и направляет ход коммуникации путем выбора вопросов, иногда открыто выражает свою точку зрения.

4) комментатор – Наиболее близок роли самостоятельного “агента” сращенного дискурса спорта / масс-медиа. Прежде всего выражает свою точку зрения, пересказывает реплики участников – представителей мира спорта, обобщает информацию, соединяет разностатусные и разножанровые дискурсы в единую программу, пронизанную единой темой и идеей. В качестве примера назову Виктора Гусева (важность его авторизации подчеркнута в названии передачи ОРТ “На футболе с Виктором Гусевым”) и Савика Шустера (передача “Третий тайм” на канале НТВ).

В рамках одной передачи СД радио и ТВ журналист-медиатор либо может выступать только в одной из четырех указанных выше функциональных ролей, либо менять свои функциональные ипостаси в течение передачи. Так, прямые репортажи-трансляции по форме дискурса подразумевают частую смену ролей рассказчика или комментатора, от чего зависит степень авторизации общения (см. выше в разделе “а”). В практике телевидения США в таких “прямых эфирах” дискурсивные роли рассказчика и комментатора распределены заранее между двумя разны-

ми ведущими. У нас другие традиции: кроме основного ведущего, находящегося в специально оборудованной кабине на трибунах, около поля и в подтрибунных помещениях работают его помощники в ролях конферансье и интервьюеров. Подготовленные ими фрагменты включаются режиссером трансляции по мере возможности и необходимости в курс основного рассказчика / комментатора.

7. Наконец, нельзя не сказать еще об одном аспекте итертекстуальности СД – его пересечении с театрально-сценическим дискурсом.

Театральность СД связана, возможно, с тем, что один из участников общения – “клиент”, массовая аудитория (читатели, слушатели, зрители) ощущает себя не только в роли адресата, но и в роли наблюдателя, который воспринимает спортивные события как некий разыгрываемый для него спектакль с захватывающим сюжетом и непредсказуемым финалом ([12:66]).

Однако главной причиной театральности СД является, как мы полагаем, само содержание спортивного действия, его игровой характер.

Дадим слово реальным “агентам” спортивного и театрального дискурсов, которые продемонстрируют нам только некоторые из существующих параллелей между спортивной и театральной коммуникацией, некоторые примеры театральной метафоричности в СД.

Йозеф Блаттер (Швейцария), президент ФИФА: “Футбол – это игра, это шоу. И здесь, как в театре, всегда есть место мистификации” (ОРТ, программа “Парижские таймы, июль”, 1998)

Джованни Бранкини (Италия), агент ФИФА: “Футбол – самое популярное и самое продаваемое зрелище в мире. В Италии футболисты уже давно более известны, чем поп-звезды и киноактеры” (НТВ, “Футбольный клуб”, июль 2000г.).

Котэ Махарадзе (Грузия), профессиональный актер, профессиональный спортивный комментатор: “Как на хороший спектакль, на хороший футбол зритель идет...” (НТВ, “Третий тайм”, май, 2001 г.).

Александр Елагин, спортивный журналист: “В потрясающей по драматизму голевой спектакль вылился матч на стадионе “Уэмбли”; о матче английской премьер-лиги: “... сюжет которого как будто был написан голливудским сценаристом, специализирующимся на триллерах” (REN-TV, апрель 2001 г.).

Юрий Розанов, футбольный комментатор НТВ+: “Судья вместо желтой карточки Тихонову сам исполняет цирковой номер” (НТВ, 17.07.2000).

Цитаты из репортажа В.Квилквидзе на канале РТР о финальном матче Кубка России по футболу 20.06.2001 г.: “... скромный бенефис Джанашиа”, “сегодня на одной технике, как говорят, “на балете”, клас-

ным футболистом не станешь”, “ну уж очень театрально падал игрок” заглавные партии сыграли футболисты А. и Б.”.

Виктор Гусев, ОРТ: “Театр начинается с вешалки. С чего начинается футбольная база?” (“Время футбола”, июнь 2000 г.)

Интересные для нас факты приведены в документальном телефильме Евгения Киселева о футбольном клубе “Спартак” (Москва). Заслуженный мастер спорта СССР Андрей Старостин как-то пригласил своих друзей, артистов, на матч “Спартака”. Однако тренер не поставил его на игру. После матча Марк Бернес сказал огорченному Старостину: “Это как у нас в кино, когда пробы не проходишь. Ты свое еще сыграешь”. Народный артист СССР Игорь Ильинский в фильме сравнивает подготовку футболистов к матчу с вхождением в образ. Известный болельщик “Спартака” Михаил Яншин, тоже народный артист СССР: “Я хожу на футбол, как все вы ходите в театр”.

Думается, что лучшим заключением этого раздела статьи могут стать слова известного актера театра “Современник” и не менее известного тележурналиста (ведущего программы “Жди меня” на ОРТ) Игоря Кваши. Они прозвучали в передаче “На футболе с Виктором Гусевым” 16.07.2001 г. и были оценены самим В. Гусевым как “прекрасный артистический эмоциональный эпиграф к рассказу о футболе: “...играет не за деньги...это ерунда..., что вот там больше платят, поэтому они там хорошо играют... это ерунда. Это я знаю вот по актерам, и по игрокам, психология близкая в этом смысле, потому что когда человек выходит на поле, он все равно хочет прыгнуть выше головы, если он Игрок” (выделено нами. – А. З.).

Подведем итоги. В состав СД мы включаем как институциональные, так и персональные (бытовые) формы общения. Институциональность СД носит градуальный характер. Для отнесения дискурса к спортивному в любом виде общения из трех элементов коммуникации – субъекта, адресата, содержания общения – достаточно спортивного содержания (это относится, прежде всего к сфере масс-медиа). Если субъект и адресат относятся к институту спорта, но содержание дискурса не имеет к спорту никакого отношения, дискурс не может быть призван спортивным.

Степень интертекстуальности СД оказывается очень значительной. Мы проследили сферы его соприкосновения и пересечения с научным, педагогическим, деловым, юридическим, политическим, военным, театрально-сценическим институциональными дискурсами и бытовым персональным дискурсом. Дискурс масс-медиа фактически срастился со спортивным дискурсом в рамках материалов спортивного содержания. Каналы массовой коммуникации и, в первую очередь, телевидение, зафиксировавшее спорт в качестве самостоятельного, самоценного пла-

ста нашего бытия и культуры, являются в наше время основными каналами осуществления спортивного дискурсивного общения.

Л и т е р а т у р а

1. *Аликаев Р. С.* Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик, 1999.
2. *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С.7-23.
3. *Баранов А. Н., Казакевич Е. Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
4. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора: материалы к словарю. М., 1991.
5. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Пер. с немецкого. Волгоград, 1997.
6. *Зильберт А. Б.* Существует ли спортивный дискурс? // Материалы IX страховых чтений. Саратов, 2000. С.195-201.
7. *Зильберт А. Б., Зильберт Б. А.* Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.17. М., 2001.
8. *Карасик В. И.* Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999. С. 3-18.
9. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5-20.
10. *Физкультура и спорт в современных условиях: состояние, тенденции, перспективы.* Омск, 2000.
11. *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерл. М., 1992.
12. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М.-Волгоград, 2000.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Разделительные вопросы в речи британских женщин и мужчин

© кандидат филологических наук Е. Н. Малюга, 2001

Данная статья посвящена изучению так называемых разделительных или расчлененных вопросов с позиций прагматики на материале британской драматургии. **Как показывает практика устного общения, они составляют его неотъемлемую часть и, следовательно, их оформление и функции настоятельно требуют нашего внимания.**

С одной стороны, этот вид вопросов традиционно описывается как типичный для английского языка. Упражнения на построение разделительных вопросов входят во все без исключения грамматики и пособия по английскому языку. Казалось бы, ситуация с этой грамматической конструкцией представляется достаточно простой. На самом деле, разделительный вопрос – это явление весьма специфическое.

Сложность овладения этим видом вопросов заключается не столько в необходимости согласования вспомогательных глаголов в завершающей части вопроса с глаголом в основной части вопроса (эти трудности вполне преодолимы в результате более или менее продолжительной тренировки), сколько в том, что не вполне ясна прагматика употребления этих вопросов носителями английского языка.

Именно по этой причине русские студенты чаще всего просто не используют этот вид вопроса в своей речи. Мы имеем, естественно, в виду людей, достаточно знакомых с английским языком, которые свободно пользуются другими видами английских вопросов.

Для педагога в этом случае совершенно ясна цель преподавания английского языка – максимальное приближение речи студентов к речи носителя языка, что, естественно, подразумевает свободное пользование разделительными вопросами.

Нами был предпринят комплексный подход, ко всем типам разделительных вопросов в плане прагматических оппозиций (женщины – мужчины; образованный – необразованный; детская речь – взрослая речь; знакомый – незнакомый) в наших предыдущих работах.

К сожалению, на основании уже имеющихся, но весьма немногочисленных работ, посвященных изучению разделительных вопро-

сов(1), невозможно четко определить особенности их функционирования, что препятствует их успешному усвоению русскими, изучающими английский язык, в двух основных вариантах – британском и американском.

Основная цель этой работы по вполне понятной причине заключается в выявлении различий употребления разделительных вопросов между двумя основными вариантами английского языка. Иногда это требовало определения степени сложности синтаксических конструкций разделительных вопросов в речи персонажей пьес и установления роли сверхфразовых единств в функционировании разделительных вопросов.

Отечественное языкознание всегда уделяло большое внимание таким проблемам, как соотношение языка и культуры и способам сознательного воздействия общества на язык. На это неоднократно обращали внимание ученые в нашей стране.

Мы уделим основное внимание дифференциации речи персонажей по признаку пола. В добавление к тому, что уже говорилось нами о важности этого признака, необходимо сказать, что в разных языковых культурах расхождение между речью женщин и речью мужчин могут быть более значительными или менее значительными, однако они всегда имеют место. Это дает основание надеяться на то, что определенная разница может быть установлена и на нашем материале.

Объясняя причины, по которым признак пола выдвигается в последнее время на первое место в исследованиях языка, J. Oates в своей работе “Women, Men and Language” (2) пишет о том, что это связано в первую очередь с более детальным, более тонким подходом к языковым явлениям, когда целью исследователя является не только отражение общих закономерностей, но и учет конкретных условий использования языка.

Поскольку пока нас интересует только признак пола, то мы подвергаем анализу речь только тех персонажей, которые с точки зрения остальных социолингвистических критериев находятся в более или менее равном положении. Другими словами, все персонажи, анализируемые нами в данном разделе, в достаточной степени образованны, это люди старшего или среднего возраста.

В большинстве случаев наш комментарий раскрывает именно взаимоотношения коммуникантов в приводимых диалогах, как частях микротекста.

Однако иногда приходится выходить за пределы наших диалогических микротекстов и обращаться к макротексту той или иной пьесы. Методика нашего анализа, таким образом, полностью учитывает современные требования о рассмотрении явления как части глобального цельного произведения.

Перейдем к конкретному анализу речи женских персонажей. Именно этот материал, с прагматической точки зрения, представляет особый интерес, поскольку до сих пор сохраняется противоречие между преимущественно женским составом факультетов иностранных языков и материалом различных лингафонных курсов, где звучит в основном мужская речь. Таким образом, прагматически изучение женской речи должно предшествовать изучению мужской.

В речи героини пьесы “К западу от Суэца” (“West of Suez”) Дж. Осборна Фредерики, дочери писателя Витта, мы наблюдаем использование разделительных вопросов, преимущественно с положительными коннотациями.

По существу, лишь один случай таких вопросов в ее речи можно рассматривать, как собственно вопрос, когда героиня действительно хочет, получить определенную информацию от своего мужа.

Edward: You're an intelligent woman.

Frederica: You don't think so.

Edward: So you say. And as your father would say, I think that is really an opinion posing as a question.

Frederica: You disapprove of his going on the telly all the time, don't you?

Edward: And you certainly can't reply to a question that expresses it's own hatred. (p., 394)

Конечно, даже в этом случае разделительный вопрос в отличие от общего вопроса будет подразумевать большую степень установления контакта между участниками разговора. Однако его функция максимально приближается к функции общего вопроса.

Совершенно иную картину мы видим в других ситуациях, где героиня вновь прибегает к использованию разделительного вопроса. Так, например:

Edward: We are friends.

Frederica: Married – friends.

Edward: Yes. Married – friends. ...

Frederica: You are having a good time, aren't you?

Edward: Yes. Are you?

Frederica: Sure. ... (p., 596)

Из контекста ситуации видно, что героиня полностью осведомлена о настроении своего мужа и задает вопрос вовсе не для того, чтобы получить какую-то информацию, а для того, чтобы подчеркнуть, как хорошо они себя чувствуют в обществе друг друга.

В следующем примере эта же ситуация развивается дальше и разделительный вопрос в устах героини выполняет ту же самую функцию, что и в предыдущем примере.

Frederica: I wonder what it was like then, when Nelson or Hood or poor Old Admiral Byng used to drop in.

Edward: Rather pleasant after being abroad those ships I should think

Frederica: We're all right, aren't we?

Edward: Fine. All right ... (p., 397)

В приведенных примерах сохраняется элемент вопросительности, если судить по репликам мужа Фредерики. Вопросы Фредерики все-таки адресуются ее мужу.

Но форма разделительного вопроса, как было сказано, иногда используется для выражения своих чувств без какого-либо ожидания реакции со стороны собеседника.

Рассмотрим теперь употребление разделительных вопросов в речи Джоан из пьесы «Вознесение Арнольда Миддлтона» (“The Restoration of Arnold Middleton”) Д.Стори. На первый план здесь выходят различного рода побуждения, но в форме разделительных вопросов. Так, например:

Mrs.Ellis: In the cupboard. Do you think we should?

Joan: Something like this in the house. ... Put those in the kitchen, will you?

Mrs.Ellis: Are you going to hide it from him?

Joan: It'll do for now. (p., 163)

Joan: Would you like a stuffed eagle?

Maureen: I don't think so. No.

Joan: A ship?

Maureen: No thanks.

Joan: It's all yours, if you want it. S'all going out. Sweeping changes. Actually. You mustn't tell anybody about this, will you?

Maureen: No ... (p., 241)

Что же касается других высказываний в форме разделительных вопросов, то, несмотря на отмеченную нами ранее тенденцию, эти высказывания имеют негативные коннотации. Например:

(...Arnie suddenly shouts with burlesque affectation, slamming the table).

Arnie: Will somebody get me out of here! Help! Help! ... Help!

(Joan watches a while)

Joan: It's not a game, is it?

Arnie: Leave me alone (p., 207)

Mrs.Ellis: They've never seen either of you all these years. They're hardly in a position to judge anybody.

Joan: But that's just what they will do. They're just about total strangers, aren't they? Come to that, it's just as well they are.

Mrs.Ellis: I don't know. ... (p., 163)

Из контекста ситуации ясно, что тон героини во всех приведенных случаях было бы правильно охарактеризовать, как раздраженный или даже вызывающий. Такое специфическое употребление формы разделительного вопроса объясняется тем, что данный персонаж выведен автором в пьесе как отрицательный.

Что же касается матери Джоан – миссис Эллис из той же пьесы, то в ее речи форма разделительного вопроса используется для различного рода побуждений. В этом мать и дочь весьма похожи. Но если у дочери побудительные предложения равносильны приказам, то в речи миссис Эллис могут употребляться только просьбы.

Joan (turning to her): I'll do out the back way, then there's no chance of meeting.

Mrs.Ellis: This is silly. (Suddenly, looking at the cupboard) You won't be long, will you, Joan?

Joan: Don't mention that until I came in. ... (p.,166)

Arnie: ... You and Joan ... If you would only say. What you meant. Just once.

Mrs.Ellis: You don't begrudge me staying here, do you?

Arnie: No. (p., 173)

Таким образом, мы приходим к заключению, что характерными признаками для речевого портрета персонажа могут быть самые различные отклонения от средней нормы употребления разделительных вопросов, т. е. это может быть преобладание разделительных вопросов с определенной коннотацией (как в случае с Джоан) или же преобладание разделительных вопросов в какой-либо определенной функции.

В пьесе «Былые времена» (“Old Times”) Г. Пинтера персонажи прибегают к разделительным вопросам довольно редко. Но те немногочисленные случаи разделительных вопросов, которые были проанализированы, не противоречат тем общим тенденциям их употребления, которые были установлены нами ранее.

Возьмем, например, следующий диалог между двумя персонажами пьесы – старыми подругами Кейт и Анной:

Anna: I've never liked him.

Kate: Duncan's nice though, isn't he ?

Anna: Oh, yes.

Kate: I like his poetry. (p., 372)

Kate: You know who I like best?

Anna: Who?

Kate: Christy.

Anna: He's lovely.

Kate: He's gentle, isn't he? And his humour ... Why don't ask him

round? Deeley: He can't make it. He's out of town. (p., 371)

Кейт пользуется в этой сцене разделительными вопросами дважды, и в обоих случаях фатическая функция реализуется в своем наиболее явном виде. В первом случае в высказывании Кейт еще присутствует элемент вопросительности. Но главным все же является выражение собственного восхищения Дунканом (ее бывшим другом). Что же касается второго высказывания, то здесь вопрос фактически эквивалентен восклицанию. Показательно, что в отличие от первого вопроса на этот вопрос не следует никакого ответа.

Такое речевое поведение Кейт объясняется тем, что, восхищаясь одним из своих друзей, она не ожидает никакого возражения со стороны своей собеседницы, поскольку та также выразила свое одобрительное к нему отношение. У второго женского персонажа – Анны – мы также видим употребление разделительных вопросов в фатической функции.

Deeley (to Anna): Are you intending to visit anyone else while you're in England? Relations? Cousins? Brothers?

Anna: No, I know no one. Except Kate. (Pause.)

Deeley: Do you find her changed?

Anna: Oh, just a little, not very much. (To Kate) You're still shy, aren't you? (Kate stares at her.) ... (pp., 371-372)

В этом случае разделительный вопрос фактически идентичен общему вопросу – “Are you still shy?”. Но в форме разделительного вопроса высказывается больше дружелюбия по отношению к собеседнику.

В пьесе «Постоянная жена» (“The Constant wife”) С. Моэма мать делает довольно прозрачный намек на возраст дочери. Фраза звучит, как упрек:

Martha: I don't know what you mean by that, mother.

Mrs. Culver: My dear, we've known one another a great many years, haven't we? More than we always find it convenient to mention.

Martha: Not at all. I'm thirty-two. I'm not in the least ashamed, of my age. (p., 267).

В пьесе “Шеппи” (“Sheppey”) С. Моэма есть целый ряд РВ с явно саркастической направленностью:

Sheppey: Now look here, Florrie, I want you and 'er to be friends. I want you to be a sister to 'er. And I want mum to be a mother to 'er.

Florrie: The acquaintance is a bit short for that, isn't it?

Sheppey: She's in trouble and I want you to 'elps 'er. (p., 65).

Cooper: 'Ere who are you a' calling a thief?

Florrie: Well, you are, aren't you?

Cooper: I may be. But if you was a man I'd like to see you say it. (p., 69).

Sheppey: To oblige me, my dear. If you say no, it means the Embankment or the streets.

Florrie: Well, she'd be at home there, wouldn't she?

Sheppey: ... She's a nice woman and a good woman. You can't deceive me (p., 65).

Как видим, все три саркастических замечания принадлежат одному и тому же персонажу. Это наводит на мысль о том, что частое использование у того или иного женского персонажа разделительный вопрос с отрицательной коннотацией может служить своего рода характерным признаком речевого портрета.

Действительно, Флори, которой принадлежат вышеприведенные высказывания, в целом в пьесе характеризуется как отрицательный персонаж. Несмотря на некоторый внешний лоск, знание французского языка и т.п., она оказалась довольно бессердечным человеком, которая с легкостью переступила через смерть своего отца.

Такова в целом картина использования разделительных вопросов в речи женских персонажей. Преобладание положительных коннотаций не означает, что у женщин не встречались случаи с теми или иными негативными коннотациями, но таких случаев было несравненно меньше.

Когда же мы обращаемся к речевым портретам мужчин, то ситуация резко меняется: мы наблюдаем совершенно обратное соотношение негативно окрашенных и позитивно окрашенных разделительных вопросов.

По количеству использованных разделительных вопросов в пьесе Дж. Осборна "К западу от Суэца" ("West of Suez") характеристика Витта Джиллмана вполне сопоставима с речевым портретом Фредерики. Это и понятно, поскольку они являются членами одной семьи (отец и дочь), которой и посвящена пьеса. Тем более примечательно, что между ними существует значительное расхождение в использовании этих видов вопросов. У Джиллмана они появляются в тех или иных отрицательных контекстах. Само содержание вопросов не дает однозначного решения в отношении эмоционального состояния говорящего. Однако из общей ситуации становится ясно, что тот или иной разделительный вопрос появляется в связи с какой-то неприятной мыслью.

Обратимся, например, к следующему эпизоду, когда Джиллман высказывается отрицательно относительно других известных писателей (помимо себя), считая их опасными соперниками. Весь следующий диалог мог бы произвести впечатление даже определенного дружелюбия со стороны Джиллмана, его озабоченности тем, что он мог

оскорбить известного писателя. Однако в микроконтексте того отрицательного высказывания, о котором мы упомянули, содержание вопросов приобретает совершенно иной характер.

Robert: What did he say?

Wyatt: "Oh exactly", or something of the sort. I was so confused by him. Do you think he'll remember?

Evangie: Might do.

Wyatt: Oh, dear. He must have thought me the most unbearable little prig. I do hope he doesn't I mean he's really famous, isn't he?

Christopher: Not in the way you are, and he'll know it. (p., 419).

В данном случае "famous" фактически оказывается эквивалентом слова "dangerous". Разделительный вопрос, следовательно, выражает опасения Джиллмана и имеет отрицательные коннотации.

Значительный процент разделительных вопросов, используемых мужчинами, носит характер насмешки. Естественно, что такого рода примеры встречаются и в речи Джиллмана. Так, например:

Frederica: There's a great breeze if you stand up here.

Wyatt: Couldn't stand anywhere after all that lunch the Brigadier got for us. I say, he is hot stuff in that department, isn't he? But he was quite a soldier. Frederica: I suppose it usually is. (p., 424).

Обратимся теперь ко второму мужскому персонажу пьесы Дж. Осборна «К Западу от Суэца» мужу Фредерики – Эдварду.

Основной особенностью речевого портрета данного персонажа является то, что он крайне немногословен. Соответственно, в его речи присутствует много эллиптических конструкций и нераспространенных предложений.

О чем же говорит такая немногословность персонажа? Прежде всего, о его профессии. Он хирург и, следовательно, привык к максимальной четкости и экономности не только в своих движениях, но и в своей речи. Но, с другой стороны, склонность к эллипсису может свидетельствовать о некоторой небрежности в изложении своих мыслей.

Казалось бы, перечисленные причины взаимно исключают друг друга. Однако нам представляется, что в речи Эдварда оба этих фактора (точность и небрежность) органически сочетаются, т.е. в одних случаях персонаж экономно формулирует свою мысль, а в других он намеренно небрежен. Небрежность в его речи также объясняется его профессией. Дело в том, что он не просто хирург, а патологоанатом. Это не могло не наложить определенного отпечатка на его мировоззрение и речь, он временами намеренно циничен. Именно в этом контексте и следует истолковывать использование персонажем разделительных вопросов.

Сопоставление речи Эдварда с речью Джиллмана дает возможность констатировать, что речь первого более приближена к тому обоб-

ценному типу употребления разделительных вопросов мужчинами, чем речь второго. Хотя речь Джиллмана в целом по своему объему несколько превышает речь Эдварда, все же различие между ними не является настолько значительным, чтобы их нельзя было сопоставлять с точки зрения частотности употребления разделительных вопросов.

Чем же в таком случае можно объяснить более частое употребление Джиллманом анализируемой формы вопроса?

Ответ следует искать в профессии данного персонажа. Известный писатель, он вынужден постоянно поддерживать контакт с окружающей его публикой, демонстрировать свою доступность и расположенность к людям. Форма разделительных вопросов, ассоциируемая чаще всего с фатической функцией, оказывается наиболее удобным инструментом для демонстрации дружелюбия.

На наш взгляд, является весьма показательным тот факт, что, несмотря на разнообразие мужских персонажей в пьесе, по существу этой формой вопросительных предложений пользуется лишь один главный персонаж – Джиллман. Его зять Эдвард, как мы видели выше, прибегает к ним редко.

В речи секретаря Джиллмана – Кристофера из этой же пьесы форма разделительного вопроса встретилась лишь один раз, причем так же, как и у Эдварда, этот вопрос выражает негативное отношение говорящего и по существу является выражением упрека. Этот случай привлек наше внимание тем, что здесь разделительный вопрос осложняется введением эмфазы с помощью глагола “do” в первой части вопроса. В результате функция разделительного вопроса сближается с функцией тех специфических форм вопросов, где отсутствует чередование утвердительных и отрицательных форм и единственное назначение которых заключается в выражении недоверия, иронии, сарказма.

Для того чтобы правильно оценить функциональный аспект разделительного вопроса, необходимо знать не только профессию говорящего, не только его отношение с окружающими, но и проникнуть в мировоззрение данного персонажа.

Итак, суммируя основные выводы, можно утверждать, что:

1. Женская речь изобилует диалогическими единствами с разделительными вопросами в фатической функции с положительными коннотациями;

2. Положительные коннотации, встретившиеся у британских женщин, выражают сочувствие, побуждение, восхищение, поддержку (совет), дружеское расположение, извинение;

3. Несмотря на преобладание положительных коннотаций в речи женщин встречались случаи с отрицательными коннотациями: сарказм, ирония, упрек, что, обычно, говорит об отрицательной характери-

стике определенного женского персонажа в пьесе;

4. В устной речи обнаружены все переходные случаи разделительных вопросов – утвердительные предложения, комбинации утверждения и вопроса, восклицательные предложения, риторические вопросы и т.д.;

5. В речи мужчин разделительные вопросы употребляется, как правило, с отрицательными коннотациями. Наличие фатической функции в разделительных вопросах мужчин встречается крайне редко.

Каким образом можно оценить полученные результаты с точки зрения изучающего английский язык?

Ясно, что иностранцу вряд ли можно рекомендовать использование РВ для выражения иронии, хотя пассивное ознакомление изучающих английский язык с такого рода случаями представляется не только возможным, но и желательным. ***Основное же внимание следует уделить функциональной нагруженности РВ с положительными коннотациями. Для этого, как видно из проведенного исследования, следует опираться в первую очередь на речь женских персонажей.***

Литература

1. Nasslin S. The English Tag Question. A study of sentences containing tags of the type: isn't it? is it? // Stockholm Studies in English, N 60, 1984. P. 204.
2. Oates J. Men, Women and Language. Mouton, 1989.

Представления о грехе в народной традиции

© И. С. Брилева, 2001

В традиционной картине мира *грех* является структурообразующим компонентом. Через это понятие устанавливаются связи между: человеком и окружающим миром (ближним, родом, социумом); человеком и Богом; земной и посмертной жизнями. Народное понятие греха значительно шире, чем его ортодоксальная интерпретация. «Грех – все, что противоречит норме и влечет за собой карающую реакцию природы (или высшей силы)»¹.

Не претендуя на окончательные выводы и исчерпывающее освещение проблемы, в данной статье мы попытаемся описать представленный в народной традиции концепт греха через связанные с ним понятия. Грех будет рассмотрен в двух аспектах: как действие человека и как результат этого действия. Материалом для исследования послужили тексты русской народной сказочной прозы и некоторые цитаты из православной литературы². Анализируемый концепт реализуется в текстах сказочной прозы, прежде всего, через мотивы, входящие в повествования и образующие многоходовые сюжеты (само слово «грех» может не звучать в произведении). Однако компоненты рассматриваемого понятия отражаются и в словосочетаниях со словом «грех».

Грех как действие человека.

Грех называет ситуацию, включающую человека как производителя негативно оцениваемого действия и «оценивающую сторону» (Божий взгляд), выносящую приговор. Действия участников этой ситуации носят взаимообусловленный характер, предполагающий, однако, многоуровневую и многоэтапную систему отношений, что становится возможным благодаря комплексности понятия грех. Действия человека можно условно разделить на две группы. В первой актуализируется позиция человека, подчеркивается активный и, чаще всего, сознательный характер его действий: *согрешить, сделать, сотворить грех* («*Я грех экой сделал: отца, матерю убил*» (Аз.235); «*И праведник седмижды в день согрешает*» (Даль); «*сделай наперед грех с родной матерью,*

¹ С. М. Толстая. Преступление и наказание в свете мифологии // Логический анализ языка: Языки этики. М, 2000. С. 374

²Выразительные средства (а следовательно и лексические партнёры «греха»), используемые в церковной литературе, отличаются разнообразием и эмоциональностью, что соответствует установке текстов – отвратить человека от совершения греха. Мы использовали лишь те примеры из канонических произведений, которые иллюстрируют и дополняют «образ» греха, складывающийся при анализе фольклорных сюжетов.

сестрой и кумой» (Аз.363) «напился до того, что совсем позабылся и сотворил грех со всеми тремя» (Аз.363)); соблазнить на совершение греха другого человека («старуха (...) зачала в мыслях держать, как бы ухитриться смутить сына да на грех навести» (Аз.363); «Плохо не клади, в грех не вводи». (Даль)); избавиться от греха («Я бы теперь последнюю рубаху отдал, только б греха избыть» (Аз.363)). Как следует из примеров, выражения *согрешить с кем-либо, сделать / сотворить грех с кем-либо* передают значение *вступить в сексуальную связь*. В ситуации, описываемой предикатами второй группы, при сохранении человеком центральной позиции деятеля присутствует (имплицитно или эксплицитно) и другой участник – Бог (Его оценка, суд): «можно ли отмолить его (грех)» (Аф.28а); «и ходит (...), умаливая свой тяжкий грех» (См.7); «покаялась она в своем смертном грехе» (См.7); «кушел каяться священнику» (Аз.235) и т. п. Бог как субъект действия выступает в двух основных функциях – прощения и наказания (кары). О том, что идея наказания входит в концептуальное поле греха, свидетельствует, в частности, прослеживаемое в примерах признание справедливости наказания: «наказывает, конечно, нас», «заслужила казнь лютую», «Все на свете по грехам нашим дается». Последний пример иллюстрирует также мысль о том, что любое негативное событие в жизни является закономерным следствием греха, совершенным, возможно, еще предками. Сравним: «Господь долго терпит, но больно бьет. И не поймаешь. Даже не тебя накажет, а твоих детей или твоих внуков. Господь всех наказывает». (АКФ. Брянск. обл.№1).

В православной традиции, в отличие от католической, отсутствует тщательно разработанная классификация грехов и система их искупления, кроме выделения семи смертных грехов (к которым сводятся все остальные) и десяти заповедей. Существует ли четкая градация грехов в народной православии? В народной традиции *норма* задается не списком грехов и добродетелей, а текстами, иллюстрирующими запреты и предписания. Естественно предположить, что о тяжести греха, о его выделенности на фоне остальных должно говорить наказание. Однако наказание за грех реализуется в зависимости от включенности текста в архаическую или христианскую систему ценностей по-разному, в частности, оно может свершаться в загробном мире или на земле. Какое преступление страшнее (наказываемое немедленно или ожидающее отмщения в будущей жизни) решить невозможно. «Непростительными», «великими», «страшными» в текстах называются грехи, входящие в разные тематические группы: «Какой непростительный грех некрещеных хоронить» («Ж. ст.» т. №3); пустынный говорит об инцесте: «Это грех великой, не ведаю, можно ли отмолить его» (Аф. №28 в); «Грех великий обижать матушку Пятницу ...» (Аф.№ 13) и т. д.

Картины загробных мучений также представляют одинаково впечатляющие наказания грешников. Отсутствие дифференциации грехов по тяжести компенсируется подробно разработанной системой наказаний, ассоциированных с конкретными грехами: *пряхь в пятницу (т.е. засорять глаза Матушке Пятнице) – ослепнуть; смолить копны на Смоленскую – сгореть; не поить жаждущих – (на том свете) стоять по уста в море и мучиться жаждой и т.п.* Об отсутствии такого понятия, как «легкий» грех свидетельствует и легендарный сюжет (Аф. №20), в котором осуществляется попытка выделения более и менее страшного греха: *«Как быть? —думает старец,—что мне сделать? Если мяса съем—теперь пост, будет большой грех; если блуд сотворю — грешнее того будет; вылью лучше я вина».* (Аф. №20). Персонаж проигрывает в борьбе с дьяволом, выбирая, на первый взгляд, менее тяжкий на фоне других грех.

Включенность в концепт греха оценивающей стороны позволяет слову «грех» употребляться в функции квалификации поступка. В высказываниях: *«Всякая неправда грех», «...тебе (за это) греха не будет», «От Бога грех, а от людей посмех»* и др. – слово грех звучит как приговор, выносимый Божиим судом.

Понятием, входящим в концепт греха, дополняющим идею наказания и существенно отличающим грех от запрета является **прощение**. Как показывает анализ текстов, прощение греха может быть как заслуженным (искупительным путем грешника, праведностью и молитвой близкого ему человека и т. п.), так и являть собой милосердие Божие, не требующее ничего взамен (сюжеты об искушенном бесе). Получить прощение (оставление) грехов может только тот человек, который сам не держит ни на кого зла, простил своих обидчиков. Эта идея является одной из основополагающих для христианства (вспомним необходимое для исповеди условие простить всех) и находит отражение в легендарных сюжетах сказочной прозы. Непрощенный грех удерживает человека на грешной земле, не пускает его в рай: мать не может умереть до тех пор, пока не простит проклятого сына, его же тело не принимает земля (Аз. № 233, 234); не простив сына, убиенные им родители не могут попасть в рай (Аз. № 235).

Нам представляется, что присутствие в ситуации, называемой словом «грех», второй стороны (Бога, а также Святых и персонифицированных праздников в качестве исполнителей функций Бога) делает анализируемое понятие принципиально оценочным. Позиция оценивающей стороны проявляется также в сочетаниях: *непростительный, незамолимый, большой, смертный грех*; в употреблении (наряду с *«грех что-либо делать»*) *«грешно» – «очень грешно» – «грешнее»*, благодаря которым осуществляется попытка градации грехов.

Опираясь на комплекс понятий, входящих в концепт греха, интересно выявить, какой тип действия закреплён в народном сознании за совершением греха – *ошибка* или *преступление*.

Грех и *преступление* сближает трактовка действий человека и Бога в юридических терминах. В основе совершения греха (как и преступления) лежит нарушение закона (нравственного, Божественного – в первом случае и правового – во втором), за которое предусмотрено наказание, выносимое на суде (Божием – для греха, гражданском – в случае преступления), при сохранении, однако, возможности прощения. В отличие от преступления, тип наказания за грех определяется не столько его тяжестью, сколько способом совершения греха.

Ошибка отличается от преступления неосознанностью неправоты в момент совершения действия. «Осознание ошибки всегда ретроспективно. Ошибку, в отличие от нарушения, нельзя запланировать, нельзя совершить сознательно, намеренно».³ В православной традиции грехом считаются как сознательные, так и бессознательные нарушения нормы (*грехи вольные и невольные, ведомые и неведомые*). Христианство, по сравнению с архаическим видением мира, актуализировало ответственность человека за его нравственный выбор. Ошибочный выбор порождает грех. Кроме того, покаяние как осознание греха есть осознание своей ошибки. Таким образом, понятие греха можно интерпретировать и через преступление, и через ошибку. В текстах русской народной сказочной прозы концепт греха ближе к преступлению, что объясняется большим интересом в произведениях к поведению, а не к личности человека и дидактической функцией повествований. Однако идея неосознанности прегрешений в совокупности со склонностью человека ко греху реализуется, например, в следующих пословицах: «*Невольный грех живет на всех*» (Даль), «*Грех да беда на кого не живет*» (Даль), «*И праведник семижды в день согрешает*» (Даль).

Ошибка, имплицитная в понятии грех, актуализируется в таких употреблениях современного русского языка, как *грешить против истины* – т. е. заблуждаться, *погрешность* – ошибка, заблуждение (С. И. Ожегов).

Грех как результат действий человека.

Грех не заканчивается вместе с завершением действия, нарушающего норму, – он остается с человеком и проявляет себя через состояние, в котором теперь человек пребывает. Предлагая толкование лексем русской «грех» и итальянской «*peccato*», Л. Г. Панова отмечает, что «в их значении содержится перфект, т. е. действие и состояние в результа-

---

³ Г. И. Кустова. Предикаты интерпритации: ошибка и нарушение // Логический анализ языка: Языки этики. М, 2000. С. 126.

те этого действия»⁴. Интересно выявить, какой образ грех как результат действий человека вызывает в народном сознании.

Средоточением грехов и добродетелей человека служит совесть как внутренний психический орган, «автономный компонент внутреннего человека»⁵: *чистая, запятнанная, больная совесть, на совести лежат грехи*. Аналогично «совести» могут употребляться слова *душа* и *сердце*. Нечистая (греховная) совесть *мучает* (*терзает, грызет* и т. п.) согрешившего. Таким образом, место обитания греха в человеке – его совесть, сердце, душа.

грех = тяжесть (груз)

Одним из частотных определений к «греху» является слово «*тяжелый*». Через сочетание «*тяжелый грех*» происходит овеществление, конкретизация этого абстрактного понятия. Грех тяготит сердце и душу, совесть мучает человека, заставляет его искать пути освобождения от греха, иногда толкая на еще более страшные преступления. Тяжесть греха контрастирует с легкостью сердца, освобожденного от греха: «*С тех пор молодого купца начала мучить совесть, и он сильно терзался и не находил нигде покою (...) пошел странствовать и замаливать свой грех*». (См. №82); *убиенные сыном родители простили ему грехи, и пошел купец с облегченным сердцем*» (См. №82); «*Тяжело вздохнул парень, горько заплакал, не взял ни одной копейки и пошел куда глаза глядят (...) и всякого спрашивает: не знает ли, как замолить ему грехи тяжкие?*» (Аф. №28а).

О наличии в сознании ассоциации грех – тяжесть (груз) свидетельствует существующее в православной традиции представление о том, что Бог (или священник как наместник Бога на земле) *снимает грех с человека, берет грех на себя*; человек *несет* свои или чужие грехи.

грех = живой инородный организм (болезнь)

Мучить может не только совесть, отягченная грехом, но и сам грех. Как пишет Св. Иоанн Кронштадский, *грех не может не мучить*: «если случится кому-либо из богобоязненных людей отойти ко сну, не раскаявшись в том грехе или в тех *грехах*, которые сделаны днем и *мучили душу*, то мучение это будет сопровождать человека всю ночь...»⁶. С грехами напрямую связаны вечные мучения в посмертной жизни. Однако в отличие от совести, которая предстает как «орган» человека и ко-

⁴ Л. Г. Панова. Грех как религиозный концепт... // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 171.

⁵ Н. Д. Арутюнова. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 58.

⁶ Святой праведный Иоанн Кронштадский. Моя жизнь во Христе. М.-СПб., 1998. С. 37

торуую стремятся успокоить, облегчить (ср. легкая, спокойная совесть), грех представляет собой нечто инородное для человека, от чего необходимо избавиться («*Я бы теперь последнюю рубаху отдал, только б греха избыть*» (Аз.363)). Грех – посторонний организм, который *живет* в человеке / на человеке («*Невольный грех живет на всех*»; «*Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю, но живущий во мне грех*» (Рим.7, 19-21)); развивается, овладевает все большим пространством в его душе, пускает корни в его сердце («*Как глубоко грех пускает в сердце грешника и во всем существе его корни свои, как он дает грешнику свое зрение, которое видит вещи совсем иначе, чем как они есть в существе своем...*» – Св. Иоанн Кр-ий⁷; «*язва греха*», «*греховная опухоль*» – из проповеди священнослужителя), мучает, умерщвляет и убивает («*...оживотвори мя, умерщвленного грехом*» – из молитвы ко Прсв. Богородице, «*смертный грех*» и т. п.). Бог, в свою очередь, исцеляет душу от греха («*во исцеление и здравие души же и тела*», «*Исцели, Пречистая, моя многонедужные струпы*»⁸, *яже в души...*» – из канона Ангелу хранителю).

грех = хозяин, захватчик

Образ «хозяина, захватчика», скрытый в понятии «грех» реализуется в следующих предикатах. Грех связывает, пленяет согрешившую душу, держит, не пускает ее в рай («человек, преданный грехам, называется связанным пленицами грехопадений (...) душа будет в тесноте, связанная пленицами греха (...) когда я бываю в плену греха (...) грех связал мне силы и я – как закованный в цепи внутренно – не могу обратиться к Богу» – Св. Иоанн Кр-ий⁹, «...мне следовало быть в раю, да два греха не пускают» (Аз.236), «И рад бы в Рай, да грехи не пускают»); греху служат («так и аз греху служу» – из покаянного канона).

Интересно, что грех не столько сам по себе держит душу в плену, сколько через волю Бога или людей, против которых совершено преступление. Во власти Бога (и человека) *отпустить, простить*¹⁰, *оставить* грехи: «*Я (скитник) разрешу*¹¹ *твой грех*» (См.82); «*Остави и прегрешения моя, и прощение ми подаждь*» – молитва Св. Симиона Нового Богослова; «*Господь простил тебе все твои грехи*» (Аз.363);

⁷ Цит. соч. С. 34.

⁸ струп – др.-русс. *стрѹпъ* «рана, труп, грех» // См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 784.

⁹ Цит. соч. С. 35 – 37-

¹⁰ Ср. чешск. *prostiti* «освободить»; др.-русс. *простъ* «прямой, открытый, свободный, простой» // См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. N. III. С. 380.

¹¹ Решить – др.-русс. *решити* «развязать; отпустить грехи» // См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 479.

«Они (родители) ему грехи простили, и Господь им простил» (Аз.№23). Силой, освобождающей человека от власти греха, является *прощение*.

грех = грязь

Противопоставление *чистый – греховный* (о совести, сердце, душе) реализуется в повествованиях через мотивы «смывания» греха: Св. Николай советует согрешившему персонажу *мыть себя* – и не водой, а горячими *слезами* (Аз.240); епитимья, налагаемая на грешника, – *политывать слезами* обугленные головешки, символизирующие его душу (Аф.28а; Сад.99в)). По-видимому, образ, который замещает *грех* в данных контекстах, – *грязь*. Эту мысль подтверждает широко встречающееся в православной литературе употребление «*очиститься от греха*», «*очистить грехи*»: «*Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя...*» – псалом 50; «*Господи Иисусе Христе, Боже мой, ослаби, остави, очисти ми грешному, и непотребному, и недостойному рабу Твоему прегрешения, и согрешения, и грехопадения моя...*» – молитва Св. Иоанна Златоустого и т. д. Ср. также «запятнанная совесть», «запятнать грехами».

В выражениях типа «погрязли¹², утопают в грехах», «жить в грехе» как нам представляется, грех выступает как некая «среда», порожденная греховным действием и окружающая человека.

Таким образом, грех представляет собой не только номинацию действия человека, но и концептуализируется как некая материализованная субстанция, «вызванная к жизни» этим действием, локализуемая (в человеке, на нем или вокруг него) и перемещаемая.

Источники текстов и сокращения

- Аз.- Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. — М., 1992 (Библиотека русского фольклора. Т. 12)
АКФ – Архив кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова. Экспедиция в Брянскую область.
Аф.- Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Новосибирск, 1990.
Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994.
“Жив.ст.” – “Живая старина”, 1994 г. № 2.
См. – Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок архива РГО // Записки РГО. Т. 49 Пг., 1917.

¹² Первоначальное значение слова «грязь» – «тина», «топь»; «грязнути» – «погружаться, тонуть».

ЛИНГВОПОЭТИКА
FINITA LA COMEDIA
(Об иноязычном дискурсе в прозе Лермонтова)

© кандидат филологических наук Г. В. Москвин, 2001

Модусные импликации иноязычного слова или реплики, употребленных в потоке национальной речи, обнаруживают себя в трех основных сферах: жанрово-стилевой, деятельностной и мировоззренческой. Нераздельность этих сфер, характерная для сознания культурного человека 1-ой половины XIX века в России, определила особую языковую «чувствительность» литературного текста отмеченного периода к включению «инородного» материала. Показателен в этом отношении комментарий к реплике Печорина, сказанной после убийства Грушницкого: «*Finita la comedia!*». Как отмечают исследователи, возможно, это цитата из какой-нибудь итальянской «*comedia dell'arte*». Печорин как будто пародирует известные слова римского императора Августа, который, умирая, спросил своих друзей о том, «... не находят ли они, что он хорошо сыграл комедию жизни». Подобные же слова легенда приписывает и умирающему Рабле: «Опустите занавес, комедия сыграна» [Лермонтов: 353]. В приведенном комментарии, на первый взгляд, нет строгой логики в сцеплении пояснений, тем более, применительно к данному литературному тексту¹. Между тем в нем последовательно актуализируются жанрово-стилевая (*comedia dell'arte*), деятельностная («я сыграл») и мировоззренческая («комедия сыграна») функции реплики Печорина, релевантные как для структуры текста, так и для его смысла. И эта функциональность проясняется с возможной полнотой, если обнаружить и проследить системные конструктивные связи реплики с фразами Грушницкого и Печорина, произнесенными на французском языке и тем самым акцентированно выделенными в тексте.

В литературе отмечается, что «Герой нашего времени» «построен по правилам драмы» [Фишер: 234], «формируется на драматургической основе» [Недзвецкий: 65]. Это положение особенно справедливо по отношению к повести «Княжна Мери», представляющей собой многоплановое театрализованное действие, в котором Печорин выступает как сочинитель спектакля, его постановщик и исполнитель главной роли.

---

¹ «...план выражения модуса не только разнообразен, но и «исследовательски надежен» <...> «...основные приемы изучения модуса – это перифраза и экспликация» [Шмелева: 25]. На этом положении базируется методика анализа в настоящей статье отношений иноязычного и русского текстов.

Обе упомянутые выше фразы звучат в экспозиции к этому спектаклю, они же определяют его жанровые формы и содержание, перспективу развития сюжета, объем и смысл повести.

Грушницкий сам определяет в своей фразе – «*Mon cher, je haïs les hommes pour ne pas les mé priser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante*»² – жанр спектакля, фарс, в котором ему суждено сыграть главную роль. Фраза его содержит три темы: *я – люди – жизнь*. Ее семантическая структура такова: *я* – субъект отношения; *люди* – каузирующий объект отношения; *жизнь* – среда существования или собственно житие³. Иерархически «я» не просто выше людей, от «его» отношения к ним зависит, какой будет жизнь. Поэтому связь «я» и «жизнь» следует понимать, как «жизнь – это среда моего существования, творимая из меня». Другими словами, жизнь становится синонимом «я». Поддержание или распад этого тождества определяются ролью, отводимой «я» другим людям. Презрение – это тяжба с людьми, ненависть – исключение их из себя. Презирать людей – значит, быть героем фарса; ненавидеть – «сделаться героем романа».

Фраза Грушницкого вскрывает живущие в нем страсть и мечту превосходить других, отсюда и претензия ненавидеть людей, чтобы освободиться от соперничества с ними. Это понимает Печорин, говоря, что Грушницкий «занимался целую жизнь одним собою». Психологическая подоплека стремления Грушницкого ясна, в нравственном же плане здесь репрезентируется проблема духовного характера: попытка исключить людей из своей жизни означает подмену мироздания собой. На этом пути может быть достигнуто, казалось бы, бесконфликтное само- и мироощущение, но только до появления человека, которого исключить из созданного мира нельзя и который исключает самого «создателя».

Этим человеком оказался Печорин, завершивший выстрелом фарс Грушницкого, сыгранный в пространстве от самопредставления («Я ненавижу людей, чтобы их не презирать...») до откровения перед смертью («Я себя презираю, а вас ненавижу»). «Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва», – увиденный Печориным посреди смятения («Все в один голос вскрикнули») и ужаса (доктор «с ужасом отвернулся») исчезающий мираж человеческой жизни. Эта фраза – своего рода сюжетная метафора Слова Божьего: «Ибо прах ты и в прах возвратишься» (Бытие 3: 19). Произнесенное вслед за этим итальянское «*Finita la comedia*», маркирует низший член аксиологической парадигмы «фарс –

---

² Милый мой, я ненавижу людей, чтобы их не презирать, потому что иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом (франц.).

³ Семантическая структура этого предложения приводится в соответствии с концепцией М. В. Всеволодовой [Всеволодова: 290-291].

бытие». Конечно, Печорин, как двойник Грушницкого, относит эти слова и к себе, т.е. фарс изживается и в нем через смерть Грушницкого.

«Mon cher, je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule»^{*} – эта фраза Печорина структурно и семантически организована, как и декларация Грушницкого, – недаром Печорин старался «подделаться под его тон». В этой фразе определяется жанр спектакля, в котором суждено исполнить роль княжне Мери, – мелодрама. Подобно Грушницкому, боящемуся мира «презрения», Печорин боится быть вовлеченным в мелодраматические отношения, т.е. играть роль в «mélodrame trop ridicule». Сюжетная ситуация (злополучный взор княжны, брошенный на Грушницкого, и позже сцена со стаканом у колодца) лишь провоцируют Печорина к действию, т.е. мелодраматические ожидания («закрытое платье gris de perles⁴», «ботинки couleur russe⁵ и пр.) смешивались в нем с высокой потребностью любви. Вся история отношений Печорина с княжной размещена между фразами: «Выражение этого взора (обращенного на Грушницкого – Г.М.) было очень неопределенно, но не насмешливо» и «Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали» – получается, что в течение всей интриги Печорин «переводит» взгляд княжны с Грушницкого на себя, и как только ему это удастся, мелодрама должна завершиться.

Обратим внимание, как французская речь нюансирует фазы развития мелодраматической линии сюжета. Первая встреча участников любовной ситуации уже после экспозиции и завязки рассчитана на то, чтобы впервые в поле внимания княжны оба ее «героя» попали как соперники.

...Я ударил плетью по лошади и выехал из-за куста...

– Mon dieu, un Circassien!..⁶ – вскрикнула княжна в ужасе.

Чтоб ее совершенно разуверит я отвечал по-французски, слегка наклонясь:

– Ne craignez rien, madame, – je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier⁷.

Она смутилась, – но отчего? от своей ошибки или оттого, что мой ответ ей показался дерзким? Я желал бы, чтоб последнее мое предположение было справедливо. Грушницкий бросил на меня недовольный взгляд.

---

^{*} Милый мой, я презираю женщин, чтобы не любить их, потому что иначе жизнь была бы слишком смехотворной мелодрамой (франц.).

⁴ Серо-жемчужное (франц.).

⁵ Красновато-бурого цвета (франц.).

⁶ Боже мой, черкес!.. (франц.).

⁷ Не бойтесь, сударыня, – я не более опасен, чем ваш кавалер (франц.).

После спасения княжны от «обморока на бале», получив «лучшую позицию» перед Грушницким в глазах княжны, речевое поведение соперников проявляется как резко контрастное.

...Грушницкий, облокотясь на рояль против нее, пожирал ее глазами и поминутно говорил вполголоса: “charmant! délicieux!”⁸.

<...> Она сделала гримаску, выдвинув нижнюю губу, и присела очень насмешливо.

– Мне это тем более лестно, – сказала она, что вы меня вовсе не слушали... но вы, может быть, не любите музыки?

– Напротив, – после обеда особенно.

– Грушницкий прав, говоря, что у вас самые прозаические вкусы... и я вижу, что вы любите музыку в гастрономическом отношении...

И, наконец, в записи, предшествующей решающим событиям, Печорин, размышляя о невозможности для себя жениться, противопоставляет свой выбор «жанровому» поведению: «Другой бы на моем месте предложил княжне: son coeur et sa fortune!⁹». Надо заметить, что еще раньше княжна, смущенная «неканоническим» поведением Печорина, выполняет ключевые, обязательные для мелодрамы действия за него, т.е. объясняется ему в любви («...вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?..») и предлагает ему son coeur et sa fortune («...может быть вы боитесь препятствий со стороны моих родителей <...> я их упрошу <...> я всем могу пожертвовать для того, которого люблю...»).

Мелодрама в отношениях между Печориным и княжной завершается дня за три до дуэли, хотя и воздействует в своей инерции, или последствиях, на ход событий. Смерть Грушницкого, отчерченная словами «finita la comedia», становится событием, сметающим все жанровые стилиевые каноны как в эстетическом сознании, так и в жизни. Заметим, впрочем, и напряжение, с которым Печорин преодолевает в себе последнее мелодраматическое искушение.

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

– Боже мой! – произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее.

Во «французских» фразах Грушницкого и Печорина, помимо наименований жанров жизни, звучат слова, называющие три типа отношений, т.е. в повести актуализируется система смыслов, представленных понятиями *ненависть – презрение – любовь* (в такой последовательности они выступают в рассматриваемых фразах). Анализ повести показывает, что с *любовью* в ней связаны идеи о бытии как факте провиденциальном, *ненависть* отрицает бытие, а *презрение* есть среда и

⁸ Очаровательно! Восхитительно! (франц.)

⁹ Руку и сердце!.. (франц.)

пространство существования человека от крайнего высокомерия до жалчайшего ничтожества. Диапазон проявлений презрения не важен в силу одинаковости их сути. Так, Печорин кричит Грушницкому перед ситуацией «глубочайшего падения» последнего: «Берегитесь» <...> не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря!»

Слова «любовь», «ненависть», «презрение», впервые произнесенные по-французски, в дальнейшем получают «русское» содержание. Отношения *любовь – ненависть* представляют глубинную структуру смысла повести, атмосферой *презрения* проникнут «внешний» сюжет. Жизнь людей в «презрении» проходит вне понимания антиномий *любовь / бытие – ненависть / небытие*, поэтому и человек оказывается вне выбора «за» или «против», т.е. посторонним.

Между «французскими» фразами, при совпадении семантических структур, нет полного параллелизма, и расхождения влияют на их сюжетный и смысловой потенциал. Грушницкий говорит об отношении к людям, Печорин – к женщинам. Это обстоятельство во многом определяет лексическое наполнение фраз: в декларации Грушницкого отсутствует понятие «любовь» («ненавижу, чтобы не презирать»), в ответной реплике Печорина – «ненависть» («презираю, чтобы не любить»). Слова Грушницкого обращены к княжне, он использует диалог с Печориным для камуфляжа своего интереса. Следовательно, его дальнейшие действия будут обнаруживать его подлинные интересы – в этом состоит перспектива развития его «сюжета»: значение его фразы будет раскрываться как ложное, а замыслы его будут дезавуированы. Цель его интриги – возбудить любовь, которая бы утвердила созданный им мир как действительный, но его поведение основано на обмане, поэтому любовь не возникает, а его мир разрушается. Печорин только говорит о княжне, поскольку ему отказано в любви ее «любопытным взором», он может обратиться к ней, лишь устранив Грушницкого. В этом перспектива его «сюжета». И если Грушницкий стремится возбудить любовь, то Печорин, как бы это парадоксально ни звучало, – ненависть. Поэтому он и недоумевает по поводу своего поведения: «Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?»

Таким образом, формы 1-го лица («я ненавижу» и «я презираю») говорят о декларируемом актуальном отношении; инфинитивы («презирать» и «любить») называют сферы отношений, которых герои боятся; невысказанные типы отношений (любовь и ненависть) указывают на интенциональную подоплеку их будущей деятельности.

Примечательны совпадения в описании последних сцен с Грушницким и княжной Мери. Оба возвышаются в этих сценах над «презрением» в себе и выходят, таким образом, за пределы своих жанровых линий.

Лицо его вспыхнуло, глаза засверкали.

– Стреляйте! – отвечал он, – Я себя презираю, а вас ненавижу...
<...> Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

– Я вас ненавижу... – сказала она.

Во фразе «я вас ненавижу» они исторгают из себя зло, которое воплощено для них в одном человеке и предъявлено им через одного человека – Печорина. При этом Грушницкий ненавидит не всех, а одного; княжна уже не презирает (вспомним слова Вернера: «Княгиня очень любит молодых людей; княжна смотрит на них с некоторым презрением»), а ненавидит одного. В их ненависти нет отрицания всего, зато есть отрицание зла, абсолютизовавшегося в Печорине как проекции их внутренних миров. Следует отметить не только очевидную жестокость поведения Печорина, но и жертвенность человека, решившего быть ненавидимым.

Различия в описании Грушницкого и княжны на фоне отмеченного выше сходства проявляются с особенной отчетливостью. Глаза княжны «чудесно сверкали», источник ее взора – в чудесном, глубоком и душевном, глагол «сверкали» не ограничивает состояние по его распространению во времени. У Грушницкого «глаза засверкали», это выражение глаз схвачено в самом его начале, здесь отмечены его характер и интенсивность. Во фразе содержится указание на причину состояния героя («глаза засверкали» – «лицо у него вспыхнуло») – стыд и гнев Грушницкого. Княжна же «бледная, как мрамор», в ужасе и отчаянии созерцает открывшуюся ей правду. Это очень точные психологические реакции – мужская и женская – в отношениях соответственно соперничества и любви, но еще точнее показаны здесь различия в глубине, объеме и характере душевных переживаний героев. Наиболее важным является то, что в Грушницком в последнюю минуту его бесславного существования обнаруживается воля к возрождению, а в княжне Мери в ее ненависти – воля к любви.

Печорин, режиссирующий мелодраму и фарс для княжны и Грушницкого, оказывается, в свою очередь, героем спектакля, жанр которого с определенностью назвать нельзя. Можно было бы предположить, исходя из деклараций «иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом» и «иначе жизнь была бы слишком смехотворной мелодрамой», при активном отрицании Печориным фарса и мелодрамы, что жанром его спектакля является сама жизнь. Но жизнь не спектакль, так как действительность не может разыгрываться – она существует.

Сюжетная энергия, заданная «французскими» фразами, истощается к моменту, когда сформировалась кульминационная ситуация. Развязка сюжета, насыщенная катастрофическими событиями, не отвечает читательским ожиданиям: ведь, казалось бы, созданы все предпосылки к тому, чтобы злодей был наказан, а справедливость и любовь востор-

жестовали. Так, например, часто возникает недоумение (даже у современного читателя) по поводу финала – почему Печорин оставляет княжну Мери. Две стадии развития действия (до дуэли и после), несмотря на их мастерское художественное сцепление, противопоставлены друг другу как «французское» начало и «русский» конец. Это разделение сказывается и в жанрово-повествовательной структуре повести: до дня дуэли рассказ о событиях ведется в форме дневника, где соблюдается синхронность события и его регистрации, после – в форме воспоминаний-записок. В первом случае доминируют эмоции, во втором – медитация чувства и разума. Разделяет эти части вынесенный из времени повести «надсюжетный» лирико-философский пассаж: «Два часа ночи. Не спится». Начало воспоминаний представляет собой сюжетный «отблеск» последней ночи, в нем содержится выразительная деталь – чтение Печориным «Шотландских Пуритан» В. Скотта, факт, недостаточно осмысленный в лермонтоведении.

«*Finita la comedia*» звучит, таким образом, как погребальное слово ложной жизни. Смерть Грушницкого в этом плане является центральным событием повести и понимается как исполнение закона истинной жизни, обязательное для судеб всех персонажей. Интересно, что дуэль происходит на тридцать восьмой день событий повести. В евангельском повествовании, которое вспоминает Печорина в свое первое утро в Пятигорске («чающие движения воды»), есть стих: «Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет» (Ин. 5:5).

Итак, иноязычные фрагменты в русском тексте создают особый тип взаимодействия, имплицитующего спектр межкультурных отношений времени и выходящего за пределы отдельного произведения. Дело не сводится только к жанрово-стилевой полемике с «неистовой» литературой «страстей» «Юной Франции» [Эйхенбаум: 263]¹⁰ – Лермонтов «очищает» жанр в процессе становления самобытной русской литературы, рассказывая о национальном типе мироотношения и жизни.

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
2. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени / Комментарий *В. А. Мануйлова, О. В. Миллер.* СПб., 1996.
3. *Недзвецкий В. А.* Русский социально-универсальный роман XIX в. Становление и жанровая эволюция. М., 1997.
4. *Фишер В. М.* Поэтика Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборник. М., 1914.
5. *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.

---

¹⁰ След этой полемики проявляется в «шутке» Лермонтова в «Тамани»: «... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит Юной Франции. Она, т.е. порода, а не Юная Франция...».

6. *Эйхенбаум Б. М.* «Герой нашего времени» // *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове. М.–Л., 1961.

Пунктуационное оформление композиции в стихах И. Анненского

© Е. Г. Хайлова (Доронова), 2001

Связь системы знаков препинания с композицией стиха рассмотрим на примере нескольких стихотворений из сборника «Кипарисовый ларец».

Романс без музыки

***В непроглядную осень туманны огни,**
И холодные брызги летят,
В непроглядную осень туманны огни,
Только след от колес золотят,*

***В непроглядную осень туманны огни,**
Но туманней отравленный чад,
В непроглядную осень мы вместе, одни,
Но сердца наши, сжавшись, молчат...
Ты от губ моих кубок возьмешь непочат,
Потому что **туманны огни...***

Стихотворение состоит из четверостишия и шестистишия.

Первые семь строк стиха не имеют конечных точек, а только запятые. В конце восьмой строки – многоточие. Одна из синтаксических функций этого знака – показатель окончания предложения, но в структуре данного стиха многоточие делит шестистишие на четверостишие и двустишие. В конце двустишия, а соответственно в конце стиха стоит многоточие. Таким образом, в последних четырех строках можно выделить две части, каждая из которых заканчивается многоточием. Две концовки объединяет разделенная фраза рефрена «В непроглядную осень туманны огни», повторяющегося через строку на протяжении всего стиха.

Композиционно значимым является употребление союза «но»:

*В непроглядную осень **туманны** огни,
Но **туманней** отравленный чад ...*

Здесь также наблюдается связь с рефреном.

Многоточие в конце стиха характерно для поэзии Анненского. (См. «В марте», «Ты опять со мной», «Август», «То было на Валлен-Коски», «TRAUMEREI», «Аметисты», «Январская сказка», «Киевские пещеры», «О нет, не стан», «Трое», «Квадратные окошки», «Старая усадьба», «Умирание», «Призраки», «Облака», «Осень», «Лишь тому, чей покой таим», «Аромат лилеи мне тяжел».) По мнению И.И. Ковтуновой, «точка в конце таких стихотворений противоречила бы их прин-

ципиальной недосказанности. Ее может выразить лишь многоточие» («Очерки...», 1993, с. 123-124).

В конце стиха многоточие может соединяться со знаками вопроса или восклицания. Например:

*Нажмешь ли устой ты последний -
Ни сжатых, ни рознятых рук,
Но радуги нету победней,
Чем радуга конченных мук!.. («В волшебную призму»)*

(См. также «Тоска вокзала», «Спутнице», «Шарики детские», «Человек»).

*Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?..*

(«Старая шарманка»)

(См также «Тоска отшумевшей грозы», «Закатный звон в поле».)

Выделяется тип стихов с двумя концовками, когда заключительной строке с точкой предшествует строка с многоточием. Например в стихотворении «РАСЕ»:

*Люблю обиду в ней, ее ужасный нос,
И ноги сжатые, и грубый узел кос.*

*Особенно когда холодный дождик сеет,
И нагота ее беспомощно белеет...*

*О, дайте вечность мне, – и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам.*

Многоточие завершает развитие содержания стиха. После этого идет заключительное предложение, которое имеет особую эстетическую значимость. Здесь подводится итог, обобщается все сказанное. (См. также «Тоска мимолетности», «Смычок и струны», «Одуванчики», «Будильник», «Стальная цикада», «Кошмары», «Ямбы», «Ледяная тюрьма», «Дочь Иаира», «В вагоне», «Офорт», «Буддийская месса в Париже», «Черная весна», «Я люблю».)

После строк с многоточием завершать стихотворение может также восклицательное предложение.

*Жребий, о сердце, твой понят -
Старого пепла не тронь...
Больше проклятый огонь
Стен твоих черных не тронет! («Пробуждение»)*

(См. также «Мучительный сонет», «Зимний поезд».)

Стихотворение «Светлый нимб» заканчивается вопросительным предложением. В.М. Жирмунский выделил особый тип вопросов в лирике – «лирически неопределенные, эмоционально взволнованные, как бы тревожные вопросы» (Жирмунский, 1977, с. 79).

*Синий сон благовонных кадил
Разошелся тогда без следа...
Отчего ж я фату навсегда,
Светлый нимб навсегда полюбил?*

Данный вопрос обращен автором к себе и не требует ответа.

В некоторых стихотворениях прослеживается связь знаков препинания начала стиха и концовки. Например, первые строки содержат восклицание («Смычок и струны», «В марте», «Ямбы», «Облака») или вопрос («Свечку внесли», «TRAUMEREI», «Трилистник тоски»: «Тоска отшумевшей грозы», «Тоска припоминания», «Тоска белого камня», «Пэон второй – пэон четвертый»).

Стихотворение «Будильник» строится на одних многоточиях. В конце стиха стоит точка и завершающая строфа имеет метафорическое значение.

Вопросительные предложения – основная часть стиха «TRAUMEREI». В конце стихотворения – предложение с многоточием, как своего рода ответ на поставленные вопросы.

Роль тире в концовке стиха рассмотрим на примере стихотворения «Снег».

Первые строки с многоточием выделяют тему стиха: отношение к зиме.

*Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.*

Заметим, что союз «да» употреблен в данном контексте в значении «но».

Особое отношение к зиме у лирического героя связано с темой льда:

*Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!*

В следующей строфе, начинающейся с «но», появляется тема снега.

*Но люблю ослабелый
От заоблачных нег -
То сверкающе белый,*

То сиреневый снег...

Данная строфа лексически соотносится с первой строкой (любил бы я зиму – но люблю снег) и имеет одинаковое пунктуационное оформление в конце строфы в виде многоточия. Таким образом, к теме зимы автор обращается дважды: «зима – лед» и «зима – снег», и каждый раз тема выделяется многоточиями.

Тема снега продолжается в следующей строфе.

*И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,*

В последней строфе присутствует тема снега. По мнению Н.А. Кожевниковой, в данной трактовке весны автор полемизирует с традиционным освещением данного образа (Кожевникова, 1986, с. 77).

*Точно стада в тумане,
Непорочные сны -
На томительной грани
Всесожженья весны.*

Две последние строфы состоят из одного предложения, которое включает метафорическое описание снега (усталый снег), связанное с темой «непорочных снов», с предшествующим сравнением («точно стада в тумане»).

В последней строфе тире отделяет концовку, итоговую фразу. (См. заключительную строфу в стихотворениях «Кулачишка», концовки с тире в стихах «Маки», «Дождик».)

Итак, знаки пунктуации помогают автору выделить концовку стиха, «смысловое заострение основной темы» (Жирмунский, 1977, с. 242).

Особую пунктуацию в стихах Анненского можно наблюдать в стихотворениях с прямой речью.

1) Традиционно прямая речь каждого участника стоит после деепричастия и заключена в кавычки. Заметим, что в диалоге с лирическим героем могут участвовать неведомые существа (сиреневая мгла, «левком и фенолом равнодушно дышащая Дама», мертвая нищая, призраки), предметы вещного мира (смычок, цветы), необозначенные персонажи («Киевские пещеры», «Трое», Перед панихидой») и люди (малютка-дочь, кучер).

Кроме того, в стихах «Смычок и струны», «Одуванчики», «Киевские пещеры». «Баллада», «Старая усадьба», «Призраки» речь одного участника диалога стоит после деепричастия и заключена в кавычки, а речь другого знаками препинания не выделена. Например:

*Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..»*

*И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно. («Смычок и струны»)*

2) Речь персонажа может быть представлена в виде внутренней речи.

В стихотворении «Квадратные окошки» лирический герой разговаривает сам с собой. Каждая его новая реплика заключена в кавычки.

*«Ты помнишь тиховейные
Те вешние утра,
И как ее кисейная
тонка была чадра.*

*Ты помнишь серебристую
Из мальвовых полос.
Как ты чадру душистую
Не смел ей снять с волос?*

*И как тоской измученный,
Так и не знал потом -
Узлом ли были скручены
Они или жгутом?»*

*- «Молчи, воспоминание,
О грудь моя не ной!
Она была желаннее
Мне тайной и луной.*

*За чару серебристую
Тюльпанов на фате
Я сто обеден выстою,
Я изнурюсь в постели!»*

(См. также аналогичное стихотворение «Кошмары».)

В оформлении внутренней речи могут особое значение имеют знаки многоточия и вопроса.

По мнению И. Ковтуновой, эти знаки помогают показать «процесс мысли, чувства, восприятия окружающего мира («поток сознания», стихийную динамику внутренней речи)» (Очерки..., 1993, с. 9). На примере стихотворения «Старая усадьба» исследователь рассматривает пунктуационные способы оформления внутренней речи. Особого рода лирические вопросы призваны намекнуть на сложное, неопределенное, не поддающееся прояснению глубинное чувство лирического «я». Логические разрывы, выраженные многоточиями, служат способом созда-

ния неполной определенности, недосказанности. (Очерки..., 1993, с. 121)

Подводя итог сказанному, следует констатировать:

- 1) знаками выражения концовки стиха являются многоточие и тире;
- 2) знаки препинания могут организовать структуру всего стиха;
- 3) у поэта наблюдаются разные пунктуационные способы оформления прямой и внутренней речи.

Л и т е р а т у р а

Жирмунский В.М. Теория литературы. Стилистика. Поэтика. Л., 1977.

Кожеевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 1993.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Автобиография и заявление как жанры официально-делового стиля русского языка (лингвистические особенности и методика обучения)

© кандидат филологических наук С. Л. Нистратова (Италия), 2001

Коммуникация на иностранном языке, и в том числе на русском, осуществляется в разных сферах общения. Это зависит, в первую очередь, от коммуникативных потребностей тех, кто изучает язык. Традиционно в университетском курсе русского языка, как правило, основное внимание обращается на темы, ситуации, коммуникативные задачи, характерные для обиходно-бытовой сферы функционирования языка.

Однако в последнее время на продвинутом этапе обучения в число коммуникативных потребностей студентов все чаще входит владение языком делового общения, или «бизнес-русским». Это связано с профессиональной ориентацией учащихся, так как многие иностранцы в настоящее время желают изучать русский язык для пользования им в своей будущей профессиональной деятельности, например, в качестве переводчиков в сфере бизнеса, секретарей-референтов фирм, менеджеров совместных предприятий и т. п.

Повышенный интерес к языку делового общения обусловлен выходом России на международный рынок, развитием внешнеэкономических связей с другими странами, в том числе и с Италией, которая в последнее время является одним из основных зарубежных торговых партнеров России и бывших республик Советского Союза. Соответственно возрастает потребность в специалистах, владеющих русским языком не только в обиходно-бытовой и социально-культурной сфере общения, но и в чисто деловой.

В связи с этим большой популярностью в настоящее время пользуются различные курсы делового русского языка.

На наш взгляд, обучение основам делового русского языка целесообразно начинать еще в университете, а углублять полученные знания и навыки в соответствии со своими сложившимися узкопрофессиональными интересами следует затем на вышеупомянутых курсах. Такая система работы, как показывает практика, дает наиболее оптимальные результаты.

В Венецианском университете на отделении иностранных языков и литературы на протяжении ряда лет читался курс, обучавший студентов основам русского языка делового общения.

Первая часть данного курса предусматривает знакомство с общими характеристиками официально-делового стиля речи и освоение некоторых (наиболее легких) письменных форм названного стиля (автобиография, заявление); вторая часть курса предполагает изучение правил коммерческой переписки на русском языке.

Настоящая статья посвящена первому этапу обучения языку делового общения. В ней рассматриваются экстралингвистические и языковые особенности делового стиля современного русского языка и, в частности, таких его письменных жанров, как автобиография и заявление, а также предполагается методика обучения составлению текстов.

Основные характеристики официально-делового стиля современного русского языка

Как известно, сферу делового общения обслуживает один из книжных стилей русского литературного языка – официально-деловой стиль. Умение создавать тексты деловых бумаг предполагает знание основных особенностей этого стиля и характеристик его жанров.

«Для официально-деловой сферы общения характерна особая однотипность и частая повторяемость устойчивых высказываний: здесь необходимо стандартное оформление деловых отношений. Наличие соответствующей формы для документов различных жанров облегчает ведение деловой переписки, предостерегает автора текста от возможных ошибок. Это обеспечивает адекватное восприятие документа»¹.

Таким образом, одной из главных отличительных особенностей документа является то, что он составлен по общепринятой форме, в которой отражаются основные лингвистические черты официально-делового стиля:

1. Объективность, официальность изложения, связанная с правовыми нормами документа.
2. Точность, лаконичность изложения. Тексты документов абсолютно не допускают разночтения, инотолкования, неясностей. У читающего не должно возникать вопросов по поводу написанного.
3. Неличный, внеиндивидуальный характер изложения, что обуславливает в текстах грамматическую ослабленность форм лица, отраженную в употреблении глаголов и личных местоимений.
4. Неэмоциональность, бесстрастность, отсутствие субъективности. В официально-деловом стиле не употребляются элементы разговорной

---

¹ Сметлова З. С. Деловой человек: культура речевого общения. Пособие и словарь-справочник. М.: КубК-а, 1997. С.31.

речи, а также языковые средства, имеющие эмоционально-экспрессивную окрашенность. В случае необходимости (например, при выражении просьбы, требования, благодарности) предпочтение отдается средствам не эмоциональной, а логической оценки.

5. Стереотипность, широкое использование стандартизированных средств, стремление к выражению мысли единообразным способом, употребляя для этого готовые формы-клише, языковые штампы. «Они вызваны тем, что тематика деловой речи строго определена, ограничена, ситуации ее применения сравнительно немногочисленны и однотипны. Однотипные факты оформляются документами определенного вида, однородными по наименованию, форме и содержанию... Штампы в деловом документе помогают конкретнее, лаконичнее и общепонятнее выразить мысль»².

Лексические, морфологические и синтаксические особенности деловой речи определяются вышеперечисленными основными чертами делового стиля и варьируются в зависимости от жанра и содержания текста документа.

Лексические особенности

В языке деловых бумаг и документов широко используются:

1) профессиональная терминология, соответствующая содержанию документа (например: поставщик, ответчик, неявка, рекламация, контракт и т. д.);

2) нетерминологические слова, употребляющиеся преимущественно в административно-канцелярской речи, так называемые «канцеляризмы». Например, отглагольные существительные (учеба, выполнение, унификация, утверждение) или причастия, характерные только для данного стиля (надлежащий, нижеподписавшийся и т. п.);

3) сложносокращенные слова, аббревиатуры, используемые для названия различных организаций и учреждений (МГУ, НИИ, профком);

4) унифицированные сокращения: область, – обл., профессор – проф., год – г., смотри – см.;

5) имена существительные – названия людей по признаку, обусловленному каким-либо действием или отношением (свидетель, истец, ответчик);

6) ограниченная возможность лексической сочетаемости слов: служебное письмо – направляется (не посылается); оклад – устанавливается (не назначается); отпуск – предоставляется (не дается); виза – выдается (не дается);

---

² Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили: Учебное пособие для вузов. / Под ред. В. А. Алексеева и К. А. Роговой. М.: Высшая школа, 1982. С.26.

7) устойчивые речевые штампы, превращающиеся во фразеологизмы: принимая во внимание; в связи с необходимостью; в целях экономии.

Морфологические особенности

В качестве морфологических особенностей делового стиля отмечаются следующие.

1. Минимальное использование междометий, модальных слов и имен с суффиксами субъективной оценки, обусловленное нейтральностью, неэмоциональностью данного стиля речи;
2. Именной характер, т. е. преобладание имени над глаголом, широкое использование отглагольных существительных и именных словосочетаний, придающих официальность изложению.

По данным известного российского лингвиста М. Н. Кожиной, на каждую тысячу словоупотреблений приходится 421 существительное и 60 глаголов³.

3. Большое количество относительных прилагательных (85%)⁴, обусловленное неэмоциональным характером изложения в данном стиле;
4. преобладание пассивных форм выражения над активными. Например: оплата гарантируется; предложение одобрено.

Действительный залог используется только при необходимости указать на конкретное лицо или организацию как субъект;

5. «цепочки родительного падежа». Например: для применения мер общественного воздействия; в целях улучшения работы предприятий общественного питания города Москвы;
6. отсутствие форм личных местоимений и глаголов, связанное с безличным характером изложения в данном стиле;
7. существительные, обозначающие должности и звания, как правило, употребляются только в мужском роде. Например: профессор Иванова; директор, заведующий;
8. сложные отыменные предлоги, выражающие стандартное содержание (в целях, в отношении, в силу, на основании); предлог по с предложным падежом для обозначения временных отрезков (по достижении 18-летнего возраста).

Синтаксические особенности

В данных текстах наблюдаются:

---

³ Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972. С.139.

⁴ См.: Кожина М. Н. Там же. С. 304.

1. сложные синтаксические конструкции, выражающие логическую последовательность излагаемых фактов, причин, следствий и т.п., так как простое предложение не может отразить данное содержание;
2. преобладание сочинительных союзов над подчинительными;
3. широкое употребление инфинитивных и безличных предложений со значением долженствования;
4. «расщепленные» сказуемые (оказать помощь, провести расследование) в отличие от параллельных им глагольных форм (помочь, расследовать);
5. строгий, определенный порядок слов в предложении, продиктованный логичностью, точностью деловой речи;
6. конструкции с причастными и деепричастными оборотами.

Отмеченные выше лингвистические особенности официально-делового стиля проявляются в текстах документов, и их применение является обязательным и закономерным.

«Знание и использование вошедших в деловой обиход словесных формул и конструкций позволяет пишущему не тратить время на поиск языковых средств, а воспользоваться готовыми формулами, характеризующими стандартные речевые ситуации. Это повышает информативность документа, облегчает его восприятие адресатом⁵».

Слово «документ» происходит от латинского "documentum" и имеет в современном русском языке два значения: 1) паспорт, удостоверение личности; 2) деловая бумага. В курсе обучения деловому общению «документ» используется во втором значении.

Существует около 60 видов служебных (деловых) документов, которые делятся на несколько групп в соответствии со своим функциональным назначением: личные, директивные и распорядительные; административно-организационные, информативно-справочные, служебные и коммерческие письма, финансовые и учетные документы⁶.

Знакомство иностранцев с деловым стилем русского языка, как уже указывалось выше, целесообразно начинать с его обиходно-деловой разновидности⁷, включающей переписку между учреждениями и организациями, а также частные, или личные, деловые бумаги такие, как: автобиография, заявление, доверенность, расписка. Данные документы

---

⁵ Сметлова З. С. Деловой человек: культура речевого общения. Пособие и словарь-справочник. М.: КубК-а, 1997. С.35.

⁶ Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. М.: Флинта, Наука, 1997. С.105.

⁷ Кроме обиходно-деловой разновидности официально-делового стиля выделяется также официально-документальная разновидность (законы, указы, дипломатическая переписка).

имеют наиболее стандартизированную форму и поэтому представляют наименьшие трудности для учащихся.

Кроме того, выбор таких жанров делового стиля, как автобиография и заявление, обусловлен реальными коммуникативными потребностями учащихся, т. к. автобиография и заявление относятся к тем видам личных деловых документов, с которыми чаще всего сталкивается иностранец в своей учебной или профессиональной деятельности. Например, при поступлении на работу или поиске работы в совместном итальянско-русском предприятии, фирме требуется умение написания автобиографии на русском языке. Во время учебы в российских учебных заведениях (например, на курсах русского языка) нередко возникает необходимость написания заявления.

Автобиография и заявление соответствуют следующему определению жанра: «жанр можно определить как выделяемый в рамках того или иного функционального стиля вид речевого произведения, характеризующийся единством конструктивного принципа, своеобразием композиционной организации материала и используемых стилистических структур»⁸.

Итак, перейдем к рассмотрению языковых особенностей названных жанров делового языка и методики обучения им.

Автобиография

В первую очередь, следует провести различие между литературной автобиографией и автобиографией как документом. Последняя должна содержать сведения только «социально значимые и наиболее важные для официального представления о жизни человека с учетом цели создания документа»⁹. Поэтому текст автобиографии, написанный при поступлении в высшее учебное заведение, может отличаться от автобиографии, предназначенной для поступления на работу. В последней основное место должна занимать информация о полученной специальности, занимаемых должностях в предыдущие годы, владении иностранными языками и т. п.

Конструктивным принципом этого жанра является хронологический принцип изложения основных биографических данных, начиная от рождения и кончая временем написания документа.

Как и большинство документов, автобиография имеет: 1) заголовок (слово «автобиография», написанное в середине листа с большой бук-

---

⁸ Кожин А. Н., Крылов О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи: Учебное пособие для филологических специальностей университетов. М.: Высшая школа, 1982. С.156.

⁹ Смелкова З. С. Деловой человек: культура речевого общения. Пособие и словарь-справочник. М.: КУБК-а, 1997. С.93.

вы); 2) стандартизированное начало (Я, фамилия, имя, отчество, родился когда? где?) и 3) концовку (дата, расположенная с левой стороны листа, и подпись – с правой стороны).

Автобиография

Я, Петрова Валентина Андреевна, родилась 25 мая 1951 года в Москве.

В 1958 году поступила в общеобразовательную школу № 14, которую окончила в 1968 году.

С 1968 по 1973 г. училась в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова на филологическом факультете.

С 1973 по 1976 г. являлась аспиранткой Института русского языка им. А. С. Пушкина.

В 1976 г. защитила диссертацию и получила ученую степень кандидата филологических наук.

С 1976 года по настоящее время работаю на кафедре русского языка в Институте русского языка им. А. С. Пушкина в должности доцента.

Замужем. Имею двоих детей.

12.01.96 г.

Петрова

Структура автобиографии

1. Фамилия, имя, отчество. Дата и место рождения.
2. Учеба в школе: когда и где учился.
3. Образование после школы: когда и где учился, какую специальность получил.
4. Работа после учебы: когда, где и кем работал.
5. Работа в настоящее время. Место и должность.
6. Семейное положение.
7. Дата написания автобиографии, подпись.

В самом тексте автобиографии каждый новый блок информации обычно начинается с определения времени и обязательно графически выделяется абзацем (красной строкой).

Лексические и клишированные конструкции, характерные для автобиографии

Автобиография начинается всегда с фразы: Я, фамилия, имя, отчество. Здесь следует обратить внимание на порядок слов: сначала фамилия, затем имя и (для русских) отчество. Личное местоимение **я** используется только в стандартизированном начале автобиографии, в даль-

нейшем следует избегать употребления личных местоимений (что обусловлено нормами официально-делового стиля).

В тексте автобиографии часто используются следующие глаголы и глагольные словосочетания:

поступить (куда?)	– в школу, университет, на факультет, курсы, работу
учиться (где?)	– в школе, лицее, институте, университете, на факультете, курсах (чего?)
окончить, закончить (что?)	– школу, лицей, университет, курсы
получить (что?)	– диплом, специальность, квалификацию, профессию, ученую степень
работать (где?)	– на заводе, фабрике, фирме, кафедре, в университете, агентстве, школе
(кем?)	– преподавателем, инженером
в качестве (кого?)	– переводчика, профессора
в должности (кого?)	– главного инженера
являться (кем?)	– студентом, аспирантом, стажером (чего?)

При написании раздела «семейное положение» используются обычно клишированные конструкции: женат – не женат, холост; замужем – не замужем; имею (одного) ребенка, двоих детей; детей не имею.

При обозначении определенного временного периода учебы или работы, как правило, используется конструкция: с... по... Например: С 1990 по 1991 год работал (учился)...

В заключительной части автобиографии обычно используется конструкция: с (какого?) года по настоящее время + глагол в настоящем времени. Например: С 1998 года по настоящее время являюсь студентом университета / работаю переводчиком (где?).

Во временных конструкциях, как правило, используется сокращенное написание слова год – г. или множественное число – г.г.; с.г. – сего года (этого года).

Кроме того, в документах встречаются некоторые другие общепринятые сокращения¹⁰: строчная буква г с точкой перед названием города обозначает слово город; обл. – область; дер. – деревня; р-н – район.

Наименования должностей и званий (стоят непосредственно перед фамилией): проф. – профессор; член-корр. – член-корреспондент; канд. филол. наук – кандидат филологических наук; зав. – заведующий; зам. – заместитель.

Текстовые обозначения: т. д. – так далее; т. п. – тому подобное; см. – смотри; напр. – например; др. – другие; с. – страница; гл. – глава; им. – имени.

---

¹⁰ Здесь приводятся некоторые наиболее употребительные виды сокращений, характерные не только для текста автобиографии, но и для других типов документов, например для заявлений.

Не сокращаются в текстах документов ключевые слова. Сложносокращенные слова (образованные из начальных букв) пишутся прописными буквами: МГУ (Московский государственный университет), НИИ (научно-исследовательский институт).

В пределах одного документа написание сокращений должно быть единым, т. е. нельзя, например, писать слово город, то гор., то г.

Следует обратить внимание студентов также на правила написания названий организаций и учреждений в русском языке.

С прописной буквы пишутся все слова, кроме служебных, в названиях высших правительственных, государственных организаций и учреждений страны, а также важнейших международных организаций. Например: Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Организация Объединенных Наций.

С прописной буквы пишется только первое слово в названиях центральных учреждений, общественных организаций: Министерство высшего образования РФ; Федерация независимых профсоюзов России.

С прописной буквы пишется первое слово и собственные имена в названиях научных, учебных заведений, учреждений культуры и промышленных предприятий: Академия наук России; Институт иностранных языков; Политехнический музей; Первый часовой завод; Государственная российская библиотека.

Названия должностей и профессий, относящихся к лицам женского пола, в текстах документов пишутся обычно в форме существительных мужского рода. Например: профессор Иванова, инженер Федотова, работала переводчиком.

При написании раздела автобиографии, связанного с учебой, итальянские студенты нередко сталкиваются с трудностями в переводе на русский язык названий учебных заведений. Это связано с различием в системах образования Италии и России (так, например, институт в России является высшим учебным заведением, тогда как в Италии – средним). Поэтому написание автобиографии целесообразно предварить вступительной беседой об особенностях системы образования в этих странах.

Приведем перевод названий некоторых учебных заведений:

scuola elementare	– начальная школа
media	– средняя школа
superiore	– средняя школа высшей ступени
liceo artistico	– художественный лицей
classico	– классический лицей
scientifico	– естественнонаучный лицей

При обучении написанию автобиографии можно использовать следующие виды заданий:

1. рассмотрение предложенного образца автобиографии; анализ структуры, использованных языковых средств; выделение клишированных конструкций;
2. исправление ошибок, допущенных в тексте автобиографии; сравнение с правильным вариантом;
3. исключение избыточной информации из предложенного образца, отбор социально-значимых данных;
4. переработка свободного автобиографического изложения в текст документа;
5. расположение информации в хронологическом порядке;
6. написание автобиографии вымышленного лица по предложенным датам;
7. перевод автобиографии с итальянского языка на русский;
8. отбор необходимой информации из текста свободного автобиографического изложения на итальянском языке и написание автобиографии на русском языке.

Заявление

Заявление — это документ, содержащий просьбу какого-либо лица, адресованный организации или должностному лицу.

При обучении иностранцев основное внимание следует сосредоточить на тех видах заявлений, которые соответствуют коммуникативным потребностям учащихся. Студенты должны научиться, в первую очередь, составлять заявления, необходимость в которых может возникнуть, например, во время их учебной или будущей профессиональной деятельности.

Поэтому заявления в соответствии с коммуникативными потребностями учащихся можно разделить на три группы:

- 1) заявления, связанные с учебой
- 2) заявления, связанные с работой

3) заявления, связанные с получением определенной информации или документов, и адресованные, как правило, какой-либо организации.

К первой группе относятся заявления, необходимость в написании которых может возникнуть в период обучения в российских вузах или на курсах русского языка. Они могут содержать просьбу: зачислить на курсы русского языка, принять на стажировку; перенести сроки сдачи экзаменов; освободить от занятий; разрешить внеочередную поездку домой; перевести в другую учебную группу; предоставить место в общежитии; дать отношение для работы в библиотеке и т. п.

Во вторую группу входят заявления, связанные с будущей профессиональной деятельностью студентов (например, в совместных российско-итальянских предприятиях) и содержащие просьбу: принять на

работу или уволить с работы; разрешить служебную командировку; предоставить отпуск и т. д.

Третья группа содержит заявления, адресованные, как правило, российской организации или учреждению с просьбой оформить документ (например, выдать визу), выслать какие-либо материалы (например, библиографию, необходимую для работы над дипломом или диссертацией) или сделать фотокопию статьи, книги.

Как и автобиография, заявление имеет определенную текстовую форму и стандартную структуру. Данный тип документа состоит из: наименования адресата и автора (заявителя); заголовка; текста, содержащего просьбу и ее обоснование, и концовки (дата и подпись). Приведем образец заявления:

В консульский отдел Посольства
Российской Федерации в Италии
(от) студентки Венецианского
университета Ка Фоскари
Росси Кьяры

Заявление

Прошу выдать мне визу сроком на четыре месяца (с 1.02 по 31.05.99) для поездки в Москву в связи с учебой на курсах русского языка в МГУ им. М.В. Ломоносова.

10.01.99

Росси

К заявлению прилагаются: 1) 2 фото; 2) анкета; 3) копия паспорта.

Следует обратить внимание на расположение частей заявления на листе:

- 1) наименование адресата пишется справа вверху, под ним наименование автора (заявителя);
- 2) заголовок – «заявление» – пишется с большой буквы в середине страницы;
- 3) текст заявления пишется с красной строки;
- 4) дата ставится слева, а подпись – справа.

Некоторые типы заявлений могут включать и приложение, содержащее перечень документов, сопровождающих данное заявление. В этом случае список документов дается после концовки (даты и подписи).

Структура заявления

1. Адресат: должность, фамилия и инициалы лица, которому адресовано заявление, в дательном падеже.

Если заявление адресовано в организацию или учреждение, официальное название организации должно стоять в винительном падеже. В случае обращения в конкретный отдел какой-либо организации, учреждения, сначала пишется название отдела в винительном падеже, а затем – организации в родительном падеже. Например: В отдел библиографии Государственной российской библиотеки; В консульский отдел Посольства Российской Федерации в Италии.

2. Автор (заявитель): должность, фамилия, инициалы в родительном падеже без предлога или с предлогом от.

Если заявление содержит просьбу выслать какие-либо материалы, то после фамилии и инициалов заявитель должен указать свой адрес, который вводится в текст с помощью причастного оборота (причастие + предлог по + дательный падеж имени существительного). Например: (от) аспиранта филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Иванова Н. И., проживающего по адресу: Москва, ул. Волгина, 6, кв. 11.

3. Текст заявления: сначала краткое изложение просьбы, а затем ее обоснование (в связи с чем написано заявление, аргументы для положительного решения вопроса).

4. Концовка: дата и подпись.

Лексика и клишированные конструкции, характерные для заявления

При написании должности лица, которому адресовано заявление, следует обратить внимание на употребление следующих словосочетаний:

заведующий (чем?) – кафедрой, отделом (чего?)

Например: заведующему кафедрой русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

декан, ректор (чего?) – факультета, университета

директор (чего?) – курсов русского языка, института

начальник, руководитель (чего?) – отдела

заместитель (кого?) – заведующего кафедрой, декана

Как и в тексте автобиографии, здесь допускаются общепринятые сокращения некоторых наименований должностей: зав. – заведующий; зам. – заместитель.

При написании русских фамилий адресата и автора заявления в косвенных падежах следует помнить следующие правила склонения русских фамилий:

1) не склоняются фамилии славянского происхождения на -а, -о (часто они совпадают с названиями неодушевленных предметов или животных): Шило, Крыса;

2) не склоняются фамилии на -аго, -яго, -ых, -их, -ово, -ко (-енко). Например: Живаго, Дубяго, Черных, Долгих, Дурново, Франко, Короленко;

3) склоняются нерусские фамилии на безударные -а, -я. Например: профессору Коломбо от студента Дзанатты;

4) склоняются русские и иноязычные фамилии на согласную, если они относятся к лицам мужского пола (например: *заявление Николая Ревчука*); не склоняются, если относятся к женщинам (*просьба Ольги Ревчук*).

Текст заявления начинается с просьбы, которая обычно оформляется с помощью клишированной формы: прошу + инфинитив глагола совершенного вида. Возможна также конструкция: Прошу Вашего разрешения / согласия + на (что?): на зачисление, на выезд и т.п.

Приведем список наиболее употребительных глаголов и существительных, используемых для выражения просьбы:

Прошу	выдать (что?):	визу, стипендию, зарплату, студенческий билет
	выслать (что?):	библиографию, информацию, список, материалы, данные
	зачислить, при- нять (куда?):	на работу, на стажировку, на курсы, на факультет, в университет
	командировать (куда?):	на конференцию, на фирму
	освободить от (чего?):	от занятий, от занимаемой должности
	перенести (что?):	экзамен с (какого числа) на (какое число)
	предоставить (что?):	отпуск, информацию, место в общежитии
	разрешить (что?):	поездку, командировку
	сделать (что?):	фотокопию

При обучении написанию текста заявления следует также обратить внимание на следующие устойчивые словосочетания:

принять на работу	в качестве (кого?):	переводчика
	в должности (кого?)	секретаря-референта
выдать визу	с (какого числа) по (какое число) сроком на (сколько дней, месяцев)	
предоставить отпуск	с (какого числа) по какое число, очередной отпуск, отпуск за свой счет, академический отпуск	
выслать материалы,	необходимые для (чего?):	
	работы над (чем?)	диссертацией
	написания (чего?)	дипломной работы
	выполнения (чего?)	работы

Государственный институт иностранных языков, переводческий факультет

Автор: студент(-ка), переводческий факультет, третий курс.

Просьба: хочет сдать экзамен (русский язык) раньше, так как должен (должна) уехать домой.

Рассмотренным в данной статье лингвистическим особенностям жанров автобиографии и заявления и методике обучения созданию данных текстов уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания в существующих пособиях по обучению деловому общению. Как правило, в них дается лишь общая характеристика этих типов документов и приводятся несколько образцов. К тому же большинство учебников по «бизнес-русскому» адресовано носителям языка, и в связи с этим в них практически не рассматриваются лингвистические трудности, с которыми может столкнуться иностранец при написании текстов автобиографии и заявления. Поэтому представляется, что материалы данной статьи окажутся полезными и могут быть использованы в курсах по обучению иностранных студентов русскому языку делового общения.

Приложение

Образцы заявлений:

1.

В отдел библиографии
Государственной библиотеки РФ
(от) студента четвертого курса филологического факультета Венецианского университета
Ка Фоскари
(фамилия, имя).....,
проживающего по адресу: .....

Заявление

Прошу выслать мне библиографию по теме «Русско-итальянские литературные связи XIX века», необходимую для написания дипломной работы.

Дата

Подпись

2. Генеральному представителю
фирмы «Аристон» в Москве
Сухареву И.Ю.
(от) выпускника Миланского университета
(фамилия, имя).....

Заявление

Прошу принять меня на работу в Вашу фирму в качестве переводчика с итальянским, русским и английским языками.

Дата

Подпись

К заявлению прилагаю: автобиографию, копию диплома.

3. Декану переводческого факультета
Государственного института иностранных языков
проф. Манько А. П.
(от) студентки третьего курса
(фамилия, имя).....

Заявление

Прошу разрешить мне сдать экзамен по русскому языку досрочно в связи с необходимостью отъезда домой по семейным обстоятельствам.

Дата

Подпись

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

© Глеб Арсеньев

Виктории Красных

Поля
и дорога меж ними
путаница пыли и травы
перелесков ломаные нимбы
жары нарыв
душа взаправду побирается?
судьба ушла на богомолье?
россыпью
у горизонта
в подсветке померанцевой
дрозды и молнии
расклеывают зерна
сыпного срока
нищоброду незасорно
объедки подбирать
авось и доживет
до предпоследнего
с привкусом аниса
полунамека.

08 сентября 2001 г.

Дмитрию Гудкову

Дети земли

Кандидат биологических наук Рамзес Иванович Кряжев очень любил кошек. «Кошки, – говаривал он, – это мое пристрастие».

Был Рамзес Иванович вида бармалеистого: непрореженная борода, глазки свиные, губы сочные. Женщины его не любили, вернее, до любви дело не доходило: они сразу же шарахались, увидев Рамзеса Ивановича.

Анатолий Петрович Сикофант, ныне пенсионер, а прежде учитель немецкого языка в средней школе, заходивший между 16 и 25 каждого месяца на почту за деньгами, всякий раз возвращался оттуда затуманенным. «И откуда нанесло на меня это ОРЗ? – недоумевал он по поводу своей фамилии. – Она, конечно, соски не просит, но все время вздрагиваешь и оглядываешься.»

На почте и познакомился Анатолий Петрович с Рамзесом Ивановичем. Рамзес Иванович старался хоть с одного конца разорвать четырехугольник пеньковой веревки, опоясывающий бандероль, но это ему плохо удавалось. Анатолий Петрович предложил свой перочинный нож. Рамзес Иванович взял, резанул где-то справа, рванул, как коренные зубы, сургучные печати по бокам и на оборотной стороне бандероли, разодрал коричневый, в белой сыпи засохшего клея, треугольник сгиба. Мелькнул глянцевый переплет и кошачья морда в цвете.

«Эх, хороша,» – сказал Рамзес Иванович, адресуясь то ли к кошке, то ли к книге.

Из почты Рамзес Иванович и Анатолий Петрович вышли вместе. Непонятно почему, но вместе уселись на скамейке в сквере перед почтой и стали разглядывать иллюстрации.

«Это мне друг достал, – сказал Рамзес Иванович. – Ездил в командировку, купил и вот прислал.»

«Друг-то не московский, что ли?» – спросил Анатолий Петрович.

«Московский. Неподалеку живет,» – признал Рамзес Иванович.

«А чего же сами за книгой не зашли?» – удивился Анатолий Петрович.

«Да не по мне быть гостем. Хозяева маются, и я маюсь. От духоты и неразговорчивости. Я тишину люблю. Сквозняки. Чтобы занавеска плескалась на окне. И пахла дождем пыль.»

«А кошки?»

«Для души. Я с ними беседую молча. Как с этими иллюстрациями.»

Анатолий Петрович еще раз перелистал книгу: серые и буланные, домашних и дикие, абиссинские, ангорские, сиамские и бог весть еще какие. Фейерверк оттенков. Карнавал поз и движений.

«А в шахматы не играете?» – спросил Анатолий Петрович.

Рамзес Иванович задумался.

«Пожалуй, что нет. Не получается. Возьмусь за коня и думаю: и что он так скособоченно, буквой «г», скачет? И почему кони – лишь белые и черные? А где же других мастей? И почему играют именно ими, а не собаками или мышами? А? Лучше уж скачки: тоже шахматы, но живые. А над ними облака. И там тоже ипподромы. И откуда-то запах высыхающей краски... Вы заметили? Наши шахматные чемпионы похожи на дистиллированную воду: встряхиваешь, взбалтываешь – и хоть бы она зацвела.»

«Ну зачем так резко! – упрекнул Анатолий Петрович. – Говорят, для этой игры нужны особые способности... Да и ваши скачки – тоже игра и для зрителей, и для жокеев.»

«Нет, – возразил Рамзес Иванович. – Две игры – и две большие разницы. Играющие в шахматы погоняют самих себя, лошади же бегут по своей охоте, разноцветные жокеи – лишь придаток, хотя им и кажется, что именно в их руках поводья бега. Жокеи – нарост, случайность, тщеславное доказательство стремления казаться, а не быть.»

«Вы, Рамзес Иванович, – тяжелый человек. Если вы так и в семье...»

«У меня нет семьи, – перебил собеседника Рамзес Иванович. – Кошки вот есть. Две. Непородистые, подзаборные. Сами меня нашли. Сначала одна замыкала у двери, потом другая. Я их по очереди и впустил. И стало нас четверо: я, кошки и телевизор. Правда, смотрю его мало. Не люблю торопливого многословия. И подсахаренных проповедников и проповедниц, глядящих в пустоту. И программную смену блюд, в которых недвес не очень-то старательно залит перестоявшимся и подгоревшим соусом.»

«Да-а-а, – протянул Анатолий Петрович. – Слушаю вас и думаю: правильно сделали, что не женились. В вас и доли нет циркумфлексности, как сказали бы мои прежние коллеги. А в семейной жизни известная легкость не мешает, в ней годится не всякое лыко в строку.»

«Не думайте, что со мной трудно поладить, – возразил Рамзес Иванович. – С кошками я же лажу. И на работе никто косо не глядит. Я – неплохой этолог. Так даже начальство считает. Если уж хотите, я сладострастен, как старик Карамазов. Мне отвращает перенасыщенность мелочей, их выпадающие кристаллы, метки которых – маникюр и губ-

ная помада. Я видел, как полупьяные кристаллы с намарафеченными гранями столкнулись в Саратове: трое на троих, в ход шли кулаки, ногти и каблуки сапожек. Каблуки с металлическими подковками и с медной оковкой. И посылали кристаллы друг друга туда, откуда пастух Макар давно вернулся, ничего там не найдя. Им бы в старшины. Или ротами командовать... Кажется, еще Розанов прикидывал: в таких + 1 самки или ± 0 ? Взгляните напротив, на этих шестнадцатилетних. Даже сидеть не умеют. А скоро и рожать разучатся... Так! Магнитофон... Ну конечно, трясут и скопец Леонтьев, а затем пойдет Пугачева, мармелад, переложенный кусками селедки с загарцем...»

«Я пойду, – вдруг засуетился Анатолий Петрович, – пора мне...»

Рамзес Иванович вздохнул. «Рад был познакомиться. Может быть, когда-нибудь и столкнемся на почте.»

«А душа у вас, – неожиданно выговорил Анатолий Петрович, – все-таки зеленая и дымчатая...»

«Как у кошек глаза или неспелые ягоды крыжовника,» – согласился Рамзес Иванович.

(не ранее 70 и не позже 80 годов)